Ив. ШМЕЛЕВЪ

СОЛНЦЕ МЕРТВЫХЪ



ВОЗРОЖДЕНІЕ

Ив. ШМЕЛЕВЪ

СОЛНЦЕ МЕРТВЫХЪ

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ



КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОЗРОЖДЕНІЕ — LA RENAISSANCE
73, Avenue des Champs Elysées
Парижъ

УТРО

За глиняной стѣнкой, въ тревожномъ снѣ, слышу я тяжелую поступь и трескъ колючаго сушняка...

Это опять «Тамарка» напираетъ на мой заборъ, красавица-симменталка, бѣлая, въ рыжихъ пятнахъ, — опора семьи, что живетъ повыше меня, на горкѣ. Каждый день — бутылки три молока, — пѣннаго, теплаго, пахнущаго живой коровой! Когда молоко вскипаетъ, начинаютъ играть на немъ золотистыя блестки жира и появляется пѣночка...

Не надо думать о такихъ пустякахъ, — чего они лѣзутъ въ голову!

И такъ, новое утро...

Да, сонъ я видѣлъ... странный какой-то сонъ, чего не бываетъ въ жизни.

Всѣ эти мѣсяцы снятся мнѣ пышные сны. Съ чего? Явь моя такъ убога... Дворцы, сады... Тысячи комнатъ, — не комнатъ, а залъ роскошныхъ, изъ сказокъ Шехерезады, — съ люстрами въ голубыхъ огняхъ — огняхъ нездѣшнихъ, съ серебряными столами, на которыхъ груды цвѣтовъ — нездѣшнихъ. Я хожу и хожу по заламъ — ищу... Кого я съ великой мукой ищу, — не знаю. Въ тоскѣ, въ тревогѣ, я выглядываю въ огромныя окна: за ними сады, съ лужайками, съ зеленѣющими долинками, какъ на старинныхъ картинахъ. Солнце, какъ-будто, свѣтитъ, но это не наше солнце.... — подводный какой-то свѣтъ, блѣдной жести. И всюду — цвѣтутъ деревья, нездѣшнія: высокія-высокія сирени, блѣдные колокольчики на нихъ, розы поблекшія... Странныхъ людей я вижу. Съ ли-

цами неживыми, ходятъ, ходятъ они по заламъ, въ одеждахъ блѣдныхъ, — съ иконъ, какъ-будто, — заглядываютъ со мною въ окна. Что-то мнѣ говоритъ, — я чую это щемящей болью, что они прошли черезъ страшное, сдѣлали съ ними что-то, и они — внѣ жизни. Уже — нездѣшніе... И невыносимая скорбь ходитъ со мной въ этихъ, до жути роскошныхъ, залахъ....

Я радъ проснуться.

Конечно, она — «Тамарка». Когда молоко вскипаетъ... Не надо думать о молокѣ. Хлѣбъ насущный? У насъ на нѣсколько дней муки... Она хорошо запрятана по щелямъ, — теперь опасно держать открыто: придутъ ночью... На огородикѣ помидоры, — правда, еще зеленые, но они скоро покраснѣютъ... съ десятокъ кукурзы, завязывается тыква... Довольно, не надо думать!..

Какъ не хочется подыматься! Все тѣло ломитъ, а надо ходить по балкамъ, рубить «кутюки» эти, дубовыя корневища. Опять все то же!..

Да что такое «Тамарка» у забора?.. Сопѣнье, похлестыванье вѣтокъ... обгладываетъ миндаль! А сейчасъ подойдетъ къ воротамъ и начнетъ выпирать калитку. Кажется, колъ приставилъ... На прошлой недѣлѣ она выперла ее на колу, сняла съ петель, когда всѣ спали, и сожрала половину огорода. Конечно, голодъ... Сѣна у Вербы нѣтъ на горкѣ, трава давно погорѣла, — только обглоданный грабъ да камни. До поздней ночи нужно бродить «Тамаркѣ», выискивать по глубокимъ балкамъ, по непролазнымъ чащамъ. И она бродитъ, бродитъ...

А все-таки подыматься надо. Какой же сегодня день? Мѣсяцъ — августъ. А день... Дни теперь ни къ чему, и календаря не надо. Безсрочнику все едино. Вчера доносило благовѣстъ въ городкѣ... Я сорвалъ зеленый кальвиль — и вспомнилъ: Преображеніе! Стоялъ съ яблокомъ въ балкѣ... принесъ и

положилъ тихо на верандѣ. Преображеніе... Лежитъ кальвиль на верандѣ. Отъ него теперь можно отсчитывать дни, недѣли...

Надо начинать день, увертываться отъ мыслей. Надо такъ завертѣться въ пустякахъ дня, чтобы бездумно сказать себѣ: еще одинъ день убитъ!

Какъ каторжанинъ-безсрочникъ, я устало надѣваю тряпье, — милое мое прошлое, изодранное по чащамъ. Каждый день надо ходить по балкамъ, царапаться съ топоромъ по кручамъ: заготовлять къ зимѣ топливо. Зачѣмъ — не знаю. Чтобы убивать время. Мечталъ когда-то сдѣлаться Робинзономъ — сталъ. Хуже, чѣмъ Робинзонъ. У того было будущее, надежда: а вдругъ — точка на горизонтѣ! У насъ не будетъ никакой точки, во-вѣкъ не будетъ. И все же надо ходить за топливомъ. Будемъ сидѣть въ зимнюю долгую ночь у печурки, смотрѣть въ огонь. Въ огнѣ бываютъ видѣнія... Прошлое вспыхиваетъ и гаснетъ... Гора хворосту выросла за эти недѣли, сохнетъ. Надо еще, еще. Славно будетъ рубить зимой! Такъ и будутъ отскакивать! На цѣлые дни работы. Надо пользоваться погодой. Теперь хорошо, тепло, — можно и босикомъ или на деревяшкахъ, — а вотъ какъ задуетъ отъ Чатырдага да зарядятъ дожди... Тогда плохо ходить по балкамъ.

Я надѣваю тряпье... Старьевщикъ посмѣется надъ нимъ, въ мѣшокъ запхаетъ. Что понимаютъ старьевщики! Они и живую душу крюкомъ зацѣпятъ, чтобы вымѣнять на гроши. Изъ человѣчьихъ костей наварятъ клею — для будущаго, изъ крови настряпаютъ «кубиковъ» для бульона... Раздолье теперь старьевщикамъ, обновителямъ жизни! Возятъ они по ней желѣзными крюками.

Мои лохмотья ... Послѣдніе годы жизни, послѣдніе дни — на нихъ, послѣдняя ласка взгляда... Они не пойдутъ старьевщикамъ. Истаютъ они подъ солнцемъ, истлѣютъ въ дождяхъ и вѣтрахъ, на колю-

чихъ кустахъ по балкамъ, по птичьимъ гнѣздамъ...

Надо отворить ставни. А ну-ка, какое утро?..

Да какое же может быть утро въ Крыму, у моря, въ началѣ августа?! Солнечное, конечно. Такое ослѣпительно-солнечное, роскошное, что больно глядѣть на море: колетъ и бьетъ въ глаза.

Только отпахнешь дверь, — и хлынетъ въ защуренные глаза, въ обмятое, увядающее лицо — солнцемъ пронизанная ночная свѣжесть горныхъ лѣсовъ, долинъ горныхъ, налитая особенной, крымской, горечью, настоявшеюся въ лѣсныхъ щеляхъ, сорвавшеюся съ луговъ, отъ Яйлы. Это — послѣднія волны ночного вѣтра: скоро потянетъ съ моря.

Милое утро, здравствуй!

Въ отлогой балкѣ — корытомъ, гдѣ виноградникъ, еще тѣнисто, свѣжо и сѣро; но глинистый скатъ напротивъ уже розово-красный, какъ свѣжая мѣдь, и верхушки молодокъ-грушъ, понизу виноградника, залиты алымъ глянцемъ. А хороши молодки! Прибрались, подзолотились, понавѣшали на себя тяжелыя бусы-грушки — мари-луизъ.

Я тревожно обыскиваю глазами... Цѣлы! Еще одну ночь провисѣли благополучно. Не жадность это: это же хлѣбъ нашъ зрѣетъ, хлѣбъ насущный.

Здравствуйте и вы, горы!

Къ морю — малютка-гора Кастель, крѣпость надъ виноградниками, гремящими надалеко славой. Тамъ и золотистый сотернъ — свѣтлая кровь горы, и густое бордо, пахнущее сафьяномъ и черносливомъ, — и крымскимъ солнцемъ! — кровь темная. Сторожитъ Кастель свои виноградники отъ стужи, грѣетъ ночами жаромъ. Въ розовой шапкѣ она теперь, понизу темная, вся — лѣсная.

Правѣе, дальше — крѣпостная стѣна-отвѣсъ, голая Куш-Кая, плакатъ горный. Утромъ — розовый, къ ночи — синій. Все вбираетъ въ себя, все видитъ. Чертитъ на немъ невѣдомая рука... Сколько верстъ

до него, а — близкій. Вытяни руку и коснешься: только перемахнуть долину внизу и взгорья, все — въ садахъ, въ виноградникахъ, въ лѣсахъ, балкахъ. Вспыхиваетъ по нимъ невидимая дорога пылью: катитъ автомобиль на Ялту.

Правѣе еще — мохнатая шапка лѣсного Бабугана. Утрами золотится онъ; обычно — дремуче-черенъ. Видны на немъ щетины лѣсовъ сосновыхъ, когда солнце плавится и дрожитъ за ними. Оттуда приходитъ дождь. Солнце туда уходитъ.

Почему-то кажется мнѣ, что съ дремуче-чернаго Бабугана сползаетъ ночь...

Не надо думать о ночи, о снахъ обманныхъ, гдѣ все — нездѣшнее. Съ ночью они вернутся. Утро срываетъ сны: вотъ она, голая правда, — подъ ногами. Встрѣчай же его молитвой! Оно открываетъ дали...

Не надо глядѣть на дали: дали обманчивы, какъ и сны. Онѣ манятъ и — не даютъ. Въ нихъ голубого много, зеленаго, золотого. Не надо сказокъ. Вотъ она, правда, — подъ ногами.

Я знаю, что въ виноградникахъ, подъ Кастелью, не будетъ винограда, что въ бѣлыхъ домикахъ — пусто, а по лѣсистымъ взгорьямъ разметаны человѣческія жизни.... Знаю, что земля напиталась кровью, и вино выйдетъ терпкимъ и не дастъ радостнаго забытья. Страшное вписала въ себя сѣрая стѣна Кушкаи, видная издалеко. Время придетъ — прочтется...

Я уже не гляжу на дали.

Смотрю черезъ свою балку. Тамъ — мои молодые миндали, пустырь за ними.

Каменистый клочокъ земли, недавно собиравшійся жить, теперь — убитый. Черные рога виноградника: побили его коровы. Зимніе ливни роютъ на немъ дороги, прокладываютъ морщины. Торчитъ перекати-поле, уже отсохшее: заскачетъ — только задуетъ Сѣверъ. Старая татарская груша, дуплистая и

кривая, годы цвѣтетъ и сохнетъ, годы кидаетъ вокругъ медовую желтую «буздурханъ», все дожидаетъ смѣны. Не приходитъ смѣна. А она, упрямая, ждетъ и ждетъ, наливаетъ, цвѣтетъ и сохнетъ. Затаиваются на ней ястреба. Любятъ качаться вороны въ бурю.

А вотъ — бѣльмо на глазу, калѣка. Когда-то — «Ясная Горка», дачка учительницы екатеринославской. Стоитъ — кривится. Давно обобрали ее воры, побили стекла, и она ослѣпла. Осыпается штукатурка, показываетъ ребра. А все еще доматываются въ вѣтрѣ повѣшенныя когда-то сушиться тряпки, — болтаются на гвоздяхъ, у кухни. Гдѣ-то теперь заботливая хозяйка? Гдѣ-то. Разрослись у слѣпой веранды вонючія уксусныя деревья.

Дачка свободна и безхозяйна, — и ее захватилъ павлинъ.

ПТИЦЫ

Павлинъ... Бродяга-павлинъ, теперь никому ненужный. Онъ ночуетъ на перильцахъ балкона: такъ не достать собакамъ.

Мой когда-то. Теперь — ничей, какъ и эта дачка. Есть же ничьи собаки, есть и люди — ничьи. Такъ и павлинъ — ничей.

Я не могу содержать его, роскошь эту. Онъ это понялъ и поселился на пустырѣ. Мы — сосѣди. Онъ какъ-то ухитряется жить, пережилъ зиму и выпустилъ-таки хвостъ новый, хоть и не совсѣмъ прежній. Временами захаживаетъ ко мнѣ. Станетъ подъ кедромъ, гдѣ когда-то дремалъ въ жары, поглядываетъ и ждетъ-пытаетъ:

— Не дашь?..

— Не дамъ. Видишь — ничего нѣту, Павка.

Поведетъ коронованной головкой, хвостъ иногда распуститъ:

— Не дашь?!..

Постоитъ и уйдетъ. А то взмахнетъ на ворота, повертится-потанцуетъ:

— Смотри-ка, какой красивый! Не дашь...

И слетитъ на пустую дорогу, блеснетъ зелено-золотистымъ хвостомъ. Тамъ и тамъ покричитъ-позоветъ по балкамъ, — пава, можетъ, откликнется! Глядишь — ужъ опять бродитъ у своей одинокой дачки. А то пройдется за горку, въ «Тихую Пристань», къ Прибыткамъ: тамъ дѣти, — чего и дадутъ, можетъ. Врядъ ли: тамъ тоже плохо. Или къ Вербѣ, на горку: тамъ иногда даютъ ребятишки въ обмѣнъ на

перья. А то повыше, на самый тычокъ, къ старому доктору. Но тамъ и совсѣмъ плохо.

Недавно онъ жилъ въ довольствѣ, ночевалъ на крышѣ, а дни проводилъ подъ кедромъ. Собирались найти ему подругу.

Мнѣ его больно видѣть.

...Э-оу-ааааа!.. — пустыннымъ крикомъ кричитъ павлинъ. Жалуется? тоскуетъ?

Его разбудило утро. И для него теперь день — въ работѣ. Поднялся, расправилъ серебристыя крылья, въ палево-розовой опушкѣ, выправилъ горделиво головку, — черноглазой царицей смотритъ. На старую грушу смотритъ и вспоминаетъ, что «буздурханъ» обобранъ. Ну, кричи же! кричи, что и ты ограбленъ! Сіяя голубымъ фіолетомъ въ солнцѣ, вдумчиво ходитъ онъ по балкону, шелковымъ хвостомъ возитъ, — приглядывается къ утру... И — молніей падаетъ въ виноградникъ.

— Ш-ши... несчастный!

Онъ теперь не боится крика: вьется змѣей-хвостомъ въ лозахъ, оклевываетъ зрѣющія грозди. Вчера было много исклеванныхъ. Что же дѣлать! Всѣ хотятъ ѣсть, а солнце давно все выжгло. Онъ становится дерзкимъ воромъ, красавецъ, съ царственной поступью. Онъ открыто грабитъ меня, лишаетъ хлѣба: вѣдь виноградомъ питаться можно! Я выбиваю его камнями, онъ все понимаетъ, зелено-голубой молніей юркаетъ-вьется между лозами, змѣится по розовой осыпи и пропадаетъ за своей виллой. Кричитъ пустынно:

...Э-оу-ааааа!..

Да, теперь и ему плохо. Желудей въ этомъ году не уродилось; не будетъ и на шиповникѣ ничего, и на ажинѣ, — все усохло. Долбитъ, долбитъ павлинъ сухую землю, выклевываетъ дикій чеснокъ, лукъ тадючій, — отъ него остро пахнетъ чесночнымъ духомъ.

Лѣтомъ онъ ходилъ въ котловину, гдѣ греки посѣяли пшеницу. Индюшка съ курочками тоже ходила на пшеницу, которую стерегли греки. Пшеница теперь богатство! Даже ночевали греки въ котловинѣ, у огонька сидѣли, прислушивались къ ночи. Много у пшеницы враговъ, когда наступаетъ голодъ.

Бѣдныя мои птицы! Онѣ худѣютъ, таютъ, но... онѣ связываютъ насъ съ прошлымъ. До послѣдняго зернышка мы будемъ дѣлиться съ ними.

Солнце уже высоко ходитъ, — пора выпускать куриное семейство. Несчастная индюшка! У ней не было пары, но она упорно сидѣла и не брала корма. И добилась: высидѣла шестерку курочекъ. Чужимъ, она отдала имъ свою заботу. Она научила ихъ засматривать въ небо однимъ глазомъ, ходить чинно, подтягивая лапки, и даже перелетать балку. Она принесла намъ отрадную заботу, которая убиваетъ время.

И вотъ, на ранней зарѣ, — чуть забѣлѣетъ небо, — выпустишь подтянутую индюшку.

— Ну, ступайте!

Она долго стоитъ, круглитъ на меня то тѣмъ, то другимъ глазомъ: покормить бы надо! А ея кроткія курочки, бѣленькія, одна въ одну, вспархиваютъ ко мнѣ въ руки, цапаются за мои лохмотья, настойчиво, глазами просятъ, — стараются уклюнуть въ губы. Пышныя, онѣ день ото дня пустѣютъ, становятся легкими, какъ ихъ перья. Зачѣмъ я ихъ вызвалъ къ жизни! Обманывать пустоту жизни, наполнить птичьими голосками?..

— Простите меня, малютки. Ну, веди ихъ т у д а... индюша!

Она знаетъ, что нужно дѣлать. Она сама отыскала «пшеничную» котловину и понимаетъ, что греки ее гоняютъ. Грабомъ и дубнячкомъ прокрадывается она въ разсвѣтѣ, ведетъ курочекъ на кормежку, на самый край котловины, гдѣ подходитъ къ кустамъ

пшеница. Юркнетъ со стайкой, заведетъ въ самую середину, — и начинаютъ кормиться. Крѣпкимъ носомъ она срываетъ колосья и расшелушиваетъ зерна. Держится цѣлый день, томясь жаждой, и только когда стемнѣетъ, уводитъ къ дому. Пить! пить! Воды у меня довольно. Пьютъ онѣ долго-долго, словно качаютъ воду, и мнѣ приходится усаживать ихъ на мѣсто: онѣ уже ничего не видятъ.

Меня немного мучаетъ совѣсть, но я не смѣю мѣшать индюшкѣ! Не мы съ нею сдѣлали жизнь такою! Воруй, индюшка!

Павлинъ тоже прознаiлъ дорогу. Но — вымахнетъ хвостомъ изъ пшеницы и попадется грекамъ. Они поднимаютъ крикъ, гонятъ воровъ и приходятъ къ моимъ воротамъ:

— Циво, цортъ, пускаишь?! Сицасъ убивай курей!

Ихъ худыя, горбоносыя лица злобны, голодные зубы до жути бѣлы. Они и убить могутъ. Теперь все можно.

— Убей! Самъ сицасъ убивай прокляти воры!..

Это мучительныя минуты. Убивать я не въ силахъ, а они правы: голодъ. Держитъ птицу — въ такое время!

— Я не буду, друзья, пускать... И всего-то нѣсколько зеренъ...

— А ти ихъ сѣилъ?!... Послѣдни зерно изъ глоти вирьвалъ! тебѣ надо голову сшибаемъ! Всѣ памирать будимъ!..

Они долго еще кричатъ, стучатъ палками по воротамъ, — вотъ-вотъ ворвутся. Неистово, непонятно кричатъ, нажиливая потныя шеи, выпяливая сверкающіе бѣлки, обдавая чесночнымъ духомъ:

— Курей убивай! Теперь суда нема... сами будимъ!..

Въ ихъ крикахъ я слышу ревы звѣриной жизни, древней пещерной жизни, которую знавали эти горы,

которая опять вернулась. Они боятся. День ото дня страшнѣе, — и теперь горсть пшеницы дороже человѣка.

Давно убрали греки пшеницу: тюками, въ мѣшкахъ уносили въ городъ. Ушли, — и пшеничная котловина закипѣла жизнью. Тысячи голубей — они хоронились отъ людей гдѣ-то — голубились теперь по ней, выискивали осыпавшіяся зерна; дѣти цѣлыми днями ерзали по землѣ, выбирая утерянные колосья. И павлинъ, и индюшка съ курочками кормились. Теперь ихъ гоняли дѣти. Ни зернышка не осталось, — и котловина затихла.

ПУСТЫНЯ

А что «Тамарка»?..

Она уже оглодала миндали, сжевала давшіяся черезъ ограду вѣтки. Повисли они мочалками. Теперь ихъ доканчиваетъ солнцемъ.

Громыхаютъ ворота. Это «Тамарка» рогами выда́вливаетъ калитку.

— Ку-ддааа?!..

Вижу я острый рогъ: просунула-таки въ щель калитки, ломится въ огородъ. Манитъ ея сочная, зеленая кукуруза. Шире и шире щель, всовывается розовый шагрень носа, фыркаетъ влажно-жадно, слюну пускаетъ...

— На-ззадъ!!..

Она убираетъ губы, отводитъ морду. Стоитъ неподвижно за калиткой. Куда же еще итти?! Вездѣ — пусто.

Вотъ онъ, нашъ огородикъ... жалкій! А сколько неистоваго труда бросилъ я въ этотъ сыпучій шиферъ! Тысячи камня выбралъ, носилъ изъ балокъ мѣшками землю, ноги избилъ о камни, выцарапываясь по кручамъ...

А для чего все это! Это убиваетъ мысли.

Выберешься наверхъ горы, сбросишь тяжкій мѣшокъ съ землею, скрестишь руки... Море! Глядишь и глядишь черезъ капли пота, — глядишь сквозь слезы... Синяя даль какая! А вотъ, за черными кипарисами, — низенькій, скромный, тихій, — домикъ подъ красной крышей. Неужели я въ немъ живу? Въ саду — ни души, и кругомъ — пустынно: никто

не проѣдетъ за день. Маленькій, съ голубка, павлинъ по пустырю ходитъ — долбитъ камень. Тишина какая! Весенними вечерами хорошо поетъ черный дроздъ на сухой рябинѣ. Горамъ попоетъ — повернется къ морю. Споетъ и морю, и намъ, и моимъ деревцамъ миндальнымъ, въ цвѣтахъ, и домику. Домикъ нашъ одинокій!.. Отсюда видны его изъяны. Заднюю стѣнку дожди размыли, камни торчатъ изъ глины, — надо до осеннихъ дождей поправить. Придутъ дожди... Объ этомъ не надо думать. Надо разучиться думать! Надо долбить шиферъ мотыгой, таскать землю мѣшками, разсыпать мысли.

Бурей задрало желѣзо, — пришлось навалить по угламъ камни. Кровельщика бы надо... И кровельщика, пожалуй, не осталось. Нѣтъ, старый Кулешъ остался: стучитъ колотушкой за горкой, къ балкѣ, — выкраиваетъ сосѣду изъ стараго желѣза печки. Въ степь повезутъ вымѣнивать на пшеницу, на картошку... Хорошо имѣть старое желѣзо!

Стоишь — смотришь, а вѣтерокъ съ моря обдуваетъ. Красота какая!

Далеко внизу — бѣленькій городокъ, съ древней, отъ генуэзцевъ, башней. Черной пушкой уставилась она косо въ небо. Выбѣжала въ море игрушечная пристань — скамеечка на ножкахъ, а возлѣ — скорлупка-лодка. Сзади — плѣшиной Чатырдагъ синѣетъ, Палатъ-Гора... Тамъ сѣдловина перевала... выше еще — и смотритъ вихромъ Демерджи. Орлы живутъ по ея ущельямъ. Дальше — свѣтлыя цѣпи голыхъ туманно-солнечныхъ горъ Судакскихъ...

Хорошъ городокъ отсюда — въ садахъ, въ кипарисахъ, въ виноградникахъ, въ тополяхъ высокихъ. Хорошъ обманчиво. Стеклышками смѣется! Ласково-кротки бѣлые домики, — житіе мирное. А бѣлоснѣжный Домъ Божій крестомъ осѣняетъ кроткую свою паству. Вотъ-вотъ услышишь вечернее — «Свѣте Тихій»...

Я знаю эту усмѣшку далей. Подойди ближе, — и увидишь... Это же солнце смѣется, только солнце! Оно и въ мертвыхъ глазахъ смѣется. Не благостная тишина эта: это мертвая тишина погоста. Подъ каждой кровлей одна и одна дума — хлѣба!

И не домъ пастыря у церкви, а подвалъ тюремный... Не церковный сторожъ сидитъ у двери: сидитъ тупорылый парень, съ красной звѣздой на шапкѣ, зыкаетъ-сторожитъ подвалы:

— Эй!.. отходи подалѣ!..

И на штыкѣ солнышко играетъ.

Далеко съ высоты видно! За городкомъ — кладбище. Сіяетъ на немъ вся прозрачная, изъ стекла, часовня. Какая роскошь... Не разберешь, что въ часовнѣ: плавится на ея стеклахъ солнце.

Обманчиво-хороши сады, обманчивы виноградники! Заброшены, забыты сады. Опустошены виноградники. Обезлюжены дачи. Бѣжали и перебиты хозяева, въ землю вбиты! — и новый хозяинъ, недоумѣнный, повыбилъ стекла, повырвалъ балки... повыпилъ и повылилъ глубокіе подвалы, въ кровивинѣ поплавалъ, — а теперь, съ праздничнаго похмѣлья, угрюмо сидитъ у моря, глядитъ на камни. Смотрятъ на него горы...

Я вижу тайную ихъ улыбку — улыбку камня.

Сѣрѣетъ подъ Демерджи обвалъ — когда-то татарская деревня. Вѣка глядѣла гора въ человѣчье стойло. И показала свою улыбку — швырнула камнемъ. Да будетъ каменное молчаніе! Вотъ ужъ идетъ оно.

Что, «Тамарка»? И ты, бѣдняга, попала въ петлю... А примириться не хочешь: упрямо стучишь копытомъ, бьешь головой въ ворота! Похудѣла же ты, бѣдняга...

Она тупо глядитъ на мою поднятую руку стеклянными глазами, синими съ неба и вѣтрянаго моря. Да куда же еще итти?! Ея бока провалились, выперло

кости таза, а хребетъ заострился и изъѣденъ крово-пійцами мухами и слѣпнями. Сочится сукровица изъ ранокъ: тамъ уже свербитъ червивое потомство, зрѣетъ въ теплотѣ язвы. Вымя ея втянулось и по-темнѣло, подсохли-поморщились сосочки: ничего не вытянуть изъ нея сегодня хозяйскія руки.

— Ступай же... нѣту!..

Она не вѣритъ. Она же знаетъ великую силу че-ловѣка! Не можетъ она понять, почему не кормитъ ее хозяинъ...

И я не могу понять, «Тамарка»... Понять не могу, кому и зачѣмъ понадобилось все обратить въ пу-стыню, залить кровью! А помнишь, еще недавно каждый могъ тебѣ дать кусокъ душистаго хлѣба съ солью, каждый хотѣлъ потрепать твои теплыя губы, каждый радовался на твое ведерное вымя. Кто же это выпилъ и твои соки? Каждую весну ты носила, а теперь ходишь пустая и не прибавила на рогахъ колечка!..

Въ ея стеклянныхъ глазахъ я вижу слезы. Нѣмыя, коровьи слезы. Голодная слюна тянется-провисаетъ къ колючей ажинѣ, которую она жевала. Съ уси-ліемъ отрываетъ она глаза отъ кукурузы, поворачи-ваетъ отъ калитки и... смотритъ въ море. Синее и пустое. Она его хорошо знаетъ: синее и пустое. Вода и камни.

Смотрю и я... Сколько хочешь смотри — и такъ, и этакъ.

Прямо смотри: невидная Азія, Трапезундъ. Тамъ Кемаль-Паша воюетъ со всѣми народами на свѣтѣ; побилъ и грековъ, и англичанъ, и францу-зовъ, и итальянцевъ, — всѣхъ побилъ-потопилъ въ славномъ турецкомъ морѣ.

Пошептываютъ прижухнувшіеся татары:

— Це-це-це... Кемалъ-Паша! Крымъ идетъ... пылымотъ стрылялъ, балшивикъ тикалъ! Хлѣбъ бу-

дитъ, чурэкъ-чебурэкъ... баряшка будытъ... Балшой чилавэкъ Кемалъ-Паша! Нашъ будытъ...

Вправо — Босфоръ далекій, Стамбулъ Великій. Тамъ горы хлѣба и сахара, и брынзы, и аравійскаго кофэ, и барановъ...

Влѣво, въ утренней дымкѣ, — земля родная, кровью святой политая...

Ни дымочка на синей дали, серебрятся теченія... Одна голубая парча — на солнцѣ.

Мертвое море здѣсь: не любятъ его веселые пароходы. Не возьмешь ни пшеницы, ни табаку, ни вина, ни шерсти... Съѣдено, выпито, выбито — все. Изсякло.

А солнце пишетъ свои полотна!

Фіолетовый пляжъ розовымъ подержался, теперь блѣднѣетъ. Накалится — засвѣтится. Къ ночи съ холоду посинѣетъ. А вотъ и она — синь-бѣль: вскипаетъ съ играющаго моря. Нѣтъ ни души на галькѣ, пятнышка нѣтъ живого. Прощай, расцвѣтка!

Ни татарина мѣднорожаго, съ беременными корзинами на бедрахъ, — груши, персики, виноградъ! Ни шумливаго плута-армянина изъ Кутаиса, восточнаго человѣка, съ кавказскими поясами и сукнами, съ линючими чадрами кричащихъ красокъ, — утѣхой женщинъ; ни итальяшекъ съ «обомаршэ», ни пылящихъ ногами, запотѣвшихъ фотографовъ, берущихъ «съ веселымъ лицомъ», у камня, лихо накидывающихъ черный лоскутъ суконный, небрежно-важно разбрасывающихъ — «мерсисъ!». И Уральскіе Камни сгинули, и растаяли бублики за копейку, и раковинки съ «Ялтой» — китайской тушью, и татары-проводники, въ рейтузахъ синей діагонали, съ нафабренными усами, съ бедрами Аполлона изъ Корбэка, со стэкомъ за лаковымъ голенищемъ, съ запахомъ чеснока и перца. Ни фаэтоновъ въ пунцовомъ плисѣ, съ бѣлыми балдахинами, вздувающимися на бойкомъ ходу, съ красными язычками въ

бисерной мишурѣ-сверканьи, съ конями въ шерстяныхъ розанахъ, съ крымскими глухарями изъ серебра, — звономъ бахчисарайскимъ, — щеголевато-мягко несущихся мимо просыпающихся утреннихъ виллъ, въ глициніяхъ и мимозахъ, въ магноліяхъ и розахъ, и въ виноградѣ, съ курящеюся поливкой, съ душистой прохладой утра, умѣло опрысканнаго садовникомъ. Ни широкихъ турокъ, мѣрно бьющихъ новые плантажи, крѣпко-жильныхъ, съ синими курдюками, съ полудня засыпающихъ на землѣ, у камня. Ни дамскихъ зонтиковъ на пескѣ, жаркихъ цвѣтовъ полудня, ни человѣческой бронзы, которую жаритъ солнцемъ, ни татарскаго старичка, сухого, съ шоколадной головкой въ бѣлой обвязкѣ, мотающагося на колѣнкахъ — къ Меккѣ...

Не ты ли сожрало, море? Молчитъ, играетъ.

Кому продавать, покупать, кататься, крутить лѣниво золотистый табакъ ламбатскій? кому купаться?.. Все — изсякло. Въ землю ушло, — или туда, за море.

Смотрятъ въ пустой песокъ выбитыми глазами дачи. Тянутъ бакланы въ морѣ, снуютъ-плаваютъ ихъ цѣпочки.

Одно увидишь на побережной дорогѣ —

Ковыляетъ босая, замызганная баба, съ драной травяной сумкой, — пустая бутылка, да три картошки, — съ напряженнымъ лицомъ безъ мысли, одурѣвшая отъ невзгоды:

— А ска-зывали — все будетъ!..

Прошагаетъ за осликомъ пожилой татаринъ, — гонитъ съ вьючкомъ дровишекъ, — угрюмый, рваный, въ рыжей овчинной шапкѣ; поцекаетъ на слѣпую дачу, съ вывернутой рѣшеткой, на лошадиныя кости у срубленнаго кипариса:

— Це-це-це... ахъ, шайтаны!..

И вспомнитъ: носилъ сюда пѣтуховъ въ сезоны,

черешню, виноградъ, груши... было время! А теперь и соли купить не съ чѣмъ.

А то пропылитъ на мухрастой запаленной лошадкѣ полупьяный красноармеецъ, безъ родины — безъ причала, въ ушастомъ шлыкѣ суконномъ, въ помятой звѣздѣ красной-тырцанальной, съ ведернымъ боченкомъ у брюха, — пьяную радость везетъ начальству изъ дальняго подвала, который еще не весь выпитъ.

Такъ вотъ какая она, пустыня!

Смѣется солнце. Поигрываютъ тѣнями горы. Все равно передъ ними: розовое ли живое тѣло или трупъ посинѣлый, съ выпитыми глазами, — вино ли, кровь ли... И этому верховому звѣздоносцу. Остановится передъ разбитой виллой, глядитъ-пялитъ заспанными глазами... — чего такое?.. Примѣтитъ — стеклышко никакъ цѣло! Наведетъ-нацѣлитъ:

— А-а, едренать...

Еще нацѣлитъ...

Но куда же пойдетъ «Тамарка»?

Она тянетъ-вытягиваетъ морду и мычитъ, протяжно — на море. Въ синее и пустое. Еще мычитъ, и еще... И уходитъ черезъ дорогу въ балку. Задумывается надъ сочнымъ молочаемъ: не съѣсть ли... Фыркаетъ и отходитъ: чуетъ коровьимъ нюхомъ эти острые молочаи-боли, — отъ нихъ вымя сочится кровью.

Ну, что же сегодня дѣлать? Что и вчера — все то же: нарвать виноградныхъ листьевъ помоложе, мелко-мелко порѣзать — и супъ будетъ. Хорошо чесноку добавить, — даетъ, говорятъ, бодрость; но чеснокъ весь вышелъ. Потомъ... опять листу надо — обманывать единственное живое, что намъ осталось, — птицъ нашихъ. Онѣ связываютъ насъ съ прошлымъ. Ихъ надо поскорѣй выпустить, кузнечика хоть поймаютъ. Онѣ доживутъ до осени, а дальше...

Не стоитъ думать. Кружились бы только съ нами! Онѣ отзываются на ласку, задремываютъ на колѣняхъ, затягивая пленочками зрачки. Онѣ шумно слетаются изъ балокъ, заслышавъ обманное звяканье жестяной кружки, — не зерно ли?! — разговариваютъ даже съ нами. Я хорошо понимаю Робинзона.

И такъ, начинаемъ день.

ВЪ ВИНОГРАДНОЙ БАЛКѢ

Виноградная Балка... Оврагъ? яма? Нѣтъ: это отнынѣ мой храмъ, кабинетъ и подвалъ запасовъ. Сюда прихожу я думать. Отсюда черпаю хлѣбъ насущный. Здѣсь у меня цвѣты — золотисто-малиновый кустъ Львинаго-Зѣва, въ пчелахъ. Только. Огромное окно — море. И — виноградъ зрѣетъ.

Отнынѣ мой храмъ?.. Неправда. У меня нѣтъ теперь храма.

Бога у меня нѣтъ: синее небо пусто. Но шиферно-глинистыя стѣны — мои хранители: онѣ укрываютъ отъ пустыни. «Натюръ-морты» на нихъ живутъ, — яблоки, виноградъ, груши...

Я спускаюсь по сыпучему шиферу, оглядываю свои запасы. Плохо на яблонькахъ: поѣла цвѣты «мохнатая оленка». Тысячи ихъ налетали, когда яблони стояли въ цвѣту, падали въ бѣлыя чашечки, сосали-грызли золотыя тычинки. Я выбиралъ ихъ, спящихъ: онѣ задремывали къ полудню. Вотъ одичавшій персикъ, съ каменной мелочью, черешня, въ усохшихъ косточкахъ, оклеванная дроздами. Айва безплодная, въ паутинныхъ коконахъ, заросли розы и ажины.

Грецкій орѣхъ, красавецъ... Онъ входитъ въ силу. Впервые зачавшій, онъ подарилъ намъ въ прошломъ году три орѣшка — поровну всѣмъ... Спасибо за ласку, милый. Насъ теперь только двое... а ты сегодня щедрѣе, принесъ семнадцать. Я сяду подъ твоей тѣнью, стану думать...

Живъ ли ты, молодой красавецъ? Такъ же ли ты

стоишь въ пустомъ виноградникѣ, радуешь по веснѣ зеленью сочныхъ листьевъ, прозрачной тѣнью? Нѣтъ и тебя на свѣтѣ? Убили, какъ все живое...

Хорошо сидѣть въ утренней тишинѣ Виноградной Балки, ото всего закрыться. Только — лозы... Рядками тянутся вверхъ, по балкѣ, на волю, гдѣ старыя миндальныя деревья, — прыгаютъ тамъ голубыя сойки. Какое покойное корыто! Откосы, одинъ — тѣнистый, солнцемъ еще не взятый; другой — золотой, горячій. На немъ груши-молодки въ бусахъ.

Взглянешь назадъ — синее окно, море! Круто падаетъ балка, и въ тѣсномъ ея прорывѣ — синяя чаша моря: пей глазами!

Хорошо такъ сидѣть, не думать...

Пустыннымъ крикомъ кричитъ павлинъ:

— Э-оу-а-ааааа...

Нельзя не думать: настежь раскрыты двери, кричитъ пустыня. Утробнымъ ревомъ реветъ корова, винтовка стучитъ въ горахъ, — кого-то ищетъ. Надъ головой дѣтскій голосокъ тянетъ:

— Хлѣ-а-ба-аааа... са-мый-са-аааа въ пуговичку-ууу... са-а-мый-са-аааа...

Гремитъ самоварная труба. Это пониже нашего домика, сосѣди.

— Ахъ, Воводичка... какой ты... Я же тебѣ сказала...

Голосъ усталый, слабый. Это старая барыня, попавшая вмѣстѣ съ другими въ петлю. При ней чужія, «нянькины дѣти»: Ляля и Вова. Живутъ на тычкѣ — бьются.

— Са-а-мый-са-ааааа...

— Я же тебѣ сказала... Сейчасъ лепестковъ заваримъ, розовый чай пить будемъ...

— Хочу са-а-ла-ааааа...

— Ну, что ты изъ меня ду-шу тянешь!.. Ля-ля, да уведи ты его отъ меня, съ глазъ моихъ!..

Я слышу дробное топотанье и задохшійся, тонкій голосокъ Ляли:

— А-а... сала тебѣ?! сала? Я тебѣ такого сала..! Ухи тебѣ насалить?

— Ля-ля, оставь его... И потомъ, нельзя говорить...у-хи! У-ши! И какъ ты выражаешься: насалить! На что это похоже! А я-то еще хотѣла съ тобой по-французски заниматься...

По-французски! У смерти... — и по-французски. Нѣтъ, права она, старая, милая барыня: надо и по-французски, и географію, и каждый день умываться, чистить дверныя ручки и выбивать коврикъ. Уцѣпиться и не даваться. Ну, какія самыя большія рѣки? Нилъ, Амазонка... Еще текутъ гдѣ-то? А города?.. Лондонъ, Нью-Йоркъ, Парижъ... А теперь въ Парижѣ...

Странно... когда я сижу такъ, раннимъ утромъ, въ балкѣ и слышу, какъ гремитъ самоварная труба, я вспоминаю о Парижѣ, въ которомъ никогда не былъ. Въ этой балкѣ, и — о Парижѣ! Это на какомъ-то другомъ свѣтѣ... И есть ли этотъ Парижъ? не исчезъ ли и онъ изъ жизни?..

Вотъ почему я вспоминаю о Парижѣ: моя сосѣдка разсказывала, бывало, какъ она жила заграницей, училась въ Берлинѣ и въ Парижѣ... Такъ далеко отсюда! Она... въ Парижѣ! Она бродитъ въ вязаномъ платочкѣ, унылая и больная, щупаетъ себя за голову, жуетъ крупку... Видала Парижъ, въ Булонскомъ Лѣсу каталась, стояла передъ «Венерой» и «Нотр-Дам»..! Да почему она здѣсь, на тычкѣ, у балки?! Бьется съ чужими дѣтьми, продаетъ послѣднія ложечки и юбки, вымѣниваетъ на затхлый ячмень и соль! Боится, что отнимутъ у ней какой-то коврикъ... Каждую ночь дрожитъ — вотъ придутъ и отнимутъ коврикъ, и этотъ платокъ послѣдній, и полфунта соли. Чушь какая!

Парижъ?! какой-то Булонскій Лѣсъ, гдѣ совершаютъ предобѣденныя прогулки въ экипажахъ, — у Мопассана было... — и высится гордымъ сталь-

нымъ торчкомъ прозрачная башня Эйфеля?! гремитъ и сейчасъ въ огняхъ?!! и люди весело и свободно ходятъ по улицамъ?!.. Парижъ... — а здѣсь отнимаютъ соль, повертываютъ къ стѣнкамъ, ловятъ кошекъ на западни, гноятъ и разстрѣливаютъ въ подвалахъ, колючей проволокой окружили дома и создали «человѣчьи бойни»! На какомъ это свѣтѣ дѣется? Парижъ... — а здѣсь звѣри въ желѣзѣ ходятъ, здѣсь люди пожираютъ дѣтей своихъ, и животныя постигаютъ ужасъ!..

На какомъ это свѣтѣ дѣется? На бѣломъ свѣтѣ?!!..

Нѣтъ никакого Парижа-Лондона, пропалъ и Парижъ, и все. Вотъ работа кинематографамъ, лента на милліоны метровъ! Великіе города — великихъ! Стоите ли вы еще? Смотрите ваши ленты? Кровяныхъ нашихъ лентъ на сотни великихъ городовъ хватитъ, на милліоны зѣвакъ бульварныхъ, зѣвакъ салонныхъ, — въ смокингахъ и визиткахъ, въ пиджакахъ и рабочихъ блузахъ... и въ соболяхъ съ чужого плеча, и въ брилліантахъ, вырванныхъ изъ ушей! Смотри, Европа! Везутъ товары на корабляхъ, товары изъ странъ нездѣшнихъ: чаши изъ череповъ человѣчьихъ — пирамъ веселье, человѣчьи кости — игрокамъ на счастье, портфели изъ «русской» кожи — работы сѣверныхъ мастеровъ, «русскій» волосъ — на покойныя кресла для депутатовъ, дароносицы и кресты — на портсигары, раки святыхъ угодниковъ — на звонкую монету. Скупай, Европа! Шумитъ пьяная ярмарка человѣчьей крови... чужой крови.

Цѣла Европа? Не видно изъ Виноградной Балки. Какъ тамъ — съ ... «правами человѣка»? Въ Великихъ Книгахъ — всѣ ли страницы цѣлы?..

О, Парижъ!.. Отсюда, изъ глухой балки, нездѣшнимъ грезится мнѣ этотъ далекій Парижъ, призрачный городъ сказки. Нездѣшнимъ, какъ мои сны — нездѣшніе. Тамъ не смѣется камень: покорно поло-

женъ въ ленты. Голубые огни на немъ, и люди его — нездѣшніе. Побѣдно гремятъ оркестры на золотыхъ трубахъ, а прозрачное чудо стали засматриваетъ за край земли, ловитъ всѣ голоса земные... Слышитъ ли этотъ голосъ пустыхъ полей, шорохъ кровавыхъ подземелій?.. Это же вздохи тѣхъ, что и тебя когда-то спасали, прозрачная башня Эйфеля! Старуха сѣдая занесла на свои скрижали.

Не слышитъ. Гремятъ золотыя трубы...

— Хлѣ-э-ба-ааааа...

А гдѣ-нибудь громадныя булочныя открыты, за окнами и на полкахъ лежатъ свободные караваи, лежатъ до вечера... Да есть ли?!..

— Силъ моихъ нѣту, Го-споди... Ляля, да возьми отъ меня Володю! Няня сейчасъ придетъ... Ну, дай ему грушку погрызть, что ли... И когда только эта мука кончится!..

Кончится! Она только еще подходитъ. Вонъ — «Безрукій», слесарь изъ Сухой Балки, вчера съѣлъ рыженькую собачку Минца... а на той недѣлѣ я видѣлъ, какъ его жена еще пекла изъ муки лепешки. У насъ еще есть миндаля немного... А у ней, кажется, есть коврикъ и какое-то необыкновенное ожерелье... хрустальное ожерелье — изъ Парижа! Не знаетъ, какая бываетъ мука! И какъ она можетъ кончиться?! Это — солнце обманываетъ, блескомъ, — еще заглядываетъ въ душу. Поетъ солнце, что еще много будетъ праздничныхъ дней чудесныхъ, что вотъ и виноградный, «бархатный», сезонъ подходитъ, понесутъ веселый виноградъ въ корзинахъ, зацвѣтутъ виноградники цвѣтами, осенними огнями... Всегда будетъ празднично-голубое море, съ серебряными путями.

Умѣетъ смѣяться солнце!

А вотъ, скоро, вѣтры сорвутся съ Чатырдага, налягутъ на Палатъ-Гору снѣговыя тучи, отъ чернаго Бабугана натянетъ ливни, — тогда...

А теперь... — яхонты вонъ горятъ на лозахъ, теплые, въ нѣжномъ матѣ... золотится чаушъ, розовая шасла, мускатъ душистый... какъ смородина черная — мускатъ черный, александрійскій... На цѣлую недѣлю сладкаго хлѣба хватитъ! цвѣтного хлѣба!..

Я иду по рядамъ, выбираю на супъ листочки, осматриваю грозди. Ночью собаки были — погрызли и разбросали. Голодныя собаки? Врядъ ли: собаки всѣ ночи пируютъ въ балкѣ, гдѣ пала лошадь. Я слышалъ, какъ онѣ тамъ рычали. Конечно, это курочки и павлинъ, — день за днемъ добиваютъ мои запасы.

Пусть винограда мало, но какъ чудесно! Вѣдь это мой трудъ, послѣдній. Весной я окопалъ каждую лозу, выломалъ жировыя плети, вбилъ колья въ шиферъ и подвязалъ побѣги. Тогда... — какъ это давно было! — у этого кривого кола я сидѣлъ, смотрѣлъ на синюю чашу моря, глядѣвшагося въ прорывѣ. Пылала синимъ огнемъ чаша. Великій ее создалъ: пей глазами!

И я ее пилъ... сквозь слезы.

ХЛѢБЪ НАСУЩНЫЙ

Я подымаюсь изъ балки съ ворохомъ виноградныхъ листьевъ.

Хлѣбъ насущный!

— Съ добрымъ утромъ!

А, голосокъ знакомый! Стоитъ босоногая Ляля за кипарисомъ — восьмилѣтка, коситъ глазомъ. На ней — единственное ея — бѣлая кофточка и красная юбка, съ весны самой. Прозрачная она, хрупкая, бѣленькая, хоть и всегда на солнцѣ. Свѣтлые глазки ея стрѣляютъ — русскіе глазки, умные. Къ Бабугану стрѣльнули — и поймали:

— Глядите, автонобиль на Ялту! Вчера цѣлахъ три прокатило! Это зеленыхъ ловютъ...

— Все-то знаешь! А кто такіе эти — зеленые?

— А которые не сдаются... въ лѣсахъ по горамъ хоронются... я знаю.

Крутится по лѣснымъ холмамъ облачко, бѣжитъ дальше. Доноситъ трескуче-дробно: катитъ автомобиль невидный.

Перескочили на виноградникъ:

— Глядите-ка, опять въ виноградникѣ Павка былъ! перышко потерялъ... А у васъ сегодня «Тамарка» миндаль сжевала!..

— Значитъ, миндальное молоко будетъ.

Смѣется Ляля слабымъ смѣшкомъ, не какъ раньше. А глаза не смѣются, — выискиваютъ дали. И глаза свѣтло-синіе, какъ дали.

— У Минца... корову вчера угнали... — говоритъ Ляля робко.

— Слыхалъ. А «Безрукій» рыженькую собачку съѣлъ?

— Какая къ вамъ-то все прибѣгала, хвостикъ пукетикомъ. Полякъ... что ему! Они все ѣсть могутъ. Онъ и кошку у него заманилъ! ей-богу! — спѣшитъ сообщить Ляля. — У него клѣтка есть, съ такой гирькой... на ночь привѣситъ конятинки — хлопъ! Слесарь... Мнѣ — говоритъ — теперь наплевать на голодъ, кошками промудрую! А что, вкусныя кошки?

— Ничего, будто. А ты какъ... ѣла сегодня?

— Ѣли... — нетвердо говоритъ Ляля и смотритъ въ балку.

— Та-акъ... Значитъ, ѣли... Вѣрно?

— Вотъ придетъ няня... — краснѣетъ она, катаетъ ногой кипарисовую шишку. — Давайте, я понесу... Листу-то ско-олька-а!

Она ни за что не скажетъ, что не ѣли, что понесла няня продавать коврикъ.

— А Рыбачиха-то не сдюжѣла, продали корову-то, «Маньку»! У нихъ очень семейство большое, ребятъ что опять...

Она говоритъ, какъ взрослая, — всегда серьезна. Пытливая у ней голова: все знаетъ, что дѣлается въ округѣ, въ городкѣ, у моря.

— Еще что скажешь?

Она смущенно стоитъ у порога кухни, третъ одну ногу о другую, слѣдитъ, какъ кромсаю листъ.

— Индюшка-то ваша, вчера у доктора на тычкѣ была, чашку въ кухнѣ расколотила!.. — коситъ Ляля на меня глазомъ, — не поговорю ли съ ней объ индюшкѣ, — но я молчу. Поинтереснѣй надо? — А у Вербы-то какое горе!

— А что такое?

Она вспыхиваетъ, поблескиваетъ глазами: она довольна. Складываетъ на груди руки, какъ ея мать-няня, и начинаетъ сокрушенно:

— А какъ же... этой ночью у нихъ гуся украли!

— Да ну-у?

— Украли, какъ же... и голоску не подалъ. Да гляньте воньте... только одинъ гусь гуляетъ!..

Отъ кухни всю Вербину горку видно. Вѣрно: одинъ только гусь гуляетъ. За нимъ павлинъ ходитъ, землю долбитъ.

— Охъ, некому больше, какъ дядя Андрей... — шопоткомъ говоритъ она и глядитъ черезъ балку: за пустыремъ павлиньимъ — невидная за горбомъ «Тихая Пристань». — Ужъ такой-то вредный му-жикъ! Некому, какъ ему. Слышимъ ночью — ужъ такъ-то жаренымъ гусемъ пахнетъ, не продыхнуть! А это къ намъ вѣтеркомъ наноситъ, отъ нихъ вѣдь вѣтеръ-то по ночамъ, отъ Бабугана... Такъ-то шкварочками... да сальцемъ... ужасъ!

Я слышу, какъ во рту у Ляли полно слюны, какъ она дѣлаетъ горломъ. Надо ее отвлечь:

— А что такое случилось... учительница вчера Вербененка отчитывала? Не слыхала?

— Да какъ же! — оживляется Ляля и опять подбираетъ руки. — Идетъ Прибытка, учительница... изъ городу шла. Идетъ Амидовымъ виноградникомъ, а ужъ къ ночи было. А она плохо видитъ, въ пенснѣхъ... Собаки,— сперва думала... А какъ пила хрипитъ! Подошла поближе, глядитъ... а это Вербенята — озорники хо-о-рошую грушу пилютъ! Садовую грушу, Бэру... вотъ такія на ней груши! Ну, а теперь никакого порядку, всѣ плетни разворочены, хоть скрозь гуляй... «Вы что тутъ дѣлаете?!.. рази можно пилить садовое дерево?!» — какъ заругалась! Они — ти-кать! Вѣдь не можно садовое дерево? сколько уходу было... А стра-ху нѣтъ. Ужъ о-на ихъ начитывала!..

— Вотъ что, газетка... Вотъ тебѣ маленькая лепешка... подѣлишься съ Володей.

Она вся вспыхиваетъ и пятится, а глаза не могутъ оторваться отъ лепешки. Она даже отмахивается въ испугѣ:

— Ай, что вы... да не надо, что вы... Ну, зачѣмъ же... не надо. У насъ же есть же...

Ее надо поймать за плечо и дать насильно.

— Ну, зачѣмъ это... у самихъ мало... Ну, спасибочко вамъ... ба-льшое спасибо! ба-а-льшое... — смущенно захлебывается Ляля, разглядывая лепешку, и все пятится, пятится въ кипарисъ.

Сначала она отходитъ тихо, сдерживаетъ себя, — и вдругъ, помчится-помчится! Мелькнетъ за кипарисами красная юбочка, голыя ноги, отшлифованныя загаромъ, блеснутъ у обрыва въ балку, — и слышится придушенный голосъ: «Володя! Володичка!» Я знаю, что сейчасъ появится на моей границѣ, за колючей оградой, пятилѣтній бѣлоголовый Володя — благодаритъ. Вѣжливости ихъ учитъ старая барыня, живавшая въ Парижѣ... Вотъ ужъ и появляется онъ подъ своими дубками, за моимъ садомъ, въ бѣлой, пестро заплатанной рубашкѣ, въ штанишкахъ — наполовину коричневыхъ, изъ барыниной кофты, наполовину своихъ, бѣлыхъ, — кричитъ звонко-звонко:

— Ба-а-ль-шо-е!.. спа-сибочко... ба-аль-шо-е!..

Есть еще дѣтскіе голоски, есть ласка. Теперь люди говорятъ срыву, нетвердо глядятъ въ глаза. Начинаютъ рычать иные.

Я выпускаю куръ, индюшку съ курочками. Отнынѣ и до... — пусть до завтра! — это наше родное, кому открываешь душу. Свидѣтели нашего умиранія. Все повѣряешь имъ, и онѣ такъ умѣютъ слушать!

Проволочнымъ крючкомъ, черезъ отдушину наверху, вылавливаю я колъ, подпирающій изнутри дверку, — хитрый запоръ голоднаго времени! — и съ гуломъ сыплется на меня онѣмѣвшая за ночь птица.

Живы, мои родныя! съ новымъ утромъ!

Онѣ кипятъ подъ ногами, не давая ступить, заглядываютъ въ лицо и въ руки. Зерн*а*! зерн*а*! Онѣ бѣгаютъ за мной стайкой, вывертываютъ шейки, не

чуя, что подъ ногами, спотыкаются набѣгу, подпрыгиваютъ, какъ собачки, мечутся въ безпокойствѣ: поставятъ ли передъ ними чашки? Носится поджарая, подтянутая индюшка — бутылочка на ножкахъ:

...Пуль-фьё... пуль-фьё...

Эхъ, вы, горевая птица! Ты, бѣленькая «Торпедка», совсѣмъ ослабла: стоишь, пленкой затягиваешь глазки... И ты, «Жемчужка», невесела. А ты, «Жаднюха», упомнила оставленную вчера кефалью головку, которую принесла изъ балки, всѣми исклеванную, и такъ же упрямо долбишь! Поди ко мнѣ на руки, маленькая, пошепчи на ухо... А, ты засматриваешь въ кармашекъ, гдѣ, помнишь, когда-то лежали зерна... Тамъ когда-то и часы лежали... Вотъ, есть у меня для тебя немного... Ну? разъ, два... десять... двѣнадцать зеренъ! Чего же долбишь въ пустую руку? Ну, что же мнѣ вамъ сказать? какую новость? Вотъ. Дошло и до васъ дѣло. За горкой внизу живутъ «дяди», которые любятъ кушать... и курочекъ любятъ кушать! Какъ бы не пришли за вами, отбирать «излишки»! Пять курочекъ еще можно, а у меня васъ больше. Вотъ, пожалуй, и отберутъ у меня «излишки»... Ну, не будемъ думать.

Я даю имъ пареный листъ въ чашкахъ. Онѣ дерутся изъ-за него, вытаскиваютъ мохрами, прячутъ, давятся, набиваютъ зобы. Стоятъ и долбятъ въ пустыя чашки. А ястреба уже стерегутъ по балкамъ.

Смотрю я, думаю, вспоминаю... хочу осмыслить... Сонъ кошмарный? въ плѣнъ къ дикарямъ попался?... Они все могутъ! Не могу осмыслить. Я ничего не могу, а они все могутъ! Все у меня взять могутъ, посадить въ подвалъ могутъ, убить могутъ! Уже убили! Не могу осмыслить. Или я одичалъ, разучился думать? разучился мыслить?! А для чего теперь нужно мыслить! Мыслилъ, и вотъ — на одной чашкѣ съ ними....

Я слышу сигналъ, неистовый голосъ Ляли, — только она такъ можетъ:

— Ай-йу-а-ай!.. — дикій, пустынный крикъ, — похожій на крикъ павлина.

А, налетаетъ ястребъ! Къ осени ястреба лютѣютъ.

Ея крикъ слышенъ на версты — и на морѣ, и по дальнимъ балкамъ. Ястреба ее хорошо знаютъ, красную ея юбку, примѣтную издалека, ея острые глазки, стрѣляющіе по горамъ и въ небо, — боятся и ненавидятъ. Подстерегаютъ ее въ дубовыхъ чащахъ, впиваются хищными зрачками: такъ бы и разорвали! Ее понимаютъ куры, всѣ птицы... Сама она похожа на бѣлую голубку. Закричитъ тревожно, — и всюду по горкамъ поднимаются крики и хлопъ ладошей: вопятъ на своей горкѣ Вербенята, визжитъ Рыбачихино семейство, на пшеничной котловинѣ, на «Тихой Пристани», у Прибытковъ, далеко-внизу, по холмамъ, на умирающихъ дачкахъ, у кого только доживаютъ куры, послѣднее живое. Столько надъ ними дрожали, укрывали, когда ходили отбирать «излишки» — портянки, яйца, кастрюльки, полотенца... Укрыли. А теперь ястребовъ боятся, стервятниковъ крылатыхъ.

Низко плыветъ по балкѣ стервятникъ, завинчиваетъ полетомъ. Палевымъ отливаетъ на его крыльяхъ солнце. Сбилъ его съ ходу неистовый крикъ Лялинъ. Летитъ на дубки, за балку, притаивается въ чащѣ.

Теперь я хорошо знаю, какъ трепещутъ куры, какъ забиваются подъ шиповникъ, подъ стѣнки, затискиваются въ кипарисы, — стоятъ въ дрожи, вытягивая и вбирая шейки, вздрагивая испуганными зрачками.

Хорошо знаю, какъ люди людей боятся, — людей ли? — какъ тычутся головами въ щели, какъ онѣмѣло роютъ себѣ могилы.

Ястребамъ простится: это и х ъ хлѣбъ насущный.

Ѣдимъ листъ и дрожимъ передъ ястребами! Крылатыхъ стервятниковъ пугаетъ голосокъ Ляли, а тѣхъ, что убивать ходятъ, не испугаютъ и глаза ребенка.

ЧТО УБИВАТЬ ХОДЯТЪ

Кто-то верховой ѣдетъ... кто такое?..

Подымается изъ-за бугра къ намъ, на горку... А, мелкозубый этотъ!.. Музыкантъ «Шура». Какъ онъ себя именуетъ, — «Шура Соколъ». Какая фамилія-то лихая! А я знаю, что мелкій стервятникъ это.

Кто сотворилъ стервятника? Въ который день, Господи, сотворилъ Ты стервятника, если Ты сотворилъ его? далъ ему образъ подобія Твоего?.. И почему онъ «Соколъ», когда и не «Шура» даже?!

Покорный конекъ возитъ его по горкамъ, — хрипитъ, а возитъ. Низко опустилъ голову, чолка къ глазамъ налипла, взмокшіе бока ходятъ: трудно возить по горкамъ. Покоренъ конекъ россійскій: повезетъ и стервятника, — подъ гору повезетъ и въ гору, хоть на Чатырдагъ самый, хоть на вихоръ Демерджи, пока не сдохнетъ.

Я отворачиваюсь, за кипарисъ кроюсь. Или стыдно мнѣ моихъ лохмотьевъ? моей работы?

Какъ-то, тоже въ горячій полдень, несъ я мѣшокъ съ землею. И вотъ, когда я плелся по камню, — голова моя была камнемъ, — счастье! — выросъ, какъ изъ земли, на конькѣ стервятникъ и показалъ свои мелкіе, какъ у змѣи, зубы, — бѣленькіе, въ черненькой головкѣ. Крикнулъ весело, потряхивая локтями:

— Богъ труды любитъ!

Порой и стервятники говорятъ о Богѣ!

Вотъ почему я кроюсь: я слышу, какъ отъ стервятника пахнетъ кровью.

Онъ одѣтъ чисто, въ хорошей курткѣ, — а кругомъ всѣ въ лохмотьяхъ. Онъ порозовѣлъ, округлился, налился даже, а всѣ тощаютъ, у всѣхъ глаза провалились и почернѣли лица. Одинъ онъ на конькѣ ѣздитъ, когда всѣ ползаютъ на-карачкахъ. Такой храбрый!

Я давно его знаю, три года. Онъ проживалъ на самой высокой дачѣ, которую называли — «Чайка». Поигрывалъ на рояли. Живутъ мирные дачники — живутъ тихо. Спускаются по балкамъ къ морю — купаться. Любуются на горы — какъ чудесно! Раскланиваются съ округой: «добрый вечеръ»! И, конечно, исправно платятъ. Звонкая была «Чайка», молодая дача. И молодыя женщины на ней жили, — врачи, артистки, — кому необходимъ лѣтній отдыхъ.

И вотъ подошло время. Пришли и въ городокъ люди, что убивать ходятъ. Убивали-пили. Плясали и пѣли для нихъ артистки. Скушно!

— Подать женщинъ веселыхъ, поигристѣй!

Подали себя женщины: врачи, артистки.

— Подать... кро-ви!

Подали и крови. Сколько угодно крови!

И вотъ, когда все, какъ трава, прибито, раскатываетъ «Шура-Соколъ» на лошадкѣ. Не даромъ онъ поигрывалъ на рояли, поглядывалъ съ самой высокой дачи, — стервятники приглядываютъ съ верхушекъ! — многіе уже... «высланы на сѣверъ... въ Харьковъ...» — на томъ свѣтѣ. А «Шура» кушаетъ молочную кашку, вечерами и теперь поигрываетъ на рояли, перебрался въ дачу поудобнѣй и принимаетъ женщинъ. Расплачивается мукою... солью... Что значитъ-то быть хорошимъ музыкантомъ!

Что же теперь... за топливомъ, по балкамъ?.. Хорошо забраться въ глубокую-глубокую балку, стѣны чтобы отвѣсныя... хорошо, никого-ничего невидно. Но надо и сторожить, чтобы не кинулись куры въ виноградникъ. Сѣсть на откосѣ Виноградной Балки...

сидѣть и думать... О чемъ думать? А гдѣ у меня кресло? Въ моей балкѣ можно думать только о... Ни о чемъ нельзя думать, не надо думать! Завтра будетъ все то же. И дальше — то же. Сиди и смотри на солнце. Жадно смотри на солнце, пока глаза не стали оловянной ложкой. Смотри на живое солнце! А то скоро — вѣтры задуютъ, дожди зарядятъ, загремятъ штормы... Черти начнутъ бить въ стѣны, трясти нашъ домикъ, плясать по крышѣ. Тогда у огонька сидѣть будемъ... Живутъ дикари, и ничего, счастливы! Ничего-то не знаютъ, ничему неучены. Счастливые: нечего имъ лишиться! Читать книги? Вычитаны всѣ книги, впустую вышли. Онѣ говорятъ о т о й жизни... которая уже вбита въ землю. А новой нѣту... И не будетъ. Вернулась давняя жизнь, пещерныхъ предковъ.

Книги... О нихъ я думаю часто. Войдешь въ домикъ — вонъ онѣ, въ темномъ углу лежатъ сиротливой стопкой. Мои «путевыя» книги... Смотрѣть больно. И онѣ уже «высланы» куда-то. И къ нимъ протянулась кровяная лапа.

Когда это было? Вотъ уже годъ скоро. День былъ тогда холодный. Лили дожди — зимніе дожди, съ дремуче-чернаго Бабугана. Покинутые кони по холмамъ стояли, качались. Бѣлѣютъ теперь ихъ кости. Да, дожди... и въ этихъ дождяхъ пріѣхали туда, въ городокъ, э т и, что убивать ходятъ... Вездѣ: за горами, подъ горами, у моря, — много было работы. Уставали. Нужно было устроить бойни, заносить цыфры для баланса, подводить итоги. Нужно было шикнуть, доказать ретивость пославшимъ, показать, какъ «желѣзная метла» мететъ чисто, работаетъ безъ отказу. Убить надо было очень много. Больше ста двадцати тысячъ. И убить на бойняхъ.

Не знаю, сколько убиваютъ на чикагскихъ бойняхъ. Тутъ дѣло было проще: убивали и зарывали. А то и совсѣмъ просто: заваливали овраги. А то и

совсѣмъ просто-просто: выкидывали въ море. По волѣ людей, которые открыли тайну: сдѣлать человѣчество счастливымъ. Для этого надо начать — съ человѣчьихъ боенъ.

И вотъ — убивали, ночью. Днемъ... спали. Они спали, а другіе, въ подвалахъ, ждали... Цѣлыя арміи въ подвалахъ ждали. Юныхъ, зрѣлыхъ и старыхъ, — съ горячей кровью. Недавно бились они открыто. Родину защищали. Родину и Европу защищали на поляхъ прусскихъ и австрійскихъ, въ степяхъ россійскихъ. Теперь, замученные, попали они въ подвалы. Ихъ засадили крѣпко, морили, чтобы отнять силы. Изъ подваловъ ихъ брали и убивали.

Ну, вотъ. Въ зимнее дождливое утро, когда солнце завалили тучи, въ подвалахъ Крыма свалены были десятки тысячъ человѣческихъ жизней и дожидались своего убійства. А надъ ними пили и спали тѣ, что убивать ходятъ. А на столахъ пачки листковъ лежали, на которыхъ къ ночи ставили красную букву... одну роковую букву. Съ этой буквы пишутся два дорогихъ слова: Родина и Россія. «Расходъ» и «Разстрѣлъ» — тоже начинаются съ этой буквы. Ни Родины, ни Россіи не знали тѣ, что убивать ходятъ. Теперь ясно.

Въ это утро ко мнѣ постучали рано. Не тѣ ли, что убивать ходятъ? Нѣтъ, пришелъ человѣкъ мирный, хромой архитекторъ. Онъ самъ боялся. А потому услуживалъ тѣмъ, что убивать ходятъ...

Вотъ теперь сижу я на краю Виноградной Балки, вглядываюсь въ солнечныя горы... Тѣ ли самыя эти горы, какія были совсѣмъ недавно? На этомъ ли онѣ свѣтѣ?!..

И вотъ, я вспоминаю...

— Вотъ, пришлось и къ вамъ... — смущенно говоритъ архитекторъ и не смотритъ. — Ужасная погода... высоко живете... Приказали описывать и отбирать книги... Соберутъ и пошлютъ куда-то... Конечно, я понимаю...

Онъ потѣетъ, несчастный архитекторъ. Онъ работаетъ изъ-за полфунта соломеннаго хлѣба, изъ-за страха.

— Подъ страхомъ преданія... военнаго трибунала! «вплоть до разстрѣла»!!!....

Онъ смотритъ округлившимися, птичьими, глазами, — а въ нихъ ужасъ.

— Знаю. И швейныя машинки, и велосипеды... Но у меня здѣсь нѣтъ библіотеки! У меня только Евангеліе и двѣ-три м о и книги!..

— Я ужъ и не знаю... ну-жно!..

Архитекторъ, человѣкъ искусства... Онъ не прошелъ мимо. Онъ ревностно ковылялъ подъ дождемъ, по грязи, на горы, черезъ балки, на хромой ногѣ, чтобы добить душу. Но ему хочется жить, бѣднягѣ, и... онъ доведенъ до точки!

— Я ужъ и не знаю... Ну, хоть росписку дайте... вопросъ неясный... Напишите, что отвѣчаете за ихъ сохранность...

— За м о и книги?! Я... за свою работу?!..

Мы — сумасшедшіе?!... Онъ не могъ уйти безъ росписки. Онъ умолялъ словами, глазами, которымъ было трудно смотрѣть въ глаза, хромой ногою. И я выдалъ ему росписку.

Мнѣ больно теперь смотрѣть въ полутемный уголъ, гдѣ стопочка книгъ «учтенныхъ». И ты, маленькое Евангеліе! Мнѣ больно, словно и Его я предалъ.

Дожди тогда были... Укрылись дождями горы, свинцовой мутью. Лошади по холмамъ стояли — покинутые кони. Стояли — ждали. И падали. А по одинокимъ дачкамъ ходилъ и ходилъ хромой архитекторъ и отбиралъ книги... А люди совались головами въ щели. Фу, сонъ кошмарный!..

Не надо думать. Какое жгучее солнце!

Выше подымается, напекаетъ. По горамъ жаровая дымка, — начинаютъ синѣть и мерцать горы. Дви-

жутся, оживаютъ. Смотрятъ. И солнце — плавится и играетъ въ морѣ.

Мои огурцы совсѣмъ пожухли и покрутились, рыжія гряды совсѣмъ раздѣлись. Помидоры помертвѣли и обвисли. Курочки ушли въ балки. Павлинъ стоитъ въ тѣни, у своей дачки, — кричать жарко. Изъ балки выбирается «Тамарка», несетъ на горку пустое вымя.

А ты что же, маленькая «Торпедка», не пошла со всѣми?

Стоитъ подъ кипарисомъ, поклевываетъ головкой, затягиваетъ глазки. Я понимаю: она у х о д и т ъ. Я беру ее на руки. Какъ пушинка! Что же... такъ лучше. Ну, посмотри на солнце... ты его любила, хоть и не знала, что это. А тамъ вонъ — горы, синія какія стали! Ты и ихъ не знала, а привыкла. А это, синее такое, большое? Это — море. Ты, маленькая, не знаешь. Ну, покажи свои глазки... Солнце! И въ нихъ солнце!... только совсѣмъ другое, — холодное и пустое. Это — солнце смерти. Какъ оловянная пленка — твои глаза, и солнце въ нихъ оловянное, пустое солнце. Не виновато оно, и ты, «Торпедка» моя, не виновата. Головку клонишь... Счастливая ты, «Торпедка», — на добрыхъ рукахъ уходишь! Я пошепчу тебѣ, скажу тебѣ тихо-тихо: солнце мое живое, прощай! А сколько теперь большихъ, которые знали солнце, и кто у х о д и т ъ во тьмѣ!.. Ни шопота, ни ласки родной руки... Счастливая ты, «Торпедка»!..

Она тихо уснула въ моихъ рукахъ, маленькая незнайка.

Полдень высокій былъ. Я взялъ лопату. Ушелъ на предѣлъ участка, на тихій уголъ, гдѣ груды камней горячихъ, выкопалъ ямку, положилъ бережно, съ тихимъ словомъ — прощай, и быстро засыпалъ ямку.

Вы, сидящіе въ креслахъ мягкихъ, можетъ быть, улыбнетесь. Какая сантиментальность! Меня это нимало не огорчаетъ. Курите свои сигары, швыряйте

свои слова, гремучую воду жизни. Стекутъ они, какъ отбросъ, въ клоаку. Я знаю, какъ ревниво глядитесь вы въ трескучія рамки листовъ газетныхъ, какъ жадно слушаете бумагу! Вижу въ вашихъ глазахъ оловянное солнце, солнце мертвыхъ. Никогда не вспыхнетъ оно, живое, какъ вспыхивало даже въ моей «Торпедкѣ», совсѣмъ незнайкѣ! Одно вамъ брошу: убили вы и мою «Торпедку»! Не поймете. Курите свои сигары.

НЯНИНЫ СКАЗКИ

Когда же, наконецъ, солнце потонетъ за Бабуганомъ?! Скорѣй бы... Упадетъ ночь, звѣзды стрѣлками будутъ плавать въ морѣ. Только оно и будетъ. Ни дачъ, ни холмовъ, ни балокъ, — темный порогъ за моимъ садомъ, а за порогомъ темное море въ стрѣлкахъ. Повѣрить можно, что гдѣ-то на океанѣ, какъ Робинзоны. Только бы забыться, — и повѣришь. Никто не придетъ, не будетъ давить душу. Кончились люди, только кроткія курочки, павлинъ — райская птица... Сѣренькіе «волчки», пичуги, будутъ дѣловито порхать, прятаться въ кипарисахъ, утрами будутъ стрекотать сойки...

Какъ ни старайся — не отмахнешься. Вонъ за изгородью шаги, опять кто-то... Плохо начался день сегодня.

— Добрый день, баринъ!

Насмѣшка теперь это слово — баринъ! У ней не насмѣшка, а привычка. Это плетется изъ городка сосѣдка-няня, идетъ — мотается. Одѣта оборванкой, на ногахъ дощечки. Въ рукахъ охапка чубука и палокъ, которые она набрала дорогой, — все годится. Лицо испитое, желтое, глаза ввалились. Съ такими лицами выходятъ изъ больницы, послѣ тяжкой болѣзни.

Я знаю, что она станетъ жаловаться, облегчать душу, и я не могу не слушать: вѣдь она — отъ народа, и ея слова — отъ народа.

— Что же это теперь будетъ?.. Хлѣбъ-то сегодня... двѣнадцать тысячъ! да и его-то нѣту! На базарѣ ни къ чему не приступишься, чисто всѣ облютѣ-ли!...

Она пытаетъ меня округлившимися отъ тревоги глазами, но... что тутъ скажешь?

— Иду-гляжу... сидитъ у Ялы народъ, у пустыхъ возовъ... убиваются — пла-чутъ! Чего такое?.. Вонъ что! На перевалѣ остановили-обобрали... все-то-все отняли, кто чего въ степи вымѣнялъ на послѣднее! Открытый разбой пошелъ... И на степи-то, сказываютъ, го-лодъ! Куда-жъ это все подѣвалось-то? Да степь-то наша валомъ-завалена была, на годы прямо! Титьти какія дѣла пошли... а! Что ужъ рыбаки наши... вольный, прямо, народъ... а и тѣ заслабли! А какая теперь рыба! Камсы-то ждать... на-весну ей ловиться, энъ когда!...

«Шура Соколъ» объѣхалъ горку, наглядѣлся на горы-море, вынулъ серебряный портсигаръ, закурилъ папироску — душистый табакъ ламбатскій. Шажкомъ прогуливаетъ. Нянька поджала тонкія губы, — выжидаетъ, когда проѣдетъ, такъ и прощупываетъ глазами.

— Налился-то какъ... черезъ хлещетъ! По три кружки одного молока ду-етъ! Вотъ ты и погляди... И курочки, и яички, и... И отку-дова что берется! А ты хоть тутъ подохни!.. Ко-пеечки негдѣ заработать. А бывало-то, бархатный-то сезонъ... Стиркой, бывало... да больше двухъ рублей заработаешь! А на базаръ-то придешь... го-ры! И сала тебѣ, и барашка, и яички... и красненькіе-то, и синенькіе, и... А хлѣбъ-то какой былъ, пу-ухъ-пухомъ!..

Скучно слушать, а она ищетъ у меня утѣшенія какого-то «слова вѣрнаго». Нѣтъ у меня никакого слова. Я хочу оборвать послѣднее, что меня вяжетъ съ жизнью, — слова людскія.

— Ходила въ этихъ вотъ... въ совѣтскихъ садахъ работать... — полфунта хлѣба! да ка-кого! одна мякина. Еще вина полбутылки. А денегъ нѣтъ, не отпечатали! Какъ, говоритъ, отпечатаемъ, тогда... А говори-ли-то-о!... Озолотимъ на всю поколѣнію! Вотъ и

колѣй, поколѣніе-то оно какое! А мнѣ чего съ дѣтями полфунта? А по садамъ кто работаетъ, съ полбутылки валются... голодные! Ребятишкамъ вино даютъ, мальчишки пьяне-ошеньки... Всѣмъ, значитъ, помирать скоро?..

И я говорю ей «слово»:

— Что-жъ, и помирать придется.

Она даже бросаетъ хворостъ.

— Да вѣдь о-бидно! Ни во что вѣдь вышло-то все! Насулили-намурили — берись теперь! Я про себя не говорю, — дѣтей жалко. Старшіе у меня на ноги хоть стали, а эти!.. Барыня ужъ все распромѣняла, вотъ-вотъ сама-то завалится... А что я вамъ скажу... — шопоткомъ говоритъ нянька, и все оглядывается: — комиса-ра вчерась убили, на перевалѣ! Леня вчера въ Ялтахъ былъ, слыхалъ. Продовольственный комисаръ нашъ, на машинѣ ѣхалъ... хотѣлъ съ деньгами на родину тикать! Сичасъ изъ лѣсу выходютъ съ ружьями... отчаянные, не боятся! Ну, конечно, зеленые. Рангелевцы, не признаютъ которые... Стой! Ершовъ фамилія? Все имъ извѣстно! Долой слазь! Жену съ дѣтями не тронули, отойти велѣли. А того сичасъ цѣпями къ машинѣ прикрутили, горючкой полили и зажгли. Сго-рѣлъ! Мы, говорятъ, за народное право, у насъ, говорятъ, до всего досмотръ!.. А?!

Она пытаетъ меня жадными глазами, все «вѣрнаго слова» ждетъ. Нѣтъ у меня для нея слова.

— А сичасъ иду по бугорочку, у пристава дачи, лошадь-то зимой пала... гляжу — мальчишки... Чего такое съ костями дѣлаютъ? Гляжу... лежатъ на брюхѣ, копыто гложутъ! грызутъ-урчатъ! Жуть взяла... чисто собачонки. Вотъ подкатило-подкатило, — сблевала, простите сказать... да не ѣмши-то... Ну, вотъ... за коврикъ бархатный три фунтика всего дали ячменьку... а завтра-то чего будемъ?.. Ужъ скорѣй бы!

Она машетъ рукой, забираетъ палки и уходитъ — качается, вотъ-вотъ споткнется. Не чуетъ она, что

скоро у ней случится, какъ будетъ варить кашу изъ пшеницы... съ кровью! Или чуетъ? Я теперь вспоминаю...Въ ея глазахъ былъ тогда неподдѣльный ужасъ... Часто говорила она о своемъ Ленѣ, — собирался на степь поѣхать, за что-то добыть шпеницы...

А еще совсѣмъ недавно она ждала, что всѣмъ раздадутъ и дачи, и виноградники, всѣмъ, какъ она, «трудящимъ», и будутъ они жить, какъ господа жили. Наше будетъ! Слыхала она «вѣрное слово», какъ оралъ матросъ на митингѣ:

— Теперь, товарищи и трудящіе, всѣхъ буржуевъ прикончили мы... которые убѣгши — въ морѣ потопили! И теперь наша совѣцкая власть, которая комунизмъ называется! Такъ что до-жили! И у всѣхъ будутъ даже автонобили, и всѣ будемъ жить... въ ванныхъ! Такъ что не жись, а едрена мать. Такъ что... всѣ будемъ сидѣть на пятомъ етажу и розы нюхать!..

Ну, вотъ. Ступай и бери: и виноградники, и сады, и дачи, все — безхозяйное, все — пустое!

— А вѣдь забыла! — окликаетъ нянька. — Иванъ Михалычъ вамъ кланяться наказали, зайтить хотѣли! На базарѣ попался. Вотъ ужъ стра-сти! Не узнала и не узнала... — рваный, грязный, на ногахъ тряпки наверчены, еле идетъ съ палкой. Гляжу, — старичокъ какой-то нищій стоитъ у ларя, у грека, кланяется-проситъ... а грекъ и говоритъ: — «господинъ професхоръ, пожалуйте вамъ!» Въ корзиночку ему три грецкихъ орѣшка положилъ и картошекъ пару. Ма-тушки! Иванъ Михалычъ! А дача-то какая у нихъ была! Я вѣдь на нихъ стирывала, бывало. Книгъ полна комната, и все-то пишутъ! А теперь съ голоду помираютъ, ста-аренькіе стали. Признали меня и говорятъ: — «Вотъ, Тимофевна, народушко-то нашъ праведный за труды-то мои какъ отблагодарилъ! на пенцію-то мою воробьиный мнѣ паекъ выписалъ!» Вѣдь это какъ сказалъ-то! И вѣрно, что вы думаете... дураки-то мы, ничего не разумѣемъ... Какой-такой воробьиный? —

«А по фунту хлѣба... на мѣсяцъ»! Что вы думаете, вѣрно! — «Вотъ и бумажка съ печатью всенародной прислана». Вынулъ бумажку, греку подалъ, а самъ все кланяется, трясется. Сталъ грекъ разбирать-читать, еще подошли люди. Вѣрно! По тыщѣ рублей на мѣсяцъ, насмѣхъ! А хлѣбъ-то нонче... двѣнадцать тысячъ фу-унтъ! Говорить стали которые, а тутъ съ ружьемъ подошелъ, прислушалъ. — «Надъ нашей властью смѣешься, старый чортъ?» И всякими словами! — «Тебѣ, говоритъ, сдохнуть давно пора, а ты еще за народнымъ хлѣбомъ трафишься»! И всѣхъ разогналъ. Да еще грозился подва-ло-мъ! Какой народъ дерзкай... А какая дача-то была-а...

Ушла, наконецъ. Въ глубокую балку уйти? рубить, рубить... А павлинъ и тамъ слышенъ. Солнце словно заснуло, за Бабуганъ не хочетъ. А, «Жаднюха» заявилась, на мои руки смотритъ... Ага, у меня миндалекъ, вотъ что. Я разламываю его на крошечки. Ну, поди ко мнѣ, ласковая моя. Давай-ка, сядемъ, и я разскажу тебѣ сказочку...

Я усаживаюсь на краю балки, сажаю «Жаднюху» на колѣни и тихо глажу. Она начинаетъ заводить глазки.

...Ну, слушай. Жилъ-былъ Иванъ Михалычъ, писалъ книжки. По этимъ книжкамъ и мы съ тобой учились. Потомъ про Ломоносова писать началъ. Ты, «Жаднюха», даже и про Ломоносова не знаешь, какъ и Тимофевна, хоть ты и умная русская курочка... Тебѣ бы только миндаликъ ѣсть. Ничего, ты честная курочка, и если тебя кормить, ты къ Рождеству непремѣнно отплатила бы мнѣ яичкомъ. Вѣрно? Не спишь, плутишка... Знаю тебя, ты гордая курочка. Говорить только не умѣешь. А если бы ты умѣла говорить... Ну, спи. Съ голоду спится. Такъ вотъ, про Ломоносова... Даже и премію ему дали... Была у насъ въ Питерѣ такая Академія Наукъ... Буржуи, конечно, тамъ всякіе сидѣли, «ученая рухлядь» всякая... Жаль,

далеко ты не ходишь, а то бы послушала, какъ тамъ, внизу, умные парнишки объясняютъ! Ну, вотъ эта самая «ученая рухлядь» за Ломоносова-то премію Ивану Михайлычу дала, медаль золотую. Ну, и... золотую медаль у него грекъ купилъ, который ему орѣшка-то положилъ, или татаринъ тамъ, или еще кто... за пудъ муки. Вотъ ты легонькая какая стала, и Иванъ Михайлычъ тоже... совсѣмъ облегчился, и остались у него только... ничего не осталось, одинъ Ломоносовъ въ головѣ! И сталъ Иванъ Михайлычъ за хлѣбомъ по горамъ лазить, какъ ты по балкамъ. За уроки ему платили щедро: полфунта хлѣба и хорошее по-лѣно! Чего ты испугалась? Ляля-то кричитъ... У меня спи спокойно. Не дрожи... Да, полѣно. Очень ужъ онъ полѣну-то радовался! Человѣкъ старый, холодно зимой про Ломоносова-то писать, а за дровами-то въ балку надо. Куда ему зимой въ балку! А скоро и полѣнья перестали давать: некому и учиться стало, голодъ. И вотъ, на прошенье Ивана Михайлыча, — прислали ему бумагу, пенсію! По три золотника хлѣба на день! А знаешь ли что, «Жаднюха»... да ужъ не спутали ли они? Можетъ это они про тебя прознали, что на горкѣ такая умная курочка живетъ-голодаетъ... да тебѣ и назначили?.. Ты чего опять? мало, что ли?! три-то золотника?!.. Тебѣ бы, дурашкѣ, гордиться надо... Вотъ и разсказалъ тебѣ сказочку. Ну, гуляй. Ишь какъ «Лярва»-то прекрасно гуляетъ! Гуляй и ты.

Ковыляетъ по павлиньему пустырю, за балкой, хромая рыжая кляча — остовъ. Пройдетъ шага два — и станетъ. Понюхаетъ жаркій камень, отсохшее, колкое перекати-поле. Еще ступитъ: опять камень, опять желтенькая колючка. Отведетъ голову на волю — море: синее и пустое. Отвернется, ступитъ. На ея бокахъ-ребрахъ грязной мѣдью отсвѣчиваетъ солнце.

Это — кобыла «Лярва», съ дачи подъ пустыремъ, гдѣ старый Кулешъ стучитъ колотушкой по желѣзу,

выкраиваетъ изъ стараго желѣза новыя печки, — въ степь повезутъ обмѣнивать на картошку. Давно не запрягаетъ ее хозяинъ. Надорвалась весною, какъ возила тощенькаго старичка-покойничка на кладбище, — съ тѣхъ поръ хирѣетъ. Ходитъ старуха хитро, упасть боится. Упадетъ — не встанетъ. Приглядывается къ ней Вербина собака, Бѣлка: чуетъ.

Умирающіе кони... Я хорошо ихъ помню.

Осенью много ихъ было, брошенныхъ ушедшей за море арміей добровольцевъ. Они бродили. Сѣрые, вороные, гнѣдые, пѣгіе... Ломовые и выѣздные. Верховые и подъ запряжку. Молодые и старые. Рослые и «собачки». Лили дожди. А кони бродили по виноградникамъ и балкамъ, по пустырямъ и дорогамъ, ломились въ сады, за колючую проволоку, рѣзали себѣ брюхо. По холмамъ стояли-ожидали — не возьмутъ ли. Никто ихъ не бралъ: боялись. Да и кому на зиму нужна лошадь, когда нѣтъ корму? Они подходили къ разбитымъ вилламъ, протягивали головы поверхъ заборовъ: эй, возьмите! Подъ ногами — холодный камень да колючка. Надъ головой — дождь и тучи. Зима вступаетъ. Вотъ-вотъ снѣгомъ съ Чатырдага кинетъ: эй, возьмите!!

Я каждый день видѣлъ ихъ на холмахъ — тамъ и тамъ. Они стояли недвижно, мертвые и — живые. Вѣтеръ трепалъ имъ хвосты и гривы. Какъ конскія статуи, на рыжихъ горахъ, на черной синевѣ моря, — изъ камня, изъ чугуна, изъ мѣди. Потомъ они стали падать. Мнѣ видно было съ горы, какъ они падали. Каждое утро я замѣчалъ, какъ ихъ становилось меньше. Чаще кружились стервятники и орлы надъ ними, рвали живьемъ собаки. Дольше всѣхъ держался вороной конь, огромный, — должно быть, артиллерійскій. Онъ зашелъ на гладкій бугоръ, поднявшійся изъ глубокихъ балокъ, взошелъ по узкому перешейку и — заблудился. Стоялъ у края. Дни и ночи стоялъ, лечь боялся. Крѣпился, разставивъ ноги. Въ тотъ день

дулъ крѣпкій нордъ-остъ. Конь не могъ повернуться задомъ, встрѣчалъ головой нордъ-остъ. И на моихъ глазахъ рухнулъ на всѣ четыре ноги, — сломался. Повелъ ногами и потянулся...

Если пойти на горку — глядѣть на городъ, увидишь: бѣлѣютъ на солнцѣ кости. Добрый былъ конь, — артиллерійскій, рослый.

«Лярва» подобралась къ верандѣ, гдѣ вонючія уксусныя деревья. Вытянулись деревья — не даются. Такъ и будетъ стоять, пока не возьметъ хозяинъ. Ходитъ за ней павлинъ, поглядываетъ на ея хвостъ-мочалку, — а пока землю долбитъ.

Некуда глаза спрятать...

По горамъ тѣни отъ облачковъ, играютъ тѣнями горы. Посвѣтлѣютъ и потемнѣютъ.

ПРО БАБУ-ЯГУ

Я сижу на обрывѣ. Черная стѣна шифера падаетъ въ глубину, — тамъ въ ливни шумятъ потоки. Видъ отсюда — на весь «Уголокъ» внизу. Тамъ, вдоль пустыннаго пляжа, уныло маячатъ дачки, создававшіяся любовно, упорнымъ трудомъ всей жизни, — тихій уютъ на старость. Тамъ — весь «Профессорскій Уголокъ», съ лелѣянными садами, гдѣ сажались и холились милыя розы, привитыя «собственною рукой», гдѣ кипарисами отмѣчались этапы жизни, гдѣ мысль покоряла камень. Гдѣ вы теперь, почтенные созидатели, — профессора, доктора, доценты, — насельники дикаго побережья земли татарской, близорукіе и наивные, говорившіе «вы» — камнямъ? кормильцы плутовъ-садовниковъ, покорно платившіе по счетамъ мошенниковъ всѣхъ сортовъ, занятые «прохожденіемъ Венеры черезъ дискъ солнца», сторонники «витализма и механизма», знатоки порфиритовъ и діоритовъ, продумыватели гипотезъ, вскрыватели «міровой тайны»? Продумали вы свои дачки и виноградники! Безъ васъ рѣшены всѣ тайны. Ваши дворники волокутъ на базаръ письменные столы и кресла, кровати и умывальники; книги ваши забралъ хромой архитекторъ, а садовники ободрали ваши складные стулья и нашили себѣ штановъ изъ парусины. Плюнули въ кулаки, — махомъ однимъ сволокли «рай» на землю! Гдѣ вы теперь, разсѣянные мечтатели?..

Бѣжали — зрячіе. Подъ землю ушли — слѣпые. «Читаютъ» что-то за воблу, табакъ и полфунта соли — уставшіе.

Дачки, дачки... Изъ той вонъ, сѣрой, съ черепичной крышей, взяли семерыхъ моряковъ-офицеровъ, довѣрчивыхъ, — угнали за горы и... «выслали на Сѣверъ»... А въ этой, бѣлой и тихой, за кипарисами, милый старичокъ жилъ, отставной казначей какой-то. Любилъ посидѣть у моря, бычковъ ловить. Пятилѣтняя внучка камушки ему приносила:

— А вотъ сельдоликъ, дѣдя!

— Ну какой это сердоликъ! Нѣтъ, не сердоликъ это, а.... шпатъ!

— Спатъ... А какой сельдоликъ, дѣдя?

— Такой... прозрачный, какъ твои глазки. А сейчасъ мы бычка изловимъ... Вотъ и поищи сердолика... а вотъ и бычокъ-шельмецъ!

Любилъ раннимъ утромъ, когда такъ хорошо дышать, пойти съ травяной сумочкой на базаръ, за помидорчиками и огурчиками, за брынзой... Такъ и попался съ сумочкой. Пришли люди съ красными звѣздами, а онъ, чудакъ, за помидорчиками на базаръ идетъ, на синее море любуется, синій дымокъ пускаетъ.

— Стой, тебѣ говорятъ, глухой чортъ! Почему шинель сѣрая, военная? погонная?!..

— А... донашиваю, голубчики... казначеемъ когда-то былъ...

— Чѣмъ занимаешься?

— Бычковъ ловлю... да вотъ, на базаръ иду. На пенсіи я теперь, отъ Бѣлаго Креста пенсію получаю... вольный теперь казакъ.

— Съ Дону казакъ? За нами!

И взяли старичка съ сумочкой. Увезли за горы. Сняли въ подвалѣ заношенную шинель казачью, сняли бѣльишко рваное, и — въ затылокъ. Плакала внучка въ пустой дачкѣ, жалѣли ее люди: некому теперь за помидорчиками ходить, бычковъ ловить... Чего же, глупая, плакать?! За дѣло взяли: не ходи за помидорчиками въ шинели!

Некуда глаза спрятать...

Вонъ, подъ Кастелью, на виноградникахъ, бѣлый домикъ. До него версты три, но онъ виденъ отчетливо: за нимъ черные кипарисы. Какіе оттуда виды, море какое, какой тамъ воздухъ! Тамъ рано расцвѣтаютъ подснѣжники, бѣлый фарфоръ кастельскій, и виноградъ поспѣваетъ раньше, — отъ горячаго камня-діорита, — и фіалки цвѣтутъ на цѣлую недѣлю раньше. А какія тамъ бываютъ утра! А сколько же тамъ дроздовъ черныхъ поетъ весною, и какъ тамъ тихо! Никто ни пройдетъ, ни проѣдетъ за день. Вотъ гдѣ жить-то!..

Вчера ночью пришли туда — рожи въ сажѣ. Повернули женщинъ носами къ стѣнкѣ: не подымать крику! Только развѣ Кастель услышитъ... Послѣднее забрали: умирайте. А на прощанье ударили прикладомъ: помни! А этой ночью вонъ за той горкой...

Поторкиваетъ-трещитъ по лѣсистымъ холмамъ — катитъ-мчитъ. Автомобиль на Ялту? Пылитъ по невидимой дорогѣ. Въ горы, въ лѣса уходитъ. Автомобили еще остались, кого-то возятъ. Дѣла, конечно. Безъ дѣла кто же теперь кататься будетъ!

Я смыкаю глаза въ истомѣ, дремотно, сквозь слабость, слышу: то наплываетъ, то замираетъ торканье. Грохотъ какой ужасный, словно падаютъ горы. Или это кровью въ ушахъ гудитъ, шумитъ водопадами въ головѣ... Съ чего бы это? Кружится голова — вотъ-вотъ упадешь, сорвешься. А, не страшно. Теперь ничего не страшно.

Я опираюсь на кулаки, вглядываюсь къ горамъ сквозь слабость. Зеленое въ меня смотритъ, въ шумахъ, — дремучее... Погасаетъ солнце, въ глазахъ темнѣетъ... Ночь какая упала! Весь Бабуганъ заняла, дремучая. Дремучіе боры-лѣса по горамъ, стѣна лѣсная. Это давніе, т ѣ лѣса. Ихъ корни вездѣ въ землѣ, я ихъ вырубаю мукой. О, какіе они дремовые, — холодомъ отъ нихъ вѣетъ, лѣснымъ подваломъ! Грызть

продираться черезъ нихъ надо, желѣзнымъ зубомъ. Шумитъ-гремитъ по горамъ, по чернымъ лѣсамъ-дубамъ, — грохотъ какой гудящій! Валитъ-катитъ Баба-Яга въ ступѣ своей желѣзной, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ... помеломъ желѣзнымъ. Это она шумитъ, сказка наша. Шумитъ-торкаетъ по лѣсамъ, мететъ. Желѣзной метлой мететъ...

Гудитъ въ моей головѣ черное слово — «метлой желѣзной»! Откуда оно, это проклятое слово? кто его вымолвилъ?.. «Помести Крымъ желѣзной метлой»... Я до боли хочу понять, откуда это. Кто-то сказалъ недавно... Я срываю съ себя одолѣвшую меня слабость, размыкаю глаза... Слѣпящее солнце стоитъ еще высоко надъ раскаленной стѣной Кушкаи, зноемъ курятся горы. Катитъ автомобиль на Ялту... Да гдѣ же сказка?

Вотъ она, сказка-явь! Пора, наконецъ, привыкнуть.

Я знаю: изъ-за тысячи верстъ, по радіо, долетѣло приказъ-слово, на синее море пало:

«Помести Крымъ желѣзной метлой! въ море!»

Метутъ.

Катитъ-валитъ Баба-Яга по горамъ, по лѣсамъ, по доламъ, — желѣзной метлой мететъ. Мчится автомобиль на Ялту. Дѣла, конечно. Безъ дѣла кто же теперь кататься будетъ?

Это о н и, я знаю.

Спины у н и х ъ — широкія, какъ плита, шеи — бычачьей толщи; глаза тяжелые, какъ свинецъ, въ кровяно-масляной пленкѣ, сытые; руки-ласты, могутъ плашмя убить. Но бываютъ и другой стати: спины у н и х ъ — узкія, рыбьи спины, шеи — хрящевый жгутъ, глазки востренькіе, съ буравчикомъ, руки — цапкіе, хлесткой жилки, клещами давятъ...

Катитъ автомобиль на Ялту, петлитъ петли. Кружатся горы, проглянетъ и уйдетъ море. Высматрива-

ютъ лѣса. Приглядывается солнце, помнитъ: Баба-Яга въ ступѣ своей несется, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ... Солнце всѣ сказки помнитъ. И добѣла раскаленная Кушкая, плакатъ горный. Вписываетъ въ себя.

Время придетъ — прочтется.

СЪ ВИЗИТОМЪ

Опять я слышу шаги... А, какой день сегодня!

Кто-то движется за шиповникомъ, стариковски покашливаетъ, подходитъ къ моимъ воротцамъ. Странная какая-то фигура... Неужели — докторъ?!

Онъ самый, докторъ. Чучело-докторъ, съ мѣшковиной на шеѣ, — вмѣсто шарфа, съ лохматыми ногами. Старикъ докторъ, Михайла Васильичъ, — по бѣлому зонтику признаешь. Правда, зонтикъ теперь не совсѣмъ бѣлый, въ заплаткахъ изъ дерюжки, — но все же зонтикъ. И за нищаго не сойдетъ докторъ: въ пенснэ — и нищій! Впрочемъ, что теперь не возможно?!

Да, докторъ. Только не тотъ старичокъ-докторъ, у котораго индюшка расколотила чашку, — тотъ на самомъ тычкѣ живетъ, повыше, — а другой, нижній докторъ, изъ садовъ миндальныхъ. Чудесные у него сады были! Жилъ онъ десятки лѣтъ въ миндальныхъ своихъ садахъ, жилъ одиноко, глухо, со старухой нянькой, съ женой и сыномъ. Химіей занимался, вегетаріанилъ, опыты питанія надъ собой и семьей дѣлалъ. Чудакъ былъ докторъ.

— А, докторъ!..

— Добрый день. Вотъ и къ вамъ, съ визитомъ. Хорошо здѣсь у васъ, высоко... далеко... не слышно...

— А чего слушать?..

— Мнѣ доводится-таки слушать... матросики у меня сосѣди, съ морского пункта, за моремъ наблюдаютъ. Ну, и... приходится слушать всякіе по-этическіе разговоры, эту самую «словесность». Да, языкъ

нашъ о-чень богатый, звучный... Какъ у васъ тихо! никакихъ-такихъ звуковъ, въ сторонѣ отъ большой дороги. Да у васъ, прямо, мо-литься можно! Горы да море... да небо...

— Есть и у насъ звуки и... знаки. Прошу, докторъ!

Мы садимся надъ виноградной балкой — въ дневномъ салонѣ.

Эй, фотографъ! бери въ аппаратъ: картинка! Кто эти двое, на краю балки? эти чучела человѣчьи? Не угадаешь, заморскій зритель, въ пиджакахъ, смокингахъ и визиткахъ, бродящій безпечно по авеню, и штрассамъ, и стриттамъ. Смотри, что за шикарная обувь... отъ Пиронэ, чортъ возьми! отъ поставщиковъ короля англійскаго и президента французскаго, отъ самого чорта въ стулѣ! Туфли на докторѣ изъ веревочнаго половика, прохвачены проволокой отъ электрическаго звонка, а подошва изъ... кровельнаго желѣза!

— Практичная штука, мѣсяцъ держитъ. На постолы татарскіе не могу сбиться, а всѣ мои «европейскіе», сапоги и ботинки... тю-тю! Слыхали, — все у меня изъ-я-ли, всѣ «излишки»?.. Какъ у насъ раз-дѣвать умѣютъ! ка-акъ у-мѣ-ютъ!.. что за народъ способный!..

Я слыхалъ и другое. Отняли у доктора и полфунта соломистаго хлѣба, паекъ изъ врачебнаго союза.

— Да, кол-ле-ги... Говорятъ коллеги, что теперь «жизнь — борьба», а практикой я не занимаюсь! А «нетрудящійся да не ястъ»! И апостола за бока, напотребу если...

Онъ смотритъ совсѣмъ спокойно: жизнь уже за порогомъ. Совсѣмъ бѣлая, кругло подстриженная бородка придаетъ его стариковскому лицу мягкость, глазамъ — уютность. Лучистыя морщинки у глазъ и восковой лобъ въ складкахъ дѣлаютъ его похожимъ

на древне-русскаго старца: былъ когда-то такимъ Сергій Преподобный, Серафимъ Саровскій... Встрѣть у монастырскихъ воротъ — подашь семитку.

Докторъ немного странный. Говорятъ про него — чудашный. Продалъ недавно участокъ миндальнаго сада съ хорошимъ домомъ, выстроилъ себѣ новый домикъ, «изъ лучинокъ», а остатокъ денегъ вымѣнялъ на катушки нитокъ, на башмаки и на платье.

— Вѣдь деньги скоро ничего не будутъ стоить!

И вотъ, у него отняли всѣ катушки, всѣ штаны и рубашки, — всѣ «излишки». Въ этомъ году онъ похоронилъ старуху-няньку, сумасшедшаго сына Федю и жену — недавно.

— Наталья Семеновна моя всегда была строгая вегетаріанка, — и вотъ, цингой заболѣла. Послѣдніе дни, — все равно, думаю, опытъ конченъ! — купилъ я ей на послѣднее барашка, котлетки сдѣлалъ... Съ какимъ восторгомъ она котлетку съѣла! И лучше, что померла. Лучше теперь въ землѣ, чѣмъ н а землѣ.

У доктора дрожатъ руки, трясется челюсть. Губы его бѣлесы, десны синеваты, взглядъ мутный. Я знаю, что и онъ — у х о д и т ъ. Теперь на всемъ лежитъ печать у х о д а. И — не страшно.

— А слыхали, какой я ей оригинальный гробъ справилъ? — прищурился-усмѣхнулся докторъ. — Помните, въ столовоѣ у насъ былъ такой... угольникъ? орѣ-ховый, массивный? Абрикосовое еще варенье стояло... изъ собственныхъ абрикосовъ. Ахъ, что за варенье было! Четыре банки о н и этого варенья взяли, все, что было. Конечно, абрикосовъ они н е ростили, варенья этого н е варили, но... о н и тоже хотятъ варенья, а потому!.. Конечно, это уже другая геометрія... Эвклидъ-то уже, говорятъ, провалился съ трескомъ, и теперь, по Энштейну... Да, о чемъ это я..? Вотъ такъ па-мять!..

Докторъ потираетъ вспотѣвшій лобъ и смотритъ виновато-жалко. Я его навожу на мысли.

— А, угольникъ... Наталья Семеновна очень его цѣнила... приданое вѣдь ея было! И звали мы его всѣ — «Абрикосовый угольникъ»! Понимаете вы отлично, какъ въ каждой семьѣ милыя условности свои есть, интимности... поэзія такая семейная, ей одной только и понятная! Въ вещахъ, вѣдь, часть души человѣческой остается, прилипаетъ... У насъ еще диванъ былъ, «Костей» звали... Студентъ-репетиторъ на немъ спалъ, Костя. И «Костю» забрали... Забрали у меня, напримѣръ, портретъ отца-генерала... единственное воспоминаніе! «Генерала забрать!» Забрали! И генералъ-то мирный, ботаникой занимался...

— Такъ вы про угольникъ, докторъ...

— Да-да... Когда мы еще молодые съ ней были... Неужели это было?!.. Лѣтъ тридцать тому, пріѣхали мы сюда, и я засадилъ пустырь миндалями, и всѣ надо мной смѣялись. Миндальный докторъ! А когда садъ вошелъ въ силу, когда зацвѣлъ... сонъ! розовато-молочный сонъ».. И Наталья Семеновна, помню, сказала какъ-то: — «хорошо умереть въ такую пору, въ этой цвѣточной сказкѣ»! А умерла она въ грязь и холодъ, въ домѣ ограбленномъ, оскверненномъ... Да, со стеклянной дверцой, на ключикѣ... Право, нисколько не хуже гроба! Стекло я вынулъ и забралъ досками. Почему непремѣнно шести-гранникъ?!.. Трехгранникъ и проще, и символично: три — едино! Подъ бока чурочки подложилъ, чтобы держался, — совсѣмъ удобно! Купить гробъ — не осилишь, а напрокатъ... — теперь напрокатъ берутъ, до кладбища прокатиться!.. а тамъ выпрастываютъ... — нѣтъ: Наталья Семеновна была въ высшей степени чистоплотна, а тутъ... въ родѣ постели вѣчной, и вдругъ изъ-подъ какого-нибудь венерика-кошкоѣда или еще хуже! А тутъ с в о е, и даже любимымъ вареньемъ пахнетъ!..

И онъ заперъ свою Наталью Семеновну на ключикъ.

— Хотѣли бан-дажъ мой взять! ремни приглянулись... Забыли! А у меня бандажъ... по моему рисунку у Швабе сдѣланъ! Теперь ни Швабе, ни... одинъ Грабе! Все забрали. Старухины юбки, нянькины, — и тѣ взяли. — «Я, — говоритъ, — трудомъ пошилась»! — Швырнули одну: — «ты, — говорятъ, — раба»! — Всѣ гармоньи взяли. Я тулякъ, еще съ гимназіи полюбилъ гармонью... Концертныя были, съ серебряными ладами... Затряслись даже, какъ увидали... Гармонь! Тутъ же и перебирать одинъ принялся... польку..

Штаны на докторѣ — не штаны, а фантастика: по желтому полю цвѣточки въ клѣткахъ.

— Изъ фартуковъ няниныхъ, что осталось. А внизу у меня дерюжина, да только въ краскѣ, маляры объ нее кисти, бывало, вытирали. А пиджачокъ этотъ еще въ Лондонѣ былъ купленъ, износу нѣтъ. Цвѣтъ, конечно, залакировался, а былъ голубиный...

Я всегда думалъ, что пиджакъ черный, съ кофейной искрой.

— Это все пустяки, а вотъ... всѣ градусники у меня отобрали, и максимальные, и... Три барометра было, гигрометръ, химическіе вѣсы, колбы... Реактивы хотѣли... — думали, что настойки! Схватили бутылку — спиртъ!! Да нашатырный! Буржуемъ обозвали.

— А который теперь часъ, докторъ?

— Де-кретъ! — пугливо-строго говоритъ докторъ и поднимаетъ черный отъ грязи палецъ. — Ча-сы теперь строго воспрещены, буржуазный предразсудокъ!

Нѣтъ, онъ не собирается уходить. Онъ переполненъ с в о и м ъ и разбрасываетъ «излишки».

— Но я безъ часовъ могу, потому что читалъ когда-то Жюля-Верна...

Онъ прищуривается на солнце, растопыриваетъ пальцы и глядитъ въ развилку. Онъ помятываетъ

пальцемъ то къ Кастели, то къ сѣдловинѣ за Бабуганомъ.

— Помните, у Жюль-Верна... Сайросъ Смисъ въ «Таинственномъ Островѣ» или Паганель!.. Какъ это давно было, и какъ все-таки хорошо, что было, и у насъ тогда они не изъяли книги! И я въ томъ же родѣ изловчаюсь. Могу до пяти минутъ съ точностью, если солнце... Сейчасъ... безъ десяти минутъ часъ. Мысленными линіями по вершинамъ, зная максимальную высоту... А вотъ въ туманъ или вечернее время... по звѣздамъ еще не изловчился. Ахъ, какъ безъ часовъ скучно! У насъ все по часамъ было. Ложились безъ четверти въ десять, вставалъ я въ половинѣ пятаго ровно. И сорокъ уже лѣтъ такъ. Трое часиковъ было, — взяли. Англійскіе очень жаль, луковицей. Старинные лорды такіе часы любили, часы на совѣсть. Но какая исторія роковая!.. Неужели вамъ не разсказывалъ?!.. Необходимо опубликовать! Это очень важно, въ предупрежденіе человѣчеству! чрезвычайно важно!..

— Ну, разскажите, докторъ...

«МЕМЕНТО МОРИ»

Докторъ поглядѣлъ на меня съ укоромъ.

— Вы, какъ-будто, не вѣрите, что это имѣетъ отношеніе къ человѣчеству... исторія съ моей «луковицей»? Напрасно. Въ этомъ вы сейчасъ убѣдитесь. Есть въ вещахъ роковое что-то... не то чтобы роковое, а «амулетное». Какъ хотите толкуйте, а я говорю серьезно: во всѣхъ этихъ газетахъ, которыя вотъ «вліяютъ»... «Таймсъ» или... какъ тамъ... «Чикаго Трибюнъ», «Танъ», понятно... — непремѣнно опубликуйте! Я уже не смогу, я безъ пяти минутъ новопреставленный рабъ... не божій, не божій, а... человѣческій! и даже не человѣческій!!.. Да чей же я рабъ, скажите?! Ну, оставимъ. А вы... дол-жны опубликовать! Такъ и опубликуйте: «Мементо мори», или «луковица» бывшаго доктора, нечеловѣческаго раба Михаила». Это очень удачно будетъ: «нечеловѣческаго»! Или лучше: нечеловѣчьяго!

Онъ, чудакъ, говорилъ серьезно, даже взволнованно.

— Это случилось лѣтъ пятьдесятъ тому... въ тысяча восемьсотъ... Нѣтъ, конечно... ровно сорокъ лѣтъ тому, въ восемьдесятъ первомъ году. Мы съ покойной Натальей Семеновной путешествовали по Европѣ, совершали нашу свадебную и, понятно, «образовательную» поѣздку. Въ Парижѣ мы погостили недолго, меня упорно тянуло въ Англію. Англія! Заманчивая страна свободы, ГабеасъКорпусъ... парламентъ самый широкій... Герценъ! Тогда я былъ молодъ, только университетъ окончилъ, ну, конечно,

революціонная эта фебрисъ... Вѣдь безъ этой «фебрисъ» вы человѣкъ погибшій! Да еще въ то-то героическое время! Только-только взорвали «Освободителя», блестящій такой починъ, такія огнесверкающія перспективы, въ двери стучится со-ці-а-лизмъ, съ трепетомъ ждетъ Европа... температурку-то понимаете?!.. Двѣ вещи россійскій интеллигентъ долженъ былъ всегда имѣть при себѣ: паспортъ и... «фебрисъ революціонисъ»! О паспортѣ правительство попеченіе имѣло, а что касается «фебрисъ»-то этой самой... тутъ круговая порука всѣхъ россійскихъ интеллигентовъ пеклась и контроль держала, и ихъ во-ждей! Чуть было не сказалъ — козловъ! Но не въ обиду вождямъ, а по русской пословицѣ нашей: «куда козелъ — туда и стадо»! Разные, конечно, и вожди эти самые бывали... были и такіе, что и въ Россіи-то никогда не живали... бывали и такіе, что... собственную мамашу удавятъ ради «прямолинейности»-то и «стройности» системы своей-чужой, а ты... дрожи! Тамъ хоть ты и пустое мѣсто, и пьяница, и дубина сто восемьдесятъ четвертой пробы, и изъ кармановъ носовые платки можешь... только дрожи и дрожи дрожью этой самой, правительству невыносимой, — и вотъ тебѣ авансомъ билетъ на свободный входъ въ царство «высокое и прекрасное». И не безъ выгоды даже. Я не дрожалъ полной-то дрожью, а лихорадило не безъ пріятнаго жара! Безъ слезъ, но подрагивалъ. Ахъ, зачѣмъ я не оставляю въ поученіе поколѣніямъ «записокъ интеллигента Т-ва Мануфактуръ и Ко»?!.. Теперь все равно, безъ пользы. Смотрите-ка, повалилась кляча!..

Да, «Лярва» легла, вытянувъ голову къ недоступной тѣни. Ноги ея сводило. Пораженный ея новымъ видомъ, павлинъ проснулся и закричалъ пустынно. Изъ тѣнистой канавки, подъ дачкой, выбралась тощая Бѣлка и оглядѣлась.

— Какъ въ трагедіи греческой! — усмѣхнулся докторъ. — Разыгрывается подъ солнцемъ. А «ге-

рои»-то... за амфитеатромъ... — обвелъ онъ рукою горы, — то-есть, б о г и. Въ ихъ власти и эта кляча несчастная, какъ и мы. Впрочемъ, мы съ вами можемъ за «хоръ» сойти. Ибо мы, хоть и «въ дѣйствіи», но прорицать можемъ. Финалъ-то намъ виденъ: смерть! Вы согласны?

— Вполнѣ. Всѣ — обреченные.

— До этого дой-ти надо! Дошли? Прекрасно. О чемъ я началъ? Память совсѣмъ никуда... Да, «фебрисъ» эта... Габеасъ-Корпусъ, Герценъ, Гамбетта, Гарибальди, Гладстоунъ!.. Странная штука, вы замѣчаете, — все «глаголи»! Тутъ, обратите вниманіе, что-то ми-стическое и, какъ-бы, символи-сти-ческое! Гла-голи! Конечно, и въ Англіи я глаголилъ. И «мощи» заповѣдныя посѣщалъ, и поклонялся имъ не безъ трепета, и фиміамъ воскурялъ. И даже въ Гайдъ-Паркѣ пару горячихъ подалъ. Воздухъ самый какую-то особенную прививку тамъ дѣлаетъ: непремѣнно хулой колыбельку свою — правда, грязненькую, но все-таки колы-бельку! — обдашь, грязненькіе очки надѣнешь. И конечно: «да здравствуетъ Революція — съ прописной буквы, понятно, изъ уваженія, — и переатъ полицеа»! И вотъ, пошелъ покупать часы. Зашли мы съ Наташей... Тогда я ее Наталочкой звалъ, а въ Лондонѣ — Ната и Нэлли, на англійскій манеръ. А теперь... на ключикѣ въ угольничкѣ абрикосовомъ!.. Да такъ и предстанетъ передъ Судіею на Страшный Судъ! — скрипуче засмѣялся докторъ. — Вострубитъ Архангелъ, какъ надлежитъ по предуказанному ритуалу: «Эй, вставайте, вси умерщвленные, на Инспекторскій Смотръ»! — И возстанутъ — кто съ чѣмъ. Изъ морскихъ глубинъ, съ чугунными ядрами на ногахъ, изъ овраговъ предстанутъ, съ заколоченными землею ртами, съ вывернутыми руками... изъ подваловъ даже — съ пробитыми черепами предстанутъ на Судъ и подадутъ обвиненіе! А моя-то Наталья Семеновна — на клю-чикѣ! Да вѣдь хохотъ-то какой,

грохотъ подымется! водевиль! И еще... ах-ха-х-а-а!.. съ... съ абри... косовымъ вареньемъ... въ мѣшковинѣ... изъ-подъ картошки въ мѣшочекъ обряжена!.. вѣдь все, все забрали у ней, всѣ рубашечки... всѣ платья... для женскаго пола своего... всѣ «излишки»! вѣдь въ ее-то платьяхъ... шелковое зеленое ея помню... Настюшка Баранчикъ, съ базара, изъ «татарской ямки» потомъ выщегаливала!.. Вотъ бенефисъ-то будетъ! Архангелы-то рты разинутъ. Самъ Господь-Саваоѳъ...

Докторъ вскочилъ внезапно и затрепалъ въ ладоши:

— Ш-ши ты, подлая, окаянная псина!..

«Бѣлка» скакнула черезъ «Лярву» и уюркнула за дачку. Павлинъ стоялъ въ-головахъ «Лярвы», трясъ радужнымъ хвостомъ-опахаломъ и топтался.

— Глядите, онъ ее провожаетъ! — воскликнулъ докторъ. — Вотъ такъ апофеозъ! Ну, какъ же не изъ трагедій?! — Онъ потеръ лобъ и сморщился. — Какъ сонъ какой-то... И что за память дырявая! Сегодня я забылъ — «Отче нашъ»! Три часа вспоминалъ — не могъ! Пришлось открывать молитвенникъ. Я по поводу этого долженъ сдѣлать интересное обобщеніе, но это потомъ... А теперь... Да о чемъ же я говорилъ-то?..

— Пришли покупать часы, докторъ...

— Да, часы... Зашли мы съ ней въ гнусный какой-то переулокъ, грязный и мрачный, у Темзы гдѣ-то. Дома старинные, закопченые, козырьки на окнахъ... и погода была, какъ разъ для самоубійства: дождишко скверненько такъ сочился черезъ желтый, гнилой туманъ, и огоньки грязнаго газа въ немъ, — и въ полдень! И вдобавокъ еще липко воняло морской этой слизью рыбьей... Помню, отвратительное было настроеніе. И какой-то хромоногій эмигрантикъ русскій дорогу намъ указалъ, все кашлялъ и плевалъ кровью. Мѣстечко такое... изъ Диккенса. А въ темныхъ лавкахъ, за зелеными шторками съ

бахромой, все антиквары, антиквары, въ норахъ своихъ, какъ пауки, въ пыли, въ паутинѣ, сѣрые, таинственные... пауки глубинъ жизни... шевелятся тамъ со старьемъ со всякимъ, въ губу нашептываютъ... Чего-то тамъ нѣтъ только! И все — отшедшее. Секстаны ржавые, пиратскія шпаги, отъ флибустьеровъ и буконьеровъ, «боги» всякіе, съ островoвъ малайскихъ и папуасскихъ, изъ тропическихъ прорвъ и дебрей, изъ человѣчьихъ костей печатки царьковъ дикихъ, скальпы тамъ, амулеты... — пеленки, такъ сказать, человѣчьи, но съ кровью. И «пауки» эти точно отборъ въ нихъ дѣлаютъ, подчищаютъ: кому еще, пожалуй, и пригодится!

— Докторъ, вы опять уклоняетесь. Вы про какіе-то часы хотѣли...

Докторъ вдумчиво посмотрѣлъ на меня и покачалъ головой.

— Это и есть про часы! Я еще немного соображаю, потому и... про обстановку. Изъ какихъ «пеленокъ»-то я эти часы принялъ! Вы то возьмите, что всѣ эти лавчонки на чемъ стоятъ? чуланчики эти человѣческіе?! На грабежѣ и хищеніи! на слезѣ, на крови чьей-то, на основномъ, что въ нѣдрахъ всей «культуры» человѣчьей лежитъ: на томъ, чтобы загадить и растрясти! Ну, что тамъ лавчонки!.. это ужъ самый послѣдній сортъ, на манеръ лукошка, куда кухарка птичьи кровяныя перья суетъ, себѣ на подушку... А вы «ма-га-зи-ны»-то обслѣдуйте! гдѣ злато и серебро, и брилліанты, и жемчуга, и ду-ши, ду-ши опустошенныя, человѣческія, глаза, истаявшіе слезами!.. Вѣдь всякое «потрясеніе»-то, на высоко-политическомъ блюдѣ поданное, съ рѣчами, со слезой братской, безкорыстной, и съ «дрожью» этой самой восторженной, въ подоплекѣ-то самой сокровенной, непремѣнно въ корешкахъ своихъ на питательное донышко упирается, на кулебячку будущую... и всегда обязательно кой для кого «кулебячки» этой и достигаетъ! Ну, послѣ

нашего-то «потрясенія» сколько лукошекъ-то этихъ съ курячьими перьями создадутъ! А «магазины», небось, по всему свѣту пооткрывались...

Что такое поторкиваетъ-трещитъ... къ морю?... А, это моторный катеръ, а можетъ и «истребитель». Вонъ онъ, черная стрѣлка въ морѣ, бѣжитъ и бѣжитъ на насъ; бѣжитъ за нимъ, крутится пѣнный хвостъ, на двѣ косы сѣчется.

— Слышите?... — шепчетъ докторъ и зажимаетъ уши. — «Истребитель»... За ними это...

— За кѣмъ, докторъ?..

— Что по амнистіи съ горъ спустились. Не слышали? Теперь ихъ заберутъ «для амнистіи». Что, трещитъ?.. Не могу выносить... усталъ.

Я вижу, какъ «истребитель» подъ краснымъ флагомъ завертываетъ широко къ пристанькѣ. Я знаю, что тѣ семеро, недавно спустившихся съ горъ, непокорныхъ «зеленыхъ», слышатъ въ своемъ подвалѣ, что пришелъ «истребитель»... пришелъ за ними.

— Теперь не трещитъ, докторъ.

— Завтра, а можетъ и нынче ночью.... — значительно говоритъ докторъ, — ихъ «израсходуютъ»... а ихъ сапоги и френчи, и часики... поступятъ въ круговоротъ жизни. Ихъ возьмутъ ночью... Молодую женщину показывали мнѣ сегодня, т а м ъ ея мужъ или женихъ. Теперь и она слышитъ... Она, представьте, на что-то надѣется!

— На пощаду?..

— На что-то надѣется... — шепчетъ докторъ. — Что-то можетъ случиться. Поживемъ до завтра.

— Такъ вы про часы хотѣли...

— А, да... Мнѣ одинъ знакомый присовѣтовалъ тамъ походить, у Темзы: попадаются чудеса. Матросы со всѣхъ концовъ свѣта такое иной разъ привозятъ, по океанамъ рыщутъ. А мнѣ какіе-нибудь рѣдкостные часы хотѣлось пріобрѣсти, отъ какого-нибудь мореплавателя, отъ Кука или Магеллана...

Страсть къ экзотическому у меня съ дѣтства осталась, отъ капитана Марріэтта, отъ Жюль-Верна... Отъ какого-нибудь стариннаго капитана, «морского волка»... вымѣнялъ онъ, глядишь, у какого-нибудь царька людоѣдовъ, а къ тому попали отъ какого-нибудь тамъ гранда испанскаго, которого выкинуло съ погибшаго корабля... Всѣ мы до страсти любимъ вещички, связанныя съ трагедіей человѣческой. Ну, попробуй-те объявить, что имѣется у васъ, напримѣръ, мечъ, которымъ палачъ китайскій тысячу головъ отрубилъ... за тысячи фунтовъ купятъ, найдутся люди! И всякому лестно имѣть у себя на стѣнкѣ, въ кабинетѣ, поразить гостя или дѣвицу прекрасную: «а это вотъ, скажетъ, — и даже съ равнодушіемъ въ голосѣ, — мечъ, которымъ и т. д...». Эффектъ-то какой необыкновенный! Какую карьеру можно сдѣлать! Вещи чудодѣйственнымъ образомъ путешествуютъ по свѣту. Теперь вотъ наши, р у с с к і я-то, вещички гдѣ, можетъ, гуляютъ, по какимъ интернаціональнымъ карманамъ проживаютъ!..

— Вотъ и забрели мы въ одну такую лавчонку. Эмигрантикъ тотъ рекомендовалъ, за пару шиллинговъ. И пошепталъ знаменательно: — «революціонеръ, ирландецъ, но виду не подавайте, что знаете». За такое пріятное сообщеніе я хромоногому гиду еще шиллингъ добавилъ! Зашли. Вонь, представить себѣ не можете! Треской тухлой, креветками, что ли... разлагающейся кровью, такой характерный запахъ. Ху-же, чѣмъ въ анатомическомъ! Хозяинъ,,, — какъ сейчасъ его вижу. Коренастая обезьяна, зеленоглазая, красно-рыжая, на кистяхъ шишки синія выперло, и онѣ въ рыжихъ волосьяхъ, косицами даже. Горилла и горилла. Ротище губастый, мокрый, рожа хрящеватая, и носъ... такой-то хрящъ, сине-красный! А на головѣ низколобой тоже шерсть красно-рыжая, клочьями. Какъ поглядѣлъ на него, такъ и подумалъ: если всѣ такіе революціонеры ирландскіе, дѣло бу-

детъ! Самый настоящій «гом-руль»! На конторкѣ у него, смотрю, бутылка съ «уиски» и осьминогъ соленый, небольшой, одноглазый. Кусочекъ колечкомъ отмахнетъ ножичкомъ двустороннимъ, въ волосатой рукояткѣ съ копытцемъ, — можетъ и отъ готтентота какого, — посолитъ красной пылью кайенской и закуситъ. Со мной говорилъ, а самъ все хлопъ да хлопъ, изъ горлышка прямо.

— «А-а, русскій?! Гуд-дэй! Эмигрантъ? революціонеръ? Да здравствуетъ республика»! — а самъ смѣется, осьминога нажевываетъ.

— Ну, конечно, поговорили... и о порядкахъ нашихъ, и про убійство царя-Освободителя... А вѣки у него были вывернуты, и въ нихъ кайенъ и виски.

— «Поздравляю, — говоритъ, — васъ съ подвигомъ! Если у васъ такъ успѣшно пойдетъ, то ваша Россія такъ шагнетъ, что скоро ото всего освободится! Способный и великодушный, — говоритъ. — вы народъ, и желаю вамъ еще такого прогресса. Ит-из-вэри-уэлл!»

— Я, конечно, ему опять лапу-клешню пожалъ накрѣпко, какъ могъ, и даже слезы на глазахъ у меня, у дурачка русскаго. Дрожалъ даже отъ «чувства народной гордости»! Сказалъ, помню:

— «У насъ даже партія такая создается, чтобы всѣхъ царей убивать, такіе люди спеціальные отбираются, террористы, «люди ужаса безпощаднаго»! Какъ у себя весь этотъ корень-хрѣнъ выведемъ, по чужимъ краямъ двинемъ динамитомъ!!»

— Очень это обезьянѣ понравилось. Зубища-клыки выставилъ, кожу спрутову сплюнулъ и смѣется:

— «Русскій экспортъ, самый лучшій! Ит-ис-вэри-уэлл!»

— И опять другъ другу руки пожали. Нѣтъ, какъ вамъ нравится! Альянсъ-то какой культурный, какъ именинники! Виски угостилъ и кусокъ копченаго

спрута-осьминога подалъ на китайской тарелкѣ, съ золоченымъ дракономъ. На этой самой тарелкѣ, говоритъ, сердца казненныхъ палачъ главному мандарину посылалъ съ рапортомъ. А можетъ и вралъ. Такой пиръ антикварно-сакраментальный былъ... И облюбовалъ я у него часы-луковицу. Чернаго золота часы съ зеленью. Говоритъ:

— «Обратите вниманіе, это не простые часы, а самого Гладстоуна! Его лакей продалъ мнѣ отъ него подарокъ. И стоютъ двадцать пять фунтовъ!»

— Дѣйствительно, вырѣзано подъ крышкой: «Гладстоунъ», и замокъ на горѣ. А можетъ быть и самъ, мошенникъ, вырѣзалъ. Ирландецъ былъ, разбитной мошенникъ. Ужъ очень зеленоглазость его и хрящи эти мнѣ претили, а по разговору, и потому, что онъ «ирландецъ», такъ сказать, угнетаемый, большую симпатію вызывалъ. И хорошо знаю, что мошенникъ, а вотъ... «фебрисъ»-то эта самая! И что же сказалъ!

— «Возьмите, за полвѣка ручаюсь!»

— Но главное-то не это. Ужъ очень всучить старался. Три фунта скинулъ! И послушайте, что же сказалъ! Обратите вниманіе:

— «Берите за двадцать два, потому что вы русскій, и... з а в а м и н е п р о п а д е т ъ! Своей доблестью... в с е в е р н е т е! Еще фунтъ скину! П о л и т и к о й...!... о т д а д и т е! И вотъ — вспомните мое слово! — эти часы до-хо-дятъ, когда у васъ, въ вашей Россіи, В е л и к а я Р е в о л ю ц і я будетъ!»

— Помню, сказалъ я ему: «дай-то, Богъ»!

— «До-хо-дятъ!» — говоритъ.

— И вотъ — «до-хо-ди-ли»! И вотъ — отобралъ ихъ у меня тоже... ры-жій! и тоже... съ хрящеватымъ носомъ, да-съ! Товарищъ Крепсъ! сту-дентъ бывшій!! Самъ и аттестовался: бывшій студентъ, и даже... — стишками баловался! Это когда я ему заявилъ, что

я русскій интеллигентъ и докторъ, чтобы у меня хоть градусники не отнимали! И знаете, к у д а,, эти часы попали?! Не угадаете.

— Въ музей... «Исторіи Ре-во-люціи»?!

— Хуже! Въ... жилетный карманъ бывшаго студента, мистера Крепса! Да-съ! И это такъ же достовѣрно, какъ и то, что сейчасъ мы съ вами — б ы в ш і е русскіе интеллигенты, и все вокругъ — только б ы в ш е е! Въ Ялтѣ его на дняхъ видали: носитъ себѣ и показываетъ — «Гладстоунъ»! Получилъ ордеръ на двадцать ведеръ вина изъ пролетарскихъ подваловъ, въ вознагражденіе себѣ, да только увезти не можетъ, лошадей нѣтъ. Можете у татаръ провѣрить, изъ общественнаго подвала! За хлопоты-съ! За — «Гладстоунъ»съ! Да вѣдь этотъ — младенчикъ! Ему бы часики и винца, съ дѣвочками гульнуть. А то.. Ну, думалъ ли когда Великій Гладстонъ, что его «луковица»..! Мистическое нѣчто... А его папаша — не Гладстона, конечно, — или дядя, или, быть можетъ, братъ тамъ... — размахнулся докторъ за горы, — оп-тикъ! и часиками торгуетъ!.. Отлично я такой магазинчикъ помню, на Екатерининской, а можетъ быть и Пушкинской — тоже хорошо! — улицѣ, фамилія врѣзалась, траурная такая фамилія — Крепсъ! Ужъ не ирландская ли фамилія?! Можетъ быть даже — Краб-съ! Глубинъ, такъ сказать, морскихъ фамилія! И вотъ, часики мои попадутъ, быть можетъ, въ эту «оптическую лавочку»?! А что?! Очень и очень вѣроятно! И вдругъ, представьте себѣ, какой-нибудь сэръ, докторъ Микстоунъ, скажемъ, пріѣдетъ въ страну нашу, «свободную изъ свободныхъ», и гражданинъ Крепсъ, съ хрящеватымъ носомъ, и тоже ры-жій, продастъ ему эти часы «съ уступочкой», и увезетъ наивный докторъ Микстоунъ эти часы въ свою Англію, страну отсталую и рабовладѣльческую, и они до-хо-дятъ до «великой революціи» въ Англіи?! А какой-нибудь, уже ихній сэръ Крепсъ, опять отберетъ

назадъ!!... И такъ далѣе, и такъ далѣе, и такъ далѣе... въ круговоротѣ вселенной!

Докторъ немного «тово», конечно... Сидитъ на краю балки, глядитъ въ глубину, гдѣ камни и ливнемъ снесенныя деревья, и все потираетъ лобъ. Отъ него уже пахнетъ тлѣньемъ, онъ скоро у й д е т ъ, и тяжело его слушать... — но онъ и не собирается уходитъ.

Индюшка привела курочекъ, стоитъ - ждетъ.

— Ого, -- говоритъ докторъ, — захватывая покорную индюшку, — препаратъ для орнитологическаго кабинета. — Два фунта! Ну, постойте. Мы теперь всѣ на одной ступенькѣ, и почему бы не одолжить и вамъ! И дѣти, и вы, и мы... скоро — тю-тю!

Онъ развязываетъ мѣшочекъ и даетъ горсточку горошку. Мы смотримъ, оба голодные, какъ курочки сшибаются въ кучку, а индюшка, «мать», наблюдаетъ стойко. Когда горошина падаетъ къ ней, она нерѣшительно вытягиваетъ головку, выжидая, не клюнетъ ли какая-нибудь изъ курочекъ, и всегда терястъ.

— Учитесь... вы! вы!!! — кричитъ въ пустоту докторъ. — А я у васъ засидѣлся... Но... надо же нанести визиты. Наношу визиты и подвожу, такъ сказать, итоги. На многое открылись глаза, поздно только. И вотъ дѣлюсь, чтобы не испарилось... Подсчитываю итоги своего о-пыта! И знаете, къ чему я пришелъ?

— Къ чему вы пришли, докторъ? Впрочемъ, т е п е р ь это, кажется, не имѣетъ никакого значенія...

— Да, конечно. «Нос габебит гумус»! Но... исповѣдаться, вырвать изъ себя, душу облегчить...

— Говорите, докторъ.

— Если найдутся силы, я изложу на бумагѣ, а теперь... И озаглавлю такъ:

«САДЫ МИНДАЛЬНЫЕ»

— Когда я сюда пріѣхалъ, я выбралъ пустырь, голый бугоръ, на которомъ нельзя было стоять, когда задуетъ отъ Чатырдага... Прошло лѣтъ сорокъ. Вы знаете, что вышло. Миндальные сады насажены по округѣ, и теперь не смѣются. То есть, т е п е р ь... ну, теперь скоро и некому будетъ смѣяться... Нѣтъ, тяжело говорить. И такъ вездѣ и на всемъ, — итоги интеллигенціи. Т е п е р ь будутъ начинать сызнова, когда прозрѣютъ. А можетъ и некому будетъ прозрѣвать. Ну, пожилъ я въ миндальныхъ своихъ садахъ... свѣтлыхъ и чистыхъ... Знаю, что и ошибки были, и много страннаго было въ моемъ характерѣ и укладѣ, но были миндальные сады, каждую весну цвѣли, давали радость. А теперь у меня — «сады миндальные», въ кавычкахъ, — итоги и опытъ жизни!..

— Я привыкъ по часамъ ложиться, а теперь... какъ я могу безъ четверти въ десять? И потому безсонница. И память слабнетъ. Я вамъ говорилъ, что недавно забылъ, какъ читается «Отче нашъ»... Вы представьте только, что всѣ, всѣ забудутъ, какъ читается «Отче нашъ»?! Помойка, вѣдь, надвигается. И уходитъ изъ этой помойки — въ ничто!! Досадно. Досадно, что я, какъ я теперь есть, не имѣю логическаго права вѣрить! Ибо, какъ *послѣ такой* п о м о й к и п о в ѣ р и ш ь, что т а м ъ есть что-то?! И «тамъ» обанкротилось! Провалиться съ такимъ трескомъ, съ такимъ балаганнымъ дребезгомъ, кинуть подъ гоготъ и топотъ и рыкъ побѣдное во-

скресеніе изъ животнаго праха въ «жизнь вѣчно-высоко-человѣческую», къ чему стремились лучшіе изъ людей, уже восходившихъ на бѣлоснѣжныя вершины духа, — это значитъ уже не провалиться, а вовсе не быть! Никакихъ абсолютовъ нѣтъ? Нѣтъ. И надо допустить, что надъ человѣкомъ можно смѣло поставить крестъ по всей Европѣ и по всему міру и вбить въ спину ему осиновый колъ. А самое скверное, что искъ-то вчинить-то не къ кому! И суда-то не будетъ, да и не было его никогда! И это скоро всѣ узнаютъ, всѣ человѣкообразные, и пойдетъ разлюли-гармонь. Сорвали завѣсу съ «тайны»! Дрессировщики-то, водители-то пусть даже пустое мѣсто прятали отъ непосвященныхъ, чтобы на пути стада вывести, а теперь хулиганъ пришелъ и сорвалъ... до сроку сорвалъ, пока превращеніе изъ скотовъ не закончилось. Нѣтъ, теперь въ школу-то не заманишь. «Отче-то нашъ» и забыли. И учиться не будутъ. Съ привода сорвалось — качай! Кончилась славная поэма. А знаете... — у меня весь миндаль оборвали! Миндальные мои сады рубятъ... а вотъ зимой и все доведутъ до точки... У васъ что-то еще болтается, а у меня весь миндаль, пудовъ восемь оборвали. А было бы на всю зиму.

— Значитъ, еще хотите жить, докторъ?

— Только развѣ какъ экспериментаторъ. Веду, напримѣръ, записи голоданія. На себѣ изучаю, какъ голодъ парализуетъ волю, и постепенно весь атрофируешься. И вотъ какое открытіе: голодомъ можно весь свѣтъ покорить, если ввести въ систему. Сейчасъ даже лекціи читаются тамъ, — показалъ онъ за горы, перекувыркнувъ ладонь, — «Психическія послѣдствія голоданія». Талантливый профессоръ читаетъ. Самъ голодаетъ и — читаетъ. И голодная аудиторія набивается дополна! Всѣмъ занятно! Гипотезы создаются! Какъ бы въ потустороннее заглядываютъ. Вѣдь объектъ съ субъектомъ сливаются. Но-

вый, необычайный курсъ медицинскаго факультета. Садизмъ научный! Какъ если бы подвальнымъ смертникамъ профессоръ, и онъ же смертникъ, — о психологіи казнимыхъ читать взялся! Науку-то какъ обогащаемъ! Да, «Психологія казнимыхъ: лабораторное и кли-ни-ческое изслѣдованіе, на основаніи изученія свыше милліона, можетъ быть свыше двухъ милліоновъ, казненыхъ, съ примѣненіемъ разныхъ способовъ истязанія, физическихъ и психическихъ, всѣхъ возрастовъ, половъ и уровней умственнаго развитія»! Курсъ-то какой! Со всего свѣта пріѣдутъ слушать и поражаться мастерствомъ грандіознаго опыта! Лабораторнаго матерьяла — горы. Что до нашего опыта у Европы было? Ну, инквизиція... Но тогда научной постановки не было. И потомъ, тамъ какъ ни какъ, а судили. А тутъ... — никто не знаетъ, за что! Но каждый въ подвалѣ знаетъ, знаетъ! — что вотъ, еще день или два дня будетъ слабнутъ, — вѣдь имъ, какъ общее правило, въ нашихъ, въ здѣшнихъ-то, крымскихъ, подвалахъ, и по четверкѣ хлѣба соломеннаго не давали, а такъ... теплую воду ставили, — для успокоенія нервовъ!? можетъ быть ихній профессоръ присовѣтовалъ для опыта?! — такъ вотъ, каждый въ подвалѣ знаетъ, что вотъ въ эту или въ ту ночь начнетъ истлѣвать. Гдѣ только? Въ ямѣ ли тутъ, въ оврагѣ, или въ морѣ? И судей своихъ не видалъ, нѣтъ судей! А потащутъ неумолимо и — трахъ! Я даже высчиталъ: только въ одномъ Крыму, за какіе-нибудь три мѣсяца! — человѣчьяго мяса, разстрѣляннаго безъ суда, безъ суда! — восемь тысячъ вагоновъ, девять тысячъ вагоновъ! поѣздовъ триста! Десять тысячъ тоннъ свѣжаго человѣчьяго мяса, мо-ло-до-го мяса! Сто двадцать тысячъ го-ловъ! че-ло-вѣ-ческихъ!! У меня и количество крови высчитано, на ведра если... сейчасъ, въ книжечкѣ у меня... вотъ... альбуминный заводъ бы

можно... для экспорта въ Европу, если торговля наладится... хотя бы съ Англіей, напримѣръ... Вотъ, считайте...

— Постойте, докторъ... Вамъ не кажется, что все небо въ мухахъ? Мухи все, мухи...

— А-а... мухи! И у васъ «мухи»? Такъ это же анэмія выражается въ зрѣніи... Если разрѣзать глазное яблоко голодающаго животнаго...

— Чѣмъ вы теперь занимаетесь, докторъ?..

— Думаю. Все думаю: сколько же матерьяла! И какой вкладъ въ исторію... соціализма! Странная вещь: теоретики, словокройщики, ни одного гвоздочка для жизни не сдѣлали, ни одной слезки человѣчеству не утерли, хоть на устахъ всегда только и работы, что о всечеловѣческомъ счастьѣ, — а какая кровавенькая секта! И замѣтьте: только что начинается, во вкусъ входитъ! съ земнымъ-то богомъ! Главное, — успокоили человѣковъ: отъ обезьяны, и получай мандатъ! Всякая вошь дерзай смѣло и безоглядно. Вотъ оно, Великое Воскресеніе... вши! Нѣтъ, какова «кривая»-то! побѣдная-то кривая! Отъ обезьяны, отъ крови, отъ помойки — къ высотамъ, къ Богу-Духу... къ проникновенію космоса чудеснѣйшимъ Смысломъ и Богомъ-Слово, и... нисхожденіе, какъ съ горы на салазкахъ, ко вши, кровью кормящейся и на все съ дерзновеніемъ ползущей! И к о м у сіе новое Евангеліе-то съ комментаріями преподнесли, картъбляншъ выдали, и к т о?!.. Помните, у Чехова, въ «Свадьбѣ», телеграфистъ-то Ять, «Ѣ»-то эта самая, какъ разсуждаетъ про электричество и про... какіе-то два рубля и жилетку? Вотъ теперь эти самые «Яти» и получили с в о е е в а н г е л і е и «хочутъ свою образованность показать». И отъ к о г о получили? Отъ тѣхъ же «Ятей»! И вотъ показываютъ «образованность». Потому-то на эту подлюгу «ѣ» и походъ. Прообразъ, конечно, я разумѣю. Стереть ее, окаянную! м ѣ ш а е т ъ! исконную, с л а в я н-

с к у ю! Всѣмъ вошамъ теперь раздолье, всѣмъ — міръ цѣлокупно предоставленъ: дерзай! Никакой отвѣтственности, и ничего не страшно! На Волгѣ десятки милліоновъ съ голоду дохнутъ и трупы пожираютъ? Не страшно. Впилась вошь въ загривокъ, сосетъ-питается, — развѣ ей чего страшно?!. И всѣ народы, какъ юный студентикъ на демонстраціи, взираютъ съ любопытствомъ, что изъ «вшиваго» великаго дѣла выйдетъ. Такой-то опытъ — и прерывать! Вѣдь полтораста милліончиковъ прививаютъ къ соціализму! И мы съ вами въ колбочкѣ этой вертимся. Не удалось — выплеснутъ, Сѣченовъ, бывало, покойникъ: — «Лука, — кричитъ, — дай-ка свѣженькую лягушечку»!— Два милліончика «лягушечекъ» искромсали: и груди вырѣзали, и на плечи «звѣздочки» сажали, и надъ ретирадами затылки изъ ногановъ дробили, и стѣнки въ подвалахъ мозгами мазали, и... — махнулъ докторъ,—вотъ это—О-пытъ! А зрители ожидаютъ результатовъ, а пока торговлишкой перекидываются. Вонъ, сэръ Эдуардъ-то, Ллойдъ Джоржъ-то, освободитель-то человѣческій, свободолюбъ-то незапятнанный, что сказалъ! «Мы, — говоритъ, — всегда съ людоѣдами торговали»! А почтенные господа коммонеры, мандата на «вшивость» для себя еще не пріявшіе, — но въ душѣ близкіе и къ сему, если отъ сего польза видится, — мудрое слово Джоржево положили на сердце свое и... А-а, не все ли равно теперь! О милліончикѣ человѣчьихъ головъ еще когда Достоевскій-то говорилъ, что въ расходъ для О п ы т а выпишутъ дерзатели изъ кладовой человѣчьей, а вотъ ошибся на бухгалтеріи: за два милліона перестегнули, и не изъ міровой кладовой отчислили, а изъ россійскаго чуланчишки отпустили. Вотъ это — О п ы т ъ! Дерзаніе вши бунтующей, пустоту въ небесахъ кровяными глазками узрѣвшей! И вотъ...

Докторъ развелъ руками. Да: и вотъ! Смотритъ на насъ калѣка-дачка на пустырѣ, съ дохлой клячей

подъ сѣнью вонючихъ, «уксусныхъ» деревьевъ. Глядитъ-нюхаетъ изъ-за уголка тощая «Бѣлка», ждетъ. Идетъ за пустыремъ дядя Андрей, въ новомъ парусиновомъ костюмѣ, — ободралъ недавно на дачкѣ «Тихая Пристань» складныя кресла полковничьи и теперь разгуливаетъ безъ дѣла, высматриваетъ новую «работу».

— И все это вымретъ... — тономъ пророка говоритъ докторъ. — И о н и уже умираютъ. И этотъ Андрей кончится. Мой сосѣдъ Григорій Одарюкъ тоже кончится... и Андрей Кривой, съ машковцевыхъ виноградниковъ... Они уже все обработали, а не чуютъ... Увидите. Убьютъ и меня, возможно. Еще считаютъ за богача... Когда наступитъ зима... увидите результаты. О п ы т ъ и ихъ захватитъ. Вчера умеръ отъ голода тихій, работящій маляръ... когда-то у меня красилъ... А на берегу красноармейцы избили сумасшедшаго Прокофія, сапожника... Ходилъ по берегу и пѣлъ «Боже царя храни»! Избили голоднаго и больного, своего брата... О-пытъ! Я и самъ теперь опытъ дѣлаю... Сухимъ горохомъ питаюсь.

Онъ шаритъ въ карманѣ своего лондонскаго пиджака и бросаетъ горошину приглывающейся къ нему «Жаднюхѣ».

— Этимъ самымъ. У меня фунтовъ десять имѣется, въ собачьей конурѣ припряталъ, не изъяли «излишки». И вотъ — по горсточкѣ въ день. Во рту катаю. Зубы у меня плохи совсѣмъ, а челюсти у меня украли при обыскѣ, вынули изъ стакана, — золотая была пластинка! Покатаю, обмякнетъ, — и проглочу. Ничего, двѣнадцатый день сегодня. И еще — миндаль горькій. Жарю. Обратите вниманіе, очень важно. Амигдалинъ улетучивается, ядъ-то самый. Тридцать штукъ въ день теперь могу принимать. Это, пожалуй, самый безболѣзненный путь — «отъ помойки въ ничто»! Пульсъ ускоряется, сердце израбатывается быстрѣй, и...

Докторъ запнулся, уставилъ глаза, ротъ разинулъ, и смотритъ въ ужасѣ...

— Мы... распадаемся на глазахъ... и не сознаемъ! Да вы вглядитесь, вглядитесь... Умремте, скорѣй умремте... вѣдь ужасно теперь... т е п е р ь!.. сойти съ ума! вѣдь тогда мы не сумѣемъ уйти... можетъ не притти въ голову у й т и! Будемъ ж и в ы м и лежать въ могилѣ, какъ теперь Прокофій!..

На меня это никакъ не дѣйствуетъ. Я провѣряю себя, пытаюсь постигнуть, какъ я сойду съ ума, какъ о н и будутъ бить тяжелыми кулаками... Нѣтъ, не дѣйствуетъ. Почему?

— Докторъ, чѣмъ бы мнѣ... куръ поддержать?

— Ку-уръ? Какъ — под-держать? Зачѣмъ — поддержать? Сжарить и съѣсть! со-жрать! У васъ есть даже индюшка?! Почему же ее еще никто не убилъ? Это живой нонсенсъ! Надо все сожрать и — у й т и. Вчера я «опытъ» тоже дѣлалъ... Я собралъ и сжегъ всѣ фотографіи и всѣ письма. И — ничего. Какъ-будто не было у меня ничего и никогда. Такъ, чья-то праздная мысль и выдумка... По-нимаете, мы приближаемся къ величайшему откровенію, быть можетъ... Быть можетъ, въ дѣйствительности, ни-ничего нѣтъ, а такъ, случайная мысль, для нея самой облекающаяся на мигъ въ доктора Михаила..?! А тогда всѣ муки и провалы наши и всѣ гнусности — только сонъ! Сонъ-то, какъ матерія, не с у т ь вѣдь? И мы не с у т ь...

Онъ смотритъ неподвижно, какъ уже не сущій. И улыбается своей мысли.

— Мы т е п е р ь можемъ создать новую философію реальной ирреальности! новую религію «небытія помойнаго»... когда кошмары переходятъ въ дѣйствительность, и мы такъ сживаемся съ ними, что былое намъ кажется сномъ. Нѣтъ, э т о невыразимо! Да, куры... вы спрашивали... У меня была одна курица, любимица Натальи Семеновны... Я думалъ, было, закласть ее, какъ жертву, и положить съ по-

койницей въ шкапъ. Но... бросилъ эту игривую мысль. Горошкомъ кормилъ. Подойдетъ къ балкону... — послѣднее время она мало ходила, сидѣла больше, нахохлившись, — спрошу: — «ну, что, «Галочка», чувствуешь о п ы т ъ -то?» А она только головкой повертываетъ. И я сейчасъ ей пару горошинъ. На ночь въ комнаты запиралъ, понятно. И вотъ — самоубійствомъ покончила!

— Да что вы?!

— Отравилась. Весь горькій миндаль поѣла. Приготовилъ прожаривать, а она утромъ проснулась раньше меня, нашла и... въ страшныхъ конвульсіяхъ! Ну, пошелъ я. У васъ есть горькій? Ну, такъ имѣйте въ виду... если штукъ сотню сразу... лучше, конечно, въ толченомъ видѣ, — сеансъ можетъ успѣшно кончиться. Абсолютно. А сейчасъ надо провѣдать горемыку нашу, — въ Па-ри-жѣ жила когда-то! видѣла сонъ прекрасный!.. А слышали новость? Въ Бахчисараѣ татаринъ жену посолилъ и съѣлъ! Какой же отсюда выводъ? Значитъ. Баба-Яга завелась...

— Баба-Яга?!.. Да. Я самъ только подумалъ.

— Вотъ видите. Значитъ, сказка. А разъ уже наступила сказка, — жизнь уже кончилась, и теперь ничего не страшно. Мы — послѣдніе атомы прозаической, трезвой мысли. Все — въ прошломъ, и мы уже лишніе. А это, — показалъ онъ на горы, — это только такъ кажется.

Такіе бываютъ человѣчьи разговоры.

Онъ уходитъ къ сосѣдкѣ. У него подъ-мышкой мѣшочекъ. Надъ нимъ бѣлый широкій зонтъ, весь въ заплаткахъ. Идетъ — колышется. Навстрѣчу ему — голосокъ Ляли:

— Михайла Василичъ въ гости!

И Ляля, и Вова прыгаютъ передъ нимъ, заглядываютъ на мѣшочекъ. Пшеничка или, можетъ быть, кукуруза? И не знаютъ еще, что тамъ самое для нихъ

вкусное, что такъ любятъ дѣти и голуби: послѣдняя горсть гороха.

А я долго еще сижу на краю Виноградной Балки, смотрю на сказку. На радужномъ опахалѣ хвоста, на чудесномъ своемъ экранѣ, павлинъ танцуетъ у дачки, у дохлой «Лярвы». У ея головы недвижной, распластавшись на брюхѣ, тянется-вьется «Бѣлка», вывертывая морду, будто цѣлуетъ «Лярву». Доносится до меня урчанье и влажный хрустъ... Она выгрызаетъ у «Лярвы» языкъ и губы! Такъ скоро! Вѣдь только сейчасъ ходила по пустырю кляча... Вотъ такъ миленькое «тріо»! «Жаднюха» на меня смотритъ. Что, горошку? Я беру ее на руки, разглядываю ея лапки... Что смотришь? вотъ начну тебя съ лапки... что?!.. Теперь все можно. Она уснула, такъ скоро, довѣрчиво уснула...

Я долго еще сижу на краю балки, смотрю на лѣса въ горахъ. Вѣки мои устали, глаза не видятъ. Сплю и не сплю, сижу. Поторкиваетъ-трещитъ, шумятъ шумы, шумитъ дремучее... Погасаетъ солнце. Шумитъ водопадами въ головѣ... Сорвешься туда, къ камнямъ... А, не страшно. Теперь ничего не страшно. Теперь все — сказка. Баба-Яга въ горахъ.

ВОЛЧЬЕ ЛОГОВО

Въ Глубокую Балку пойти — за топливомъ?..

Тамъ стѣны — глубокой чашей, небо тамъ — сине-сине. Кусты да камни. Солнечный зной курится, дрожитъ-млѣетъ. Спятъ тысячелѣтніе пни дубовъ, заваленные камнями, — во снѣ послѣднемъ. Я бужу ихъ своей мотыгой. Съ гуломъ и свистомъ летятъ ихъ проснувшіеся куски — солнце: будутъ свѣтить зимою. Дремлетъ на солнцепекѣ каменная змѣя — желтобрюхъ, заслышитъ шаги — поведетъ соннымъ глазомъ, и завернется: знаетъ меня, привыкъ. Я побаюкаю его тихимъ свистомъ. А онъ все дремлетъ, поставивъ на-стражу глазъ въ золотомъ кольчикѣ. Что и я, — порожденье того же солнца. Такой же нищій. Всегда — одинъ. А вотъ и она, ящерка-каменка, — вышурхнетъ, глянетъ, и — обомлѣетъ. Отъ страха? Отъ удивленья на Божій міръ? Застынетъ стрѣлкой и пучитъ бусинки глазъ — икринки. Цикады трясутъ и трясутъ надъ ухомъ ржавой, немолчной гремью, — жаркое сердце балки. Вотъ — оборвутъ, и глохнешь отъ тишины, кружится голова съ умолчья.

Силъ нехватитъ дойти до балки, день уже отнялъ силы.

Пень, иззубренный топоромъ... Я знаю его исторію.

Это было полной весной, когда цвѣли глициніи по верандѣ, и черный дроздъ, на верхушкѣ стараго миндаля, тихо, нѣжно насвистывалъ вечернюю пѣсенку нашему новоселью. Привѣтно глядѣло все: розовые кусты шиповника по оградѣ, бѣлыя стѣны домика, съ

зелеными ставеньками-ушами; павлинъ, прибирающійся подъ кедромъ — къ ночи, синій дымокъ надъ кухней — перваго ужина... уже ночныя, синею мглою охваченныя горы, намекающія душѣ:

— Отнынѣ... вмѣстѣ?

Теперь будутъ онѣ слѣдить за тихою жизнью нашей. впускать и укрывать солнце, шумѣть дождями. Золотыя и синія, — солнечныя и ночныя, — будутъ глядѣть на насъ, до свѣтлаго конца жизни...

Въ тотъ вечеръ робкихъ надеждъ я тихо ходилъ по саду. Мои деревья! Это — старый миндаль... обгрызли его кору, но глядитъ еще бодро и весь осыпанъ. А это... персикъ? Его донимаютъ вѣтры... — ну, ничего, подвяжемъ. А вотъ и дубъ. Ты долго будешь расти, долго-долго.. Увидишь стараго человѣка, менядругого... онъ сядетъ здѣсь, — поставитъ скамейку надо, — и погасающими глазами будетъ смотрѣть на садъ, новый всегда, на немѣняющуюся звѣзду надъ Бабуганомъ...

Тогда я нашелъ тебя, товарищъ моей работы, дубовый пень. Ты валялся подъ кипарисами, въ полутьмѣ, въ затишьи. Я хозяйственно оглядѣлъ тебя, обласкалъ взглядомъ, — я такъ былъ счастливъ въ тотъ вечеръ! Я тебя обнялъ и выкатилъ на свѣтъ Божій, — радуйся и ты съ нами, будемъ работать вмѣстѣ. Слышалъ ли ты, старикъ, какъ домовитодѣтски мы толковали, куда бы тебя поставить... какъ ты будешь лежать года, какъ хорошо посидѣть на тебѣ вечеркомъ, выкурить папиросу, глядѣть и глядѣть на море, мечтать по далямъ и крѣпко вѣрить, что не порвется нить нашей жизни, потянетъ другую, родную, нить... а ты все будешь благодушнымъ свидѣтелемъ новыхъ жизней... Теперь ничего не будетъ. Ты весь изсѣченъ, горы колючекъ изрублены на тебѣ, горы мыслей порублены на тебѣ, сгорѣли... Сожгу и тебя, клиньями расколю и сожгу — неродившуюся надежду.

Я разглядываю рубцы на пнѣ, — по нимъ ползаютъ муравьи. Постукиваютъ ворота?..

...Татарскіе кони ржутъ, постукиваютъ въ ворота, — будетъ прогулка въ горы. Цикады бьютъ погремушками, день жаркій-жаркій, обвисли груши въ моемъ саду, персики и черешни осыпали всѣ деревья. Это же не мои деревья! И веранда, съ колоннами, съ занавѣсками изъ шумящаго хрусталя цвѣтного, — это же не моя веранда... Надо спѣшить — будетъ прогулка въ горы... Но куда же дѣвались всѣ?! Лошади давно ждутъ, нетерпѣливо постукиваютъ въ ворота... Я хожу и зову, ищу... Это же не моя веранда, сверкающая огнями!.. Я ищу и зову въ тревогѣ, пробѣгаю въ огромныхъ залахъ. Это не мои комнаты... Мои комнаты были проще, ласковыя, покойныя... Не этотъ холодный свѣтъ, и черешни не лѣзли въ окна... Я хожу и хожу по заламъ... Гдѣ-то тутъ мои комнаты...

Опять я вижу рубцы на пнѣ, бѣгаютъ муравьи.. Осматриваюсь слипающимися глазами. Ну, вотъ и садъ, и мои деревья... Это же сонъ мнѣ снился, минутный сонъ... Вотъ и нашъ тихій домикъ. Спѣшить никуда не надо. Опять «Тамарка» громыхаетъ воротами...

Дико кричитъ Павлинъ, — что-то его вспугнуло. Что такое? что еще можетъ теперь случиться?..

Я слышу воющій голосъ — къ морю...

— Ой, люди добры-и-и... гляньте!.. Гляньте же, люди добры-и..!

Это въ «Профессорскомъ Уголкѣ», внизу.

«Уголокъ» давно мертвый. Не звонятъ по пансіонамъ колокола, не сзываютъ гостей на завтраки, на обѣды: сорвали колокола, смѣняли на спиртъ подвальный. Пойдутъ колокола въ дѣло — въ пули: много еще цѣльныхъ головъ осталось. Не доноситъ повечеру трели отдыхающей пѣвицы, тріо Чайковскаго:

умолкли пѣвицы и музыканты, раскрали пѣсни Чайковскаго, треплются по ларямъ базарнымъ.

Внизу голоса ревутъ, — тамъ еще обитаетъ кто-то! Берлоги еще остались.

— Ой, люди добры-и-и...

Нѣтъ ни людей, ни добрыхъ.

«Золотая Роза» розовѣетъ еще стѣнами. А вонъ и «Вилла Марина», и «Вилла Анна»... но тамъ теперь обитаютъ совки, мелкія совки-сплюшки, кричатъ по ночамъ тоскливо: сплю-у... сплю-у... Спите, не потревожатъ. Вонъ шафраннаго «Линдена» корпуса, когда-то въ розовыхъ олеандрахъ, въ зеленыхъ кадочкахъ, на усыпанной гравіемъ площадкѣ. Прощай, олеандровая роща! Выдрали ее садовники-трудолюбцы изъ кадушекъ, пожгли кадушки. Старикъ-адмиралъ, хозяинъ, поглядывалъ оттуда въ трубу на море. Выстроилъ себѣ новый корабль — на сушѣ, прохаживался съ сигарой по балкону, въ сіяніи бѣлоснѣжнаго кителя, въ свѣжемъ сверканьи брюкъ, въ бѣлыхъ, безшумныхъ туфляхъ, просоленый морями, бѣлобородый. Промѣнялъ штормы на сладкій штиль, праздный кортикъ — на трудовой сѣкаторъ, шаткую палубу — на крѣпкія, въ гравіи, дорожки. Вывелъ розовыя стѣны изъ олеандровъ, лиловыя — изъ глициній, сады персика и диканки... Разбили его трубу, и ушелъ адмиралъ подъ землю: тамъ-то ужъ совсѣмъ тихо. Всталъ на его «корабль» огромный Корякъ — дрогаль, зацѣпился съ семьей, съ коровой и ждетъ упорно: отойдетъ ему домъ — дворецъ, съ виноградниками и садами, — за великіе труды жизни: возилъ адмирала на таратайкѣ въ городъ! Сторожитъ пустоту — усадьбу да помаленьку выламываетъ рамы.

Внизу голоса растутъ. По балкѣ доходитъ четко — воющій бабій голосъ:

— Да лю-ди... добрые!.. да вы жъ гляньте!..

— Усѣ кишки вымотаю съ тебе... за мою «Рябку»!..

Это — Коряка голосъ, рыкъ сиплый.

— Да вы жъ толичко гляньте... лю-ди добрые... хозяина моего забиваетъ..!

— Мя... со мое подай... изъ глотки вырву! Заразъ сказывай, куда ховали!.. утрибку, гадюки, лопали... съ моей «Рябки»..!

— Побій мене Боже... да усю недѣлю въ Ялтахъ крутился... да вы жъ перво дознайте у сосидій... Дядя Степанъ, да ваша «Рябка» и близко не доступала! За чого жъ вы стараго чоловіка забиваете?!..

Человѣка забиваютъ? И этотъ воющій голосъ — голосъ человѣчій? и рыкъ-зыкъ этотъ?!

— Шку-ру, песъ... мя... со мое подай! Шшо твой выблядокъ у мылыцыи ходить... да я самъ утрудящій... Буржуевъ поубивалы, теперь своего брата губите!.. Я за свою «Рябку»... дьвола лютые..!

— Да я... заразъ въ камытетъ самый, рылюцивонный... якъ вы генераловы сундуки ховалы...

— А тебѣ... шо? ма-ло?! шшо нэ подавылась?!! Мало, сука, добрыхъ людей повыдавала, чужое добро ховала, на базаръ таскала?! Да я твой камытетъ этотъ... одна шайка! Ду-шу вытрясу... мясо мое подай!

— Чего жъ вы не заступляетесь... люди добрыи?!

Я слышу тупой ударъ, будто кинули что объ землю.

— У-би... илъ... живого чоловіка убилъ... люди божьи..!

— На-смерть убью — не отвѣчу! У мене дѣти малыи...

По горкамъ шевелятся — выползаютъ букашки-люди. И тамъ, и тамъ. Гдѣ-то въ норахъ таились. Всѣ глядятъ на площадку, подъ Линдена-пансіономъ, съ холмовъ — на сцену, какъ въ греческомъ театрѣ. Прикрыли глаза отъ солнца. Далеко внизу, на узкой площадкѣ, въ балкѣ, прилѣпилась мазанка: синій дымокъ вьется надъ бѣлой хаткой. Во дворикѣ копо-

шатся — люди не люди — мошки: двое крутятся на землѣ; синее пятнышко бѣгаетъ, палкой машетъ.

Съ Вербиной Горки бѣгутъ ребята, орутъ:

— Подъ Линденомъ убиваютъ! Ганька, гляди «Тамарку»!..

Кричитъ Ганька:

— Хочу... какъ убива-ютъ..!

Выглянули и сосѣди. Лялинъ голосокъ точитъ:

— Это Степанъ Корякъ, мамочка... въ бѣлой рубашкѣ... ногой въ животъ, прямо, мамочка!.. колѣнкомъ!..

— Ля-личка, не надо! Боже, какіе звѣри... — взываетъ старая барыня. — Ради Бога, Ляличка... уходи, не надо... Няня, да что такое?..

— Да что... Глазкова старика Корякъ за корову убиваетъ... — доходитъ изъ-подъ горы нянькинъ голосъ.

Она спустилась подъ упорную стѣнку, чтобы лучше видѣть.

— Такъ и надотъ, слободу какую взяли! Полонъ-полонъ домъ натаскали, всего-всего... Каждый божій день у Маришки и барашка, и сало, и хлѣба вдосталь, и вино не переводилось... мало! чужую корову зарѣзали! Гляди-гляди, какъ бьетъ-то! а?! Насмерть теперь забьетъ!

Смотритъ, несчастная, и не чуетъ, что ждетъ ее. Запутывается тамъ узелъ и ея жалкой жизни: кровь крови ищетъ.

А на театрѣ — хрипу и визгу больше, удары чаще.

— Люди добрые... заступитесь..!

— Печонки вырву!.. ска-жешь, выродъ гадючій..! мясо куды дѣвалъ..? мя...со-о..?!

— Эхъ, сыновья-то въ городѣ... они бъ ему доказали! до-кажутъ!

— Самый большевикъ былъ, какъ на чужое... а самого тронули, какъ разоряется!

— За-чѣмъ... Корякъ за свое добро бьетъ! Моду

какую взяли, хоть не води коровы. Въ покои ужъ стали ставить, съ топоромъ ночуютъ!

— Вотъ они, буржуи окаянные... до чего людей довели! Жили всѣ тихо-мирно, на вотъ... завоевались!

На театрѣ дѣло идетъ къ развязкѣ. Рыкъ глуше, словно перегрызаютъ горло:

— Ку...ды...мя...со...

— Ой, побѣгу, мамочка..!

Съ холмовъ воютъ:

— Бей его, Корякъ, добивай!..

— Какъ такъ — бей?! Доказать сперва надо! Бей... Много васъ, бителевъ!

— Онъ вонъ, въ Ялтахъ былъ столько-то дёнъ, баба его доказала!

— Звѣри, а не люди... Ляличка, сту-пай! ступай-ступай, нечего тебѣ слушать...

— Ма-мочка, я хочу...

И докторъ, подъ зонтикомъ, тоже смотритъ изъ-подъ руки, потряхиваетъ бородкой. Кричитъ въ пространство:

— Трагедія... подъ горами! Хе-хе!.. Борьба Титановъ!.. волки грызутъ другъ-дружку! Валяйте, друзья мои... валяйте апо-фе-озъ культуры! До скораго свиданья...

Уходитъ докторъ къ миндальнымъ своимъ садамъ — «садамъ миндальнымъ».

Лѣзетъ изъ балки другой сынъ нянькинъ, голенастый подростокъ Яшка, — ѣздитъ ужъ съ рыбаками въ море. Кричитъ въ задорѣ:

— Разъ Корякъ взялся — шабашъ! Прихватилъ за грудки... да кэкъ его о земь... разъ! А старикъ живучъ!

— Уйдите, уйдите всѣ! не могу... не могу — не могу... — кричитъ истерично старая барыня, зажимая уши.

Вскрикнула-всполошила Ляля:

— Ястребъ!.. ястребъ!!.. Айй-ю-у-айй..!

Ширококрылый, палево-рыжій ястребъ, съ бѣлымъ комкомъ подъ брюхомъ, тянетъ по балкѣ внизъ, гдѣ Корякъ душитъ короворѣза.

— Курочку вашу!!.. вашу!!!.. — отчаянно верещитъ Ляля, топочетъ и бьетъ въ ладошки. — Туда... за дубки спустился!.. пухъ-то, глядите, пухъ..! Айй-юу-айй!..

Бѣлый пушокъ плаваетъ надъ кустами. Я качусь по сыпучей кручи, рву на себѣ послѣднее, падаю на камняхъ и сучьяхъ высохшаго потока. Кричатъ голоса, пугаютъ, въ ладоши бьютъ:

— Къ дубкамъ берите! Слетѣлъ, проклятый!..

Я вижу надъ головой — бѣлесо-пестрое брюхо, съ подтянутыми когтями. Темнокрылою хищной тѣнью уплываетъ стервятникъ по балкѣ — къ морю.

Я добираюсь до мѣста и нахожу бѣлую курочку — кровь и перья. Вижу оторванную головку, съ сомкнутыми глазами, съ похолодавшимъ гребнемъ, и по мертвымъ «сережкамъ» признаю «Жаднюху». Только-только подремывала она на моихъ рукахъ, клевала горошекъ доктора, и въ ясномъ зрачкѣ ея смѣялось золотой точкой солнце... Прощай и ты, маленькое созданье, не оставившее слѣда! Теперь сметаются всѣ слѣды, и перестало быть больно. И теперь ничего не жаль.

Я беру кровяной комокъ въ перьяхъ. Это не кусокъ мяса: это наша родная, собесѣдница кроткая, молчаливый товарищъ въ скорби.

И другой разъ за этотъ истомный день взялъ я тяжелую лопату, пошелъ на предѣлъ участка, на тихій уголъ, гдѣ груда камней горячихъ... И наложилъ камень, чтобы не вырыли собаки. Трещитъ плетень, глядитъ изъ-за плетня Яшка.

— Такъ лучше бы мнѣ отдали!

Онъ правъ, пожалуй. Не все ли равно теперь: земля или брюхо Яшки? Земля — лучше, земля покоитъ.

Я вижу его глаза, заглядывающіе подъ камень. Ищущіе глаза. Когда стемнѣетъ, я выну ее и схороню въ Виноградной Балкѣ.

Индюшка стоитъ подъ кедромъ, поблескиваетъ зрачкомъ — къ небу. Жмутся къ ней курочки — теперь ихъ четыре только, послѣднія. Подрагиваютъ на своемъ погостѣ. Жалкія вы мои... и вамъ, какъ и всѣмъ кругомъ, — голодъ, и страхъ, и смерть. Какой же погостъ огромный! и сколько солнца! Жарки отъ свѣта горы, море въ синемъ текучемъ блескѣ...

Внизу затихло. Зрители уползли въ балки, въ норы. Убилъ ли Корякъ, — не важно. Теперь — не важно. Убилъ... — слово совсѣмъ пустое.

Я хожу и хожу по саду, дохаживаю свое. Упора себѣ ищу?.. Все еще не могу не думать? Не могу еще превратиться въ камень! Съ дѣтства еще привыкъ отыскивать Солнце Правды. Гдѣ Ты, Невѣдомое?! Какое Лицо Твое? Не хочу аршина и бухгалтерій... Съ ними ходятъ подрядчики и дѣляги. Хочу Безмѣрнаго — дыханіе Его чую. Лица Твоего не вижу, Господи! Чую безмѣрность страданія и тоски... ужасомъ постигаю Зло, облекающееся плотью. Оно набираетъ силу. Слышу его рыкъ зычный, звѣриный зыкъ...

Великіе мудрецы, гдѣ вы?! Туманами подымаются храмы ваши, въ туманахъ таютъ... Чистый разумъ... призрачный міръ идей... отсвѣтъ метнувшагося человѣческаго мозга! Гдѣ вы тамъ, блѣдныя существа? Въ какихъ краяхъ обитаете? какія на васъ одежды? Въ лучѣ бы солнца спустились, что ли, безплотныя, породили бы изъ неоправданныхъ мукъ, изъ неоплатныхъ страданій новое существо, невѣдомое доселѣ міру! Совершили чудо! Сошли бы въ дождѣ на землю, радугой перекинулись надъ моремъ, упали въ громѣ! Или спускались вы, да продали васъ за грошъ, на обертку пустили подъ собачье мясо, въ пыжи забили? Въ Проповѣди Нагорной продаютъ камсу

ржавую на базарѣ. Евангеліе пустили на пакеты... Пустое небо прикрылось синью, море прикрылось синью: стоитъ одно другого.

Скорѣй бы вечеръ... Я... Кто такой это — Я?! Камень, валяющійся подъ солнцемъ. Съ глазами, съ ушами — камень. Жди, когда пнутъ ногой. Некуда уходить отсюда... Гляди на горы: онѣ всѣ въ блескѣ, воздушныя. На море... — праздничное оно, всегда. Безмолвіе за нимъ, такъ... — туманность. На что же еще глядѣть?..

Тамъ, въ городкѣ, подвалъ... свалены люди тамъ, съ позеленѣвшими лицами, съ остановившимися глазами, въ которыхъ — тоска и смерть. И тамъ тѣ семеро, бродившіе по горамъ... Обманомъ поймали въ клѣтку. Что они чувствуютъ — скрученное желѣзо? Я еще воленъ бродить. Для нихъ одинъ только ходъ —въ могилу. «Истребитель» стоитъ у пристани, гробъ желѣзный. Его краснозвѣздная команда наѣлась баранины доотвалу, напилась изъ подваловъ и теперь спитъ — до ночи. И красный вымпелъ тоже уснулъ — до ночи.

Что-то говорилъ докторъ... Что-то случиться можетъ... Въ небо смотрю я: можетъ?

Больно глазамъ отъ свѣта.

Я хожу и хожу по саду, смотрю на камни. Что же случиться можетъ? какое чудо? Къ кедру приду, постою, будто ищу чего-то. Отъ кедра пышетъ. Душно отъ черныхъ кипарисовъ. Все накалилось, струится, млѣетъ. Солнце всѣ мысли плавитъ. Отъ кедра гляжу на домикъ, на маленькую веранду. Здѣсь ли я жилъ когда-то?! Смотритъ веранда заплаканными глазами зацвѣтшихъ стеколъ. Голубыя глициніи давно опали, засохли тиссы передъ крылечкомъ...

На пустырѣ, за балкой, возятся возлѣ «Лярвы», подсовываютъ оглобли. Вертятся вербины собаки, Цыганъ и Бѣлка.

Кричитъ отъ дороги кто-то:

— Прирѣзать бы, да на ко-клеты!

Это дядя Андрей, съ исправничьей дачи — «Тихая Пристань». Одѣтъ по-дачному, — въ парусиновомъ костюмѣ, въ мягкой, господской, шляпѣ, раздобытой. Смуглый, сутулый, крѣпкій и — темный весь. Посиживаетъ по бугоркамъ, поглядываетъ на дачки... побуркиваетъ въ кустахъ съ такими же. Ходитъ — подумываетъ.

Не отвѣчаютъ на его окликъ, надъ «Лярвой» возятся.

— Теперь человѣчину ѣдятъ, а на конятину заглядишься! Казанскіе татаре за говядину признають... А вамъ все чтобы мя-со было! Я вотъ... невете...реянецъ! По мнѣ хоть и не будь его вовсе, ей Богу! у меня отъ его... за-поръ навсягды, сказать... вовсе для меня вредная пища, ядъ!..

Не отвѣчаютъ ему отъ «Лярвы». Онъ подходитъ къ моей оградѣ:

— Гляжу-гляжу на вашу индюшечку... ужахаюсь?! Ку-да заходитъ! И, лихъ ее носитъ, куренковъ куда заводитъ! Какой дурной подшибъ палкой — по нонѣшнему времени... капиталъ! Вонъ какъ у Вербы съ гусемъ... ночнымъ дѣломъ ухватили, даромъ что собаки. Теперь человѣкъ злѣй собаки! А я свинку свою на ячменекъ вымѣнялъ, да за перекопку татаре вина пять ведеръ... до весны до самой обезпеченъ. А какъ отсужу Лизаветину корову... Какъ такъ я въ маѣ получилъ за перекопку? Это все Прибытка старая съ дурной головы плететъ! Въ маѣ я за энту... за осеннюю перекопку, а вчера опять получилъ, за обрѣзку, очень огромадный виноградникъ! Вотъ Лизаветину корову отсужу, на мои гроши купила, стерьва... тогда я, сказать, ба-риномъ ходить буду! А чего я спросить желаю... про павлина! Чего онъ у васъ на холостомъ ходу ходитъ? То ли бы ужъ скушали, а то на базаръ, татаре богатые по случаю изъ хвоста позарются... та-

тарки ихнія замѣсто цвѣтовъ въ волоса убираютъ. А мясо у нихъ сказать... не вредное?..

И онъ отходитъ — въ прогулочку. Идетъ — подумываетъ.

Павлинъ... Развѣ онъ м о й еще? На табакъ если вымѣнять... осталась одна щепотка, а курить надо много... Къ ночи надо беречь, къ ночи наваливаются думы. Одичалъ теперь, не поймать. А на табакъ бы можно, — не пшеница.

Осматриваюсь, отыскиваю Павлина. Вонъ онъ, по пустырю бродитъ, хвостомъ возитъ. Татаркамъ на украшеніе... богатымъ. Остались еще богатые? Гляжу — прикидываю... и онъ глядитъ на меня, мой «табакъ». Я отвожу глаза, стараюсь подавить прошлое. Первыя радостныя утра, начинавшіяся крикомъ его на крышѣ нашего домика, его топотаньемъ по желѣзу... А безъ него будетъ еще чернѣе...

Я сажусь на каменное крылечко у веранды. Оно остыло. Солнце ушло за домикъ. Гляжу на сухія грядки, — солнце и съ нихъ сползаетъ. Да, огурцы пожухли. Поклеваны помидоры, висятъ кровяными лоскутками. И поливать не надо. Всматриваюсь въ потрескавшуюся у ногъ землю. Муравьи еще живы, суетятся-тащутъ по своимъ норкамъ. Какіе-то и у нихъ планы. Этотъ, какъ-будто, размышляетъ, поводитъ усикомъ... не мыслитель ли муравьиный? Я беру вѣтку сухого тисса и веду по землѣ, мету. Гдѣ теперь планы и... философія? Такъ и все. Чья-то слѣпая сила. Мететъ... И... солнце по кругу ходитъ. Вѣчно ли ходить будетъ... Придетъ и на него сила. И оно не будетъ ходить по кругу.

ЧУДЕСНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

Да когда же накроетъ ночь это ликующее кладбище?! Солнце остановилось надъ Бабуганомъ, не уходитъ. Не насмотрѣлось. Смотри, смотри... «Истребитель» приглянулся тебѣ, и ему посылаешь привѣтнаго зайчика на вымпелъ, — добрый вечеръ!

Просыпаются тамъ — ночь чуютъ. Похаживаютъ, въ черной кожѣ, по палубѣ, пощелкиваютъ дельфиновъ, — чешутся у нихъ руки.

Нѣтъ, западаетъ солнце. Судакскія цѣпи золотятся вечернимъ плескомъ. Демерджи зарозовѣла, замѣднѣла... плавится, потухаетъ. А вотъ ужъ и синѣть стала. Заходитъ солнце за Бабуганъ, горитъ щетина лѣсовъ сосновыхъ. Погасла. Похмурился Бабуганъ, глядитъ сурово, ночной, — придвинулся. Меркнутъ подъ нимъ долины. Тянетъ оттуда тревожной ночью... Выстрѣлы бьютъ по ней, — боятся ли, угрожаютъ...

Пора и вамъ, тихія курочки, прибираться къ ночи. Послѣднія дамъ вамъ отруби. Пришелъ и Павлинъ покрасоваться хвостомъ, танцуетъ. Чего ты танцуешь, Павка? Нечѣмъ мнѣ заплатить тебѣ. Промѣняю тебя татарину-богачу, — будешь плясать недаромъ.

Я подкрадываюсь къ нему, протягиваю руку. Онъ, словно, чуетъ, оглядываетъ меня, взмываетъ на ворота и шумно падаетъ въ темноту.

Я все стою и смотрю, какъ курочки вспархиваютъ на оконце курятника, легкія и пустыя. Индюшка тревожно вертится у пустой чашки, пытаетъ меня глазкомъ. Ну да, больше ничего не будетъ.

Вотъ онъ и конченъ день, незнаемый день, про-

житый для чего-то, — совсѣмъ ненужный. Какое швырянье днями! Можно теперь посиживать на порогѣ, глядѣть на звѣзды, — хоть до утра. Онѣ будутъ мигать, мигать... Поэты ихъ воспѣвали, ученые разглядывали въ стекла. Разглядываютъ давно. Есть ли тамъ, темныя между ними, умирающія земли? Гдѣ ты, страждущая душа, моей родная? Что тамъ развѣяно, по мірамъ угасшимъ? А сколько тамъ крови пролито и выстрадано страданій! Или все свято тамъ... ни свято и ни грѣшно, а такъ — миганье?

Нѣтъ отвѣта и никогда не будетъ. Онѣ мерцаютъ-горятъ, зеленыя, голубыя, — неслышная музыка холодѣющаго огня надъ тлѣньемъ. Лопаются міры, сгораютъ въ огняхъ, какъ соръ...

Усталые, тихіе шаги. Ты это... Мы сидимъ съ тобою плечо къ плечу и молчимъ. Думаемъ... Не о чемъ теперь думать. Камни такъ думаютъ, тысячи лѣтъ лежатъ въ неподвижной думѣ. Въ ничто уходятъ — стираются, пропадаютъ.

Видишь — упала звѣзда, черкнула огневой нитью... Подумала ты, я знаю... но это не можетъ сбыться. Не надо пытать и звѣзды: онѣ никогда никому не сказали слова, — тѣ же камни.

— Добрый вечеръ!.. — доходитъ изъ темноты голосъ.

Это наша сосѣдка, что когда-то жила въ Парижѣ. Она пробирается въ свѣтѣ звѣздъ, черезъ цѣпляющіе кусты шиповника.

Сидимъ — молчимъ.

— Сегодня... — начинаетъ она съ удушьемъ и замолкаетъ. — Носила няня продать золотую цѣпочку покойнаго Василія Семеныча, шесть золотниковъ. Дали шесть фунтовъ хлѣба... Что же дѣлать?..

Молчимъ. На звѣзды, на море смотримъ. Стрѣлки струятся — вспыхиваютъ на немъ.

— Голова стала мутная, ничего не соображаю. Дѣтишки таютъ, я совсѣмъ перестала спать. Хожу и хожу, какъ маятникъ.

За шиповникомъ шуршитъ кто-то, нащупываетъ калитку.

— Кто тамъ?..

— Я... — слышится робѣющій дѣтскій голосъ. — Анюта... мамина дочка...

— Кто — Анюта... Ты чья? откуда?..

— Анюта, дочка... мама послала... мама Настя!..

Это, должно быть, снизу, изъ мазеровской дачи. Тамъ Григорій столяръ, Одарюкъ, дачный сторожъ. Бывшій сторожъ, теперь — хозяинъ.

Я подхожу къ воротамъ и признаю дѣвочку лѣтъ шести, бѣловолосую, съ бѣлой косичкой-хвостикомъ. Бывало, она играла въ садикѣ своей дачи, кричала мнѣ вслѣдъ всегда:

— Ба-линъ!.. дластвуй!..

Ее и въ темнотѣ видно. Она стоитъ за калиткой и колупаетъ столбикъ, молчитъ. Я спрашиваю, что ей нужно. Она начинаетъ плакать тихими всхлипами.

— Мама послала... дайте... маленькій у насъ помираетъ, обкричался... Крупки на кашку дайте... Папа Гриша уѣхалъ, повезъ кровати...

Я безсильно смотрю на нее, въ петлю попавшую, какъ и все, — на темныя массы горъ, на черный провалъ, гдѣ городъ, гдѣ только одинъ огонь — красный глазъ «истребителя»: одинъ онъ не спитъ, зажегся.

Что я могу ей дать?

Она проситъ позволить — подобрать на землѣ: можетъ, отъ куръ осталось, виноградныхъ выжимокъ прошлогоднихъ. Она и въ темнотѣ видитъ и возьметъ — совсѣмъ трошки!

Но у меня нѣтъ жмыха. Какъ индюшка, глядитъ на меня глазкомъ, — по ея вздоху чувствую: нѣтъ жмыха?! Какъ и «Тамарка», она еще не можетъ понять, что случилось. Вѣдь ее посылала мама... мама Настя!

Она уноситъ горстку крупы въ бумажкѣ.

Я стою за воротами, въ темнотѣ. Я прислушива-

юсь, какъ уходитъ она за балку, подъ горку, гдѣ надоѣдно торчитъ желтая днемъ, невидная теперь мазеровская дача. Тамъ они погибаютъ, пятеро.

Я припоминаю Одарюка, статнаго, красиваго мужика, хорошо добывавшаго въ Севастополѣ на оборонной работѣ. Революція кончила всѣ работы, сбила его съ пути, и пошелъ Одарюкъ по легкой, казалось ему, дорожкѣ. Онъ живо спустилъ хозяйскую мебель, кровати, посуду и умывальники пансіона, — мѣнялъ за горами на пшеницу, вино и сало. Выпили-съѣли дачу, а столяръ никому не нуженъ. А ходить по садамъ за полуфунтомъ... ну, еще будетъ время. Можно домѣнивать, что осталось, бродятъ и недорѣзанныя коровы... И принялся Одарюкъ за рамы, поснималъ двери, содралъ линолеумъ... Да еще сколько желѣза будетъ, какая крыша! А рабочая власть — своя: безъ хлѣба человѣка не оставитъ! Того не было и при царской власти.

А ночь идетъ и идетъ.

— Вотъ не могу придумать... — томится старая барыня. — Есть у меня будильникъ...

А кому нуженъ теперь будильникъ! Уснуть — и не просыпаться.

— И еще у меня что есть... Только ужъ я не знаю... — говоритъ она нерѣшительно. — Вотъ, изъ горнаго хрусталя...

Она открываетъ коробочку и — будто шумитъ горошкомъ — вытягиваетъ длинное ожерелье, мелко сверкающее на звѣздахъ.

— Чудесное ожерелье... Смотрите, какая роскошь!..

Я перебираю граненые шарики — крупные, мельче, мельче. Они пріятно шумятъ, холодятъ и играютъ въ пальцахъ — тянутся на резинкѣ.

— Думаю, его если...

Она говоритъ такъ скорбно, словно теряетъ безцѣнное. Чудачка, что за него дадутъ!

— Видите... оно для меня о-чень дорого...

Я понимаю: на этихъ хрустальныхъ шарикахъ кусочки ея души. Но теперь нѣтъ души, и нѣтъ ничего святого. Содраны съ человѣческихъ душъ покровы. Сорваны — пропиты кресты натѣльные. На клочки изорваны родимые глаза — лица, послѣднія улыбки-благословенія, нашаренныя у сердца... послѣднія слова-ласки втоптаны сапогами въ ночную грязь, послѣдній призывъ изъ ямы треплется по дорогамъ... — носитъ его вѣтрами.

Человѣческое младенчество! Пора, наконецъ, покончить съ этими пустяками!..

— Столько было съ нимъ связано... Покойный Василій Семенычъ въ Парижѣ его купилъ, на бульварѣ Дез'Итальен... заплатилъ три-ста франковъ! Тогда это была ужасная для насъ сумма! Это сколько будетъ на наши деньги? Сто двадцать рублей на золото?! Сколько же можно было т о г д а купить хлѣба, простого хлѣба!..

— Пудовъ... сто двадцать.

— Ка-акъ......! это не можетъ быть...

— Чернаго хлѣба можно было купить... двѣсти пудовъ, больше.

— Двѣсти... пу-довъ! Значитъ, если намъ... по два пуда на мѣсяцъ... Значитъ, на... двадцать лѣтъ?!

— На восемь лѣтъ, — поправляю я.

— Бо-же мой! Здѣсь... — она прижимаетъ ожерелье къ горлу, я не вижу ея лица, — здѣсь б ы л о на восемь лѣтъ жизни..! для дѣтей!! Не можетъ этого быть... это же сумасшествіе. Мы потеряли счетъ... мы все, в с е потеряли! Такой дешевый былъ хлѣбъ!? пе-че-ный хлѣбъ!..

— Да, п е ч е н ы й хлѣбъ... — съ трудомъ выговариваю я это странное, забытое слово: печеный! Мы потеряли не с ч е т ъ... мы потеряли ж и з н ь! Для мертвыхъ все — ни-че-го!

Печеный хлѣбъ... Я вглядываюсь въ это странное

слово... давно забытое. И вдругъ... я вспоминаю! Я слышу, такъ ослѣпительно слышу, — с л ы ш у! — вязкій и пряный духъ живыхъ пекарень, вижу и темные, и черные караваи на телѣгахъ, на полкахъ, на головахъ, въ столбушкахъ, разсыпанные на камняхъ... дурманный ароматъ ржаного тѣста... Я слышу дробный хрустъ ножей, широкихъ, смоченныхъ, врѣзающихся въ хлѣбы... я вижу зубы, зубы, рты, жующіе съ довольнымъ чмоканьемъ... напруженныя глотки, вбирающія спазмами...

— Тогда рабочій человѣкъ имѣлъ рубль въ день, и больше... Шестьдесять шесть фунтовъ хлѣба... печенаго!! Теперь...

— Ти-ше! Ради Бога...

— На хлѣбной Волгѣ погибаютъ милліоны отъ голода... а радіо оповѣщаетъ міръ, какъ всѣ довольны...

— Ради Бога... ти-ше!

Мы молчимъ. Мигаютъ звѣзды.

— Триста франковъ! Оно же удивительной работы... Я такъ все ясно помню, тотъ день. Было очень жарко, въ іюнѣ мѣсяцѣ... сезонъ въ Парижѣ. Въ «Опера» давали «Гугенотовъ». У насъ было совсѣмъ немного денегъ. Мужъ ходилъ въ Сорбонну, я ему помогала въ языкѣ. Въ тотъ день мы отдыхали, были въ Луврѣ... На тротуарахъ... — они широкіе въ Парижѣ, — подъ полотняными маркизами, — кафэ, все столики, все столики... наряды, столько всякаго народу... иностранцевъ... Прямо, не вѣрится, какъ-будто сонъ... Кучера въ цилиндрахъ, съ длинными бичами. За столиками ѣдятъ мороженое, бушэ-зефиръ, крокеточки... пьютъ цвѣтное что-то... Столько свѣту!.. какъ сонъ... Господи, какъ сонъ... Персики въ корзинахъ, абрикосы, клубника такая крупная, даже вотъ сейчасъ, какъ пахнетъ... Бѣлыя шляпы, въ золотистыхъ кружевахъ и лентахъ, такая была мода. И цвѣты, цвѣты... цѣлые возки, въ корзинахъ, въ грудахъ, на рукахъ...

розы, сирени, лиліи... Сладкій ароматъ ихъ помню. Помню, странный старикъ ходилъ съ тремя подсолнечниками на груди и приставалъ ко всѣмъ: «Вейе, месье!» Ему совали деньги и говорили: «мерси, месье!» Скоро сорокъ лѣтъ, а я все помню, мою весну. Ѣли мороженое изъ земляники, и Василій Семенычъ уронилъ въ вазочку сигару... какъ смѣялись! Хромой газетчикъ сказалъ такъ бойко: «бон аппети, месье!» И *теперь* тамъ такъ!? Вижу, какъ дымится политая мостовая и все налитые слѣдки подковъ... все блеститъ, блеститъ... Потомъ остановились у витрины... и вотъ, это... вотъ это самое, лежало т а м ъ! Вотъ это самое. Теперь оно... з д ѣ с ь! з д ѣ с ь!!?

Я перебираю шарики. Холодные, стучатъ: чок-чок.

— Такъ мнѣ понравилось... Стою — смотрю. И вотъ Василій Семенычъ говоритъ — а, купимъ! — Онъ никогда мнѣ не отказывалъ, но тутъ, такая сумма... А я. какъ въ трансѣ... ну, не могу уйти! «Это принесетъ мнѣ счастье!» Ну, вотъ, д о л ж н а купить. Зашли... Шикарно въ магазинѣ, все сверкаетъ... какіе жемчуга... И хозяинъ такой изящный ,милый... Французъ. Сейчасъ вотъ вижу: черноглазый, въ лиловомъ галстухѣ съ жемчужиной, волосы курчавятся, чуть съ просѣдью... Типа такого... бон-виван! Они какими-то... сладкими духами душатся, эти бон-виваны... нѣжнымъ апельсиномъ пахнетъ. — «Кэ вуле ву, мадамъ?» Я говорила, какъ парижанка, и мы чудесно поболтали. Такая эспаньолка у него — а ля Наполеонъ Третій, или кто тамъ еще... забыла. Прикинулъ къ шеѣ, подкинулъ бархатъ, — дивно! Повелъ насъ въ комнатку зеркальную, пустилъ рожокъ... Какъ милліоны брилліантовъ, очаровательно-волшебный блескъ! И все мнѣ: — «О, мадамъ! И всегда деньги, какъ въ банкъ положите!» — представьте, это былъ шедевръ! послѣдняя работа какого-то стараго итальянца... Вотъ эти, какъ это называется... да, грани! который гранилъ сэ фасет... недавно умеръ! —

«Такой работы уже не будетъ, мадамъ! Люди стали нетерпѣливы и не умѣютъ цѣнить. Это былъ — гранд'артистъ!» И мы купили. Потомъ смотрѣли «Гугеноты», я проходила по фойэ, и всѣ такъ на меня глядѣли... должно быть, принимали за богачку! Съ нимъ я не разставалась скоро сорокъ лѣтъ. И вотъ вчера грекъ предложилъ мнѣ за него... Ну, какъ вы думаете, сколько?! Три! три, фунта, хлѣба!

— За человѣка не дали бы и крошки.

— Вы взгляните, зажгите спичку...

Спичку... Давно нѣтъ спичекъ. Я высѣкаю по кремешку на трутъ, дымится, но получить огонь — мученье.

— Въ немъ восемьдесять семь камней, и въ каждомъ больше сорока фасетокъ! Сколько граней! И вотъ, три фунта!

Чудачка... Граней! А сколько граней въ человѣческой душѣ! Какія ожерелья растерты въ прахъ... и мастера побиты...

— Я просила грека: ну, хоть де-сять фунтовъ! Говоритъ —ѣшь камушки! Говорю: есть у васъ совѣсть?!. — «А что такое совѣсть?» — говоритъ. — «У насъ простой коммерческій расчетъ! это гораздо больше, чѣмъ ваша совѣсть! Нужно везти на Ялту, оттуда пойдетъ въ Америку и въ Европу, къ настоящимъ людямъ, гдѣ все на настоящихъ ногахъ. А вы знаете, — говоритъ, — что такое теперь поѣхать въ Ялту?! Это же — на тотъ свѣтъ поѣхать! Вы думаете — ваши господа большевики такіе ангелы? Прежде я черезъ два часа въ Ялтѣ, а теперь я черезъ два часа... въ балкѣ, если не добылъ пропуска! А если я добуду пропускъ, я очень чего-то потерялъ... но объ этомъ надо помолчать! Четыре раза я поѣхалъ — три меня ограбилъ! Вы думаете, не желаютъ кушать въ Ялтѣ? Вы думаете — нѣкоторые люди не любятъ брилліатовъ и золота?! И все-таки я не отказываюсь купить эти камушки и даю вамъ за нихъ три дня...

три дня жить! Вотъ чего стоитъ м о я совѣсть!!»

Въ морѣ играютъ звѣзды. Я смотрю. Направо, за Кастелью — Ялта, смѣнившая янтарное, виноградное свое имя на... какое! Ялта... солнечная морянка, издѣвкой пьянаго палача — Красноармейскъ отнынѣ! Загаженную казарму, портянку бродяжнаго солдата, похабство одураченнаго раба — швырнули въ бѣлыя лиліи, мазнули чудесный ликъ! Красноармейскъ. Злобой неутолимой, гнойнымъ плевкомъ въ глаза — тянетъ отъ этого слова готтентота.

Новые творцы жизни, откуда вы?! Съ легкостью безоглядной расточили собранное народомъ русскимъ! Осквернили гроба Святыхъ и чуждый вамъ прахъ Благовѣрнаго Александра, борца за Русь, потревожили въ вѣчномъ снѣ. Рвете самую память Руси, стираете имена-лики... Самое имя взяли, пустили по-міру безымянной, родства непомнящей. Эхъ, Россія! соблазнили Тебя — какими чарами? споили какимъ виномъ?!

Народы гордые! попустите вы стереть имя отчизны вашей?! Крѣпись, Старая Англія, и ты, роскошная Франція, въ мечѣ и шлемѣ! крѣпкимъ щитомъ прикройся! Не закачайся, Лютеція, корабль пышный! не затони въ зашумѣвшемъ морѣ человѣчьяго непотребства! Случиться можетъ... И ты, Лондонъ гордый, крестомъ и огнемъ храни Вестминстерское свое Аббатство! Придетъ день туманный — и не узнаешь себя... Много безъ роду и безъ креста, — жаждутъ, жаждутъ... Много рабовъ готовыхъ. Груды золота по подваламъ, и много пустыхъ кармановъ.

Я смотрю въ сторону б ы в ш е й Ялты. Ея не видно. Но знаю я: течетъ и течетъ туда награбленное добро, поснятое съ живыхъ и мертвыхъ. Течетъ — къ морю. Въ море стекаютъ рѣки. Течетъ черезъ сотни рукъ, подымается на фелуги, на пароходы — плыветъ въ Европу, на Амстердамъ, на Лондонъ... за океаны, на Санъ-Франциско... Берегись, старая Ев-

ропа, скупщица! не растеряй чудесное ожерелье славы! Кто знаетъ...?!

И вы, матери и отцы родину защищавшихъ... да не увидятъ ваши глаза палачей ясноглазыхъ, одѣвшихся въ платье дѣтей вашихъ, и дочерей, насилуемыхъ убійцами, отдающихся ласкамъ за краденые наряды!..

А вы, несущіе міру н о в о е, называющіе себя вождями, любуйтесь и не отмахивайтесь. Пафосомъ словъ своихъ оплакиваете страждущихъ?... Жестокіе изъ властителей, когда-либо на землѣ бывшихъ, посягнули на величайшее: душу убили великаго народа! Гордые вожди массъ, возсядете вы на костяхъ ихъ съ убійцами и ворами и, пожирая остатки прошлаго, назоветесь вождями мертвыхъ.

А она все сидитъ и томитъ-стонетъ:

— Ну, какъ же быть-то... съ дѣтьми-то какъ..? Михайла Васильичъ принесъ горошку, послѣднее. Самъ ѣстъ желуди и горькій миндаль, мелетъ на кофейной мельничкѣ виноградныя косточки и печетъ изъ нихъ какіе-то пирожки... опытъ надъ собой производитъ и пишетъ работу. Вы понимаете, онъ уже... не въ себѣ. Ну, какъ же? Конечно, я отдамъ ожерелье... пусть хоть три фунта....

Я не могу сидѣть, слушать... Я ухожу и брожу по саду, путаюсь по кустамъ, натыкаюсь на кипарисы, ищу дышать... Душно отъ кипарисовъ, отъ треска цикадъ, отъ неба... Ночь черная, ободокъ молодой луны давно свалился. Подходитъ урочный часъ — ходить начинаютъ, съ лицами въ тряпкахъ — въ сажѣ, поворачивать къ стѣнкѣ, грабить. Защитить некому. Могутъ притти съ минуты на минуту. Загремятъ въ ворота и крикнутъ слово, отпирающее всѣ двери:

— Отворяй, съ ордеромъ изъ Отдѣла!..

А сосѣди ткнутся головами въ подушку и будутъ слушать...

ВЪ ГЛУБОКОЙ БАЛКѢ

Въ морѣ начинаетъ бѣлѣть, — въ морѣ разсвѣтъ виднѣе, — но горы еще ночныя, въ долинахъ — мгла. Намекаютъ по нимъ бѣловатыя пятна дачъ. Время итти въ Глубокую Балку, по холодку, — рубить.

Топоръ и ремень со мной. Я поднимаюсь на гребень Горки. Все — на порогѣ новаго дня и — спитъ. Невесело просыпаться.

Сѣрые виноградники по холмамъ, мутная галька пляжа... красный огонь на вымпелѣ!.. Не ушелъ еще «истребитель». С е м е р о могутъ встрѣтить еще одно утро жизни. Я напрягаю глаза — въ сѣрую муть разсвѣта. Видно на посвѣтлѣвшемъ морѣ, какъ суетятся на пристани темныя пятнышки. И х ъ ведутъ, — запоздали? Дѣлаютъ э т о, обычно, глухою ночью. Или хотятъ показать, какъ встаетъ надъ родными горами солнце, въ послѣдній разъ?..

Я неотрывно смотрю. Погасаетъ огонь на вымпелѣ, начинаетъ дымить труба. Почему пѣтуховъ не слышно? не погромыхиваетъ съ шоссе раннею таратайкой? Или пропали звуки?!.. Дробная сверль свистка — единственный знакъ разсвѣта?..

Нѣтъ... Я слышу унылый крикъ — неумирающій голосъ съ минарета. Стоитъ надъ городкомъ бѣлая, тонкая свѣча, — и только одна она еще посылаетъ измученный привѣтъ утру. Только она одна кричитъ воплемъ, что надъ горами, надъ городкомъ, надъ моремъ, надъ всѣмъ, что на нихъ и въ нихъ, пребываетъ Великій Богъ, и будетъ пребывать вѣчно, и все су-

щее — Его Воля. Вознесите Великому молитву за день грядущій!

Пѣнится за кормой, и, бросая дугою слѣдъ, «истребитель» уходитъ въ море. Пошелъ — на Ялту.

Ихъ было семеро, съ поручикомъ-командиромъ. Татары больше. Долгіе мѣсяцы держались они въ лѣсахъ и камняхъ, на перевалѣ, въ снѣгахъ и ливняхъ. Грозили и не сдавались. По Крыму ихъ были сотни — не захотѣвшихъ невѣдомой имъ Европы. Ловятъ перепеловъ на дудочку, селезней на утиный «крякъ». Ихъ поймали заманкой: объявили — прощеніе. Они спустились съ оружіемъ, — своей честью, — почернѣвшіе и худые, съ тревожно-сверкающими глазами застигнутой горной птицы. Они ходили по городку тревожно, плечо къ плечу, приглядываясь къ угламъ, прислушиваясь къ ночнымъ моторамъ. Они стереглись ночами, не выпуская изъ рукъ винтовки. Они поглядывали къ горамъ, гдѣ камни были для нихъ — родное: изъ камня выросли ихъ аулы. Пока — имъ не разрѣшали туда вернуться. Ихъ возили на фаэтонахъ: смотрите — друзья, союзники! покорились! Ихъ кормили бараниной и поили виномъ — братались. И тѣнью слѣдовали за ними ясноглазые люди, въ кожѣ. Ихъ выпытывали пріятельски о лихой жизни на перевалѣ, объ оставшихся тамъ глупцахъ, о тропкахъ... Потомъ — отобрали оружіе: теперь миръ, и они завтра поѣдутъ въ свои деревни. Потомъ ихъ забрали, ночью. Потомъ... сегодня уѣдутъ дальше. Уѣхали. Съ ними могутъ покончить въ морѣ — швырнуть съ камнями...

Я долго стою на горкѣ, смотрю на кипящій хвостъ.

Можетъ быть, тутъ же на берегу, ихъ жены, матери... или изъ деревень горныхъ видятъ черную лодочку на морѣ и не чуютъ. Радуются прощенью, ждутъ: власти нельзя не вѣрить. Слезы выплаканы давно. Теперь — ослѣпнутъ. Такъ ослѣпла старая татарка, надъ которою сжалились осенью, отдали за-

дыхающсеся тѣло ея офицера-сына, забитаго шомполами. Она вымолила его, выбила головой у камня, въ ногахъ у палачей выла.

— Теперь можешь везти! — сказали.

И она, счастливая, на горной глухой дорогѣ, цѣловала его въ погасающіе глаза, приняла его вздохъ на родныхъ колѣняхъ. Глухіе буковые лѣса слушали ея тихій плачъ — да камни. Да старикъ-возница, сосѣдъ-татаринъ, теръ кулакомъ глаза.

— Не плачь, горькая женщина, — сказалъ онъ. — Лучше с в о я земля.

Э т и х ъ не выдадутъ.

Я отрываю себя отъ моря, иду — высчитываю шаги, чтобы запутать мысли. Вотъ и Глубокая Балка — конецъ мыслямъ. Теперь — бить крѣпче, по пнямъ дубовымъ, тысячелѣтнимъ, въ землѣ увязнувшимъ...

Здѣсь стѣны — чащей, по нимъ — корявые кусты граба, надъ головою — небо. Рубить, не думать. А толконутся думы — рвать ихъ по зарослямъ, разметать, разсыпать. Смотрѣть на странные кусты граба, игру природы. Не кусты, а чудесныя превращенія, таинственные намеки...

Вотъ — канделябръ стоитъ, пятисвѣчникъ, зеленой бронзы, — кто его сбросилъ въ балку? А вотъ, если прищуришь глазъ, — забытая кѣмъ-то арфа. затиснутая въ кусты, — заросшее прошлое... рядомъ — старикъ горбатый, протягивающій руку. Кольцами подымается змѣя, живая совсѣмъ, когда набѣгаетъ вѣтеръ. Знаки упадка и пустоты, и лжи? А гдѣ-то вознесшійся черный крестъ, заросшій... Вонъ онъ, не затеряется: прицѣпилась къ нему портянка, и насунутое горлышко бутылки посвистываетъ-гудитъ въ вѣтеръ. Это матросы изъ Севастополя стрѣляли здѣсь въ цѣль — въ бутылку. А вотъ знаменательный знакъ вопроса: вѣтромъ загнуло-выгнуло тонкую поросль граба. Недоумѣнный вопросъ — о чемъ? Я все повырублю въ балкѣ, но крестъ оставлю, горлышко сниму

только. Нѣтъ, оставлю и горлышко: въ осенній вѣтеръ будетъ гудѣть-выть Крестъ — само естество живое — въ опустѣвшей Глубокой Балкѣ. Будетъ стонать, вопить. А вопросительный знакъ...

Я ударомъ срубаю знакъ: онъ всегда заставляетъ что-то рѣшать и думать. Довольно рѣшать и думать! никакихъ вопросовъ! Конецъ и арфѣ, и канделябру, и старику... Змѣю я кромсаю на кусочки. Никакихъ намековъ! Пусть пустота — и только.

Я вырубаю дубовые «кутюки» — съ визгомъ летятъ осколки. Глазъ бы хоть выбили... оба глаза. Тьма все накроетъ. Смотрятъ на меня ящерки, желтобрюхъ толстой веревкой медленно уползаетъ съ тропки — тихіе жильцы балки. Съ ними люблю молчать. Кузнечики прыгаютъ на меня, ерзаютъ въ моихъ дырьяхъ — по знакомству. И я замираю отъ изумленія, когда примѣчу въ кусту изможденнаго «богомола»: въ порыжѣвшей ряскѣ, стоитъ онъ на умной своей молитвѣ, воздѣвая изсохшія руки-лапки. Не на Крестъ ли онъ молится, монахъ усохшій? Или не видитъ, что на Крестѣ — бутылка?!

Если бы только это: кусты и камни, въ камняхъ и въ норахъ живущее! Но есть и еще, другое...

Я непремѣнно увижу позеленѣвшую солдатскую гильзу, измятую манерку или лоскутъ защитнаго цвѣта, — и все, залившее кровью жизнь, ударяетъ меня наотмашь. Колышется и плыветъ Балка, текутъ по ней стеклянныя паутины...

Живутъ вещи въ Глубокой Балкѣ, живутъ — кричатъ.

Здѣсь когда-то — тому три года! — стояли станомъ оголтѣлыя матросскія орды, грянувшія брать власть. Били отсюда пушкой по деревнямъ татарскимъ, покоряли покорный Крымъ. Пили завоеванное вино, разбивали о камни и вспарывали штыками жестянки съ консервами. Еще можно прочесть на ржавчинѣ — сладкій и горькій перецъ, фаршированные

кабачки и баклажаны, компотъ изъ персиковъ и черешни, — «Шишманъ»... Тотъ самый Шишманъ, котораго разстрѣляли по дорогѣ. Валялся въ пыли, на солнцѣ, фабрикантъ консервовъ, въ сюртукѣ и манишкѣ, съ вырванными карманами, съ разинутымъ ртомъ, изъ котораго они выбили золотые зубы. Теперь не найти консервовъ, но много по балкамъ и по канавамъ ржавыхъ жестянокъ, свистящихъ дырьями на вѣтру. Одурѣвшіе отъ вина, мутноглазые, скуластые толстошеи били о камни бутылки отъ портвейна, муската и аликантэ, — много стекла кругомъ! — жарили на кострахъ барановъ, вырвавъ кишки руками, выскобливъ нутро камнемъ, какъ когда-то ихъ предки. Плясали съ гикомъ округъ огней, обвѣшанные пулеметными лентами и гранатками, спали съ дѣвками по кустамъ...

Славные европейцы, восторженные цѣнители «дерзаній»!

Охраняемые Закономъ, за богатыми письменными столами, съ которыхъ никто не сброситъ портреты дорогихъ лицъ, на которыхъ солидно покоятся начатыя работы, съ пріятнымъ волненіемъ читаете вы о «величайшемъ изъ опытовъ» — міровой перекройки жизни. Повторяете подмывающія слова, заставляющія горделиво биться уставшее отъ покоя сердце, эти громкія побрякушки — титаническіе порывы духа, гигантское обновленіе жизни, стихійные взрывы народныхъ силъ, величавыя устремленія осознавшаго свою мощь гиганта-пролетаріата... — кучу гремучихъ словъ, проданныхъ за пятакъ безпардонно-безпутными строкописцами.

Тоскующіе по взлетамъ, вы рукоплещете и готовы послать привѣтъ. Вы даете почетныя интервью, восхищаясь и одобряя, извиняя великодушно частности, обязательно повторяя, что не ошибается только тотъ, кто... Ну, понятно. Ваши громкія имена, мѣченыя счастливымъ рокомъ, говорятъ всему міру, что все въ

порядкѣ вещей. Благосклонныя рѣчи ваши наполняютъ сердца дерзателей, выдаютъ имъ похвальный листъ.

Невысока колокольня ваша: съ нея не видно.

Покиньте свои почтенные кабинеты, съ успокоительнымъ свѣтомъ пріятныхъ лампъ, съ тысячами томовъ, закрывшихъ золотомъ переплетовъ оголенную сущность жизни. Ступайте и досмотрите сами. Увидите не бумагу, засыпанную словами: увидите затекшія кровью живыя души, брошенныя какъ соръ. Увидите все, если только хотите видѣть! Увидите и самихъ дерзателей, развязно не забывающихъ, что императорскіе — дворцы, рольсъ-ройсы и поѣзда, тонкія вина прошлаго, покоющія кресла, поглощающіе ковры, бѣлье тончайшаго полотна съ несорванными коронами, посуда съ гербами чужихъ столовъ, — добытое дерзаньемъ, — куда пріятнѣй пустыхъ панелей бродяжной жизни; что прекрасныя вещи важнѣе прекрасныхъ словъ, а славу можно сорвать и дерзостью; что соблазнительными рѣчами можно замазать глаза рабамъ, наглухо забить уши, а для охраны — можно нанять штыки.

Пойдите сами!

Но не съ именемъ громкимъ, на міръ бряцающимъ. Громкому имени подадутъ покойный вагонъ-салонъ, сладко баюкающій качаньемъ, пущенный на послѣднюю корку, вырванную у нищаго. Громкое имя пропишутъ въ зеркальной рамкѣ столичнаго Гранд' Отель, заботливо сбереженнаго про себя. Громкое имя оттиснутъ жирно въ «извѣстіяхъ» собственнаго завода. Будутъ поить виномъ Высочайшей марки, будутъ кормить телятами въ молокѣ, стерлядями и дичью лѣсовъ сибирскихъ, мастерски изготовленными лейбъ-поваромъ а ля рюссъ, — такими деликатесами, которые уже и во снѣ не снятся милліонамъ людей безъ имени. И покажутъ гордому имени волшебную панораму... въ рамкѣ!

Нѣтъ! Вы дерзните пойти безъ имени, пойти въ нѣдра... И не глядите черезъ кулакъ. Увидите! Но осторожны будьте: можете упасть въ яму.

Хорошо наблюдать грандіозный пожаръ съ горы, бурю на океанѣ — съ берега. Величавое зрѣлище!

Пусто, глухо въ Глубокой Балкѣ, но и здѣсь не уйти онъ нихъ. А если подняться выше — увидишь бѣлыя петли шоссе, на Ялту. Стоятъ на бугрѣ двѣ палочки, два столба телеграфныхъ. Проволоки на нихъ какой уже годъ звенятъ все одно и то же — посылаютъ приказы смерти. Здѣсь разстрѣляли на полномъ солнцѣ только что наканунѣ вернувшагося съ германскаго фронта больного юнкера-мальчугана, не знавшаго ни о чемъ, утомившагося съ дороги. Сволокли соннаго, привели на бугоръ, къ столбамъ, поставили, какъ бутылку, и разстрѣляли на призъ — за краги. А потомъ опять пили, жрали баранину и спали по кустамъ съ дѣвками. Пьяными глотками выли «тырціоналъ»...

За кустами граба и дубняка виднѣется деревянный шпиль и красная крыша разбитой фермы. Недавно шумѣла молодостью и силой. Помню благодатныхъ коровъ, бурыхъ и бѣломордыхъ — «Красулекъ», «Полекъ», томно щурившихся на солнцѣ, съ лѣнцой жующихъ, когда бойкія бабьи руки позванивали играючи по ведрамъ. Помню мудрую хлопотню, сверкающіе бидоны, громыхающіе къ закату, когда черная таратайка спускалась съ ними, звонко плескавшими. И славныхъ ребятокъ помню — пузатаго мальчугана-трехлѣтка, обожженнаго солнцемъ до черноты, съ кусищемъ пышнаго ситнаго въ кулачкѣ, — убѣгающаго отъ куръ съ ревомъ, и круглоликую голоножку, играющую съ телятами. Я и сейчасъ еще слышу вязкій и острый духъ коровьяго пота и навоза. Что за благодатная сыть! какое море молочное!.. благодатное какое солнце!..

Изсякло море. Согнали коровъ во всенародное стойло, и... усохло море молочное...

Вѣтромъ развѣяны коровы. Заглохла ферма. Растаскиваютъ ее сосѣди. Тамъ — пустота и кровь. Тамъ конопатый Гришка Рагулинъ, матросъ, вихлястый и завидущій, курокрадъ недавній и словоблудъ, комиссаръ лѣсовъ и дорогъ округи, вошелъ ночью къ работницѣ погибавшей фермы и недававшуюся закололь штыкомъ въ сердце. Нашли свою мать съ штыкомъ проснувшіяся съ зарею дѣти... Пѣли по ней панихиду бабы, кричали при бѣломъ свѣтѣ, съ обиды за трудовую сестру свою, требовали къ суду убійцу. Отвѣтили бабамъ — пулеметомъ. Ушелъ отъ суда вихлястый курокрадъ Гришка — комиссарить дальше.

Куда ни взгляни — никуда не уйдешь отъ крови. Она — повсюду. Не она ли выбирается изъ земли, играетъ по виноградникамъ? Скоро закраситъ все въ умирающихъ по холмамъ лѣсахъ.

Я рублю и рублю... Довольно: полонъ мѣшокъ «кутюковъ» дубовыхъ, довольно сучьевъ. Потяну ремнемъ въ гору, потомъ съ горы, потомъ въ гору... Солнце залило балку, надъ головой день полный и жарко-жаркій. Сажусь у Креста, на камень. Дремотно зудятъ цикады. Дремлется на жарѣ...

ИГРА СО СМЕРТЬЮ

— Добрый день!..

Я вздрагиваю — лечу какъ въ пропасть. Спалъ я? Солнце совсѣмъ высоко, а у меня еще много дѣла: надо нарвать листу, выпустить курочекъ; надо итти далеко, къ татарину, просить ячменю пять фунтовъ за проданную рубаху...

— Кажется, вы спали... Помогу вамъ нести.

Стоитъ подъ «крестомъ» оборванный человѣкъ, чернявый, съ опухшимъ желтымъ лицомъ, давно небритымъ, немытымъ, въ дырявой широкополой соломкѣ, въ постолахъ татарскихъ, показывающихъ пальцы-когти. Бѣлая ситцевая рубаха подтянута ремешкомъ, и черезъ дырья ея виднѣются желтыя пятна тѣла. По виду — съ пристани, оборванецъ.

Я его давно знаю: собратъ, молодой писатель, Борисъ Шишкинъ. Онъ присаживается на камень, и мы молчимъ.

Почему-то мнѣ особенно тяжело при немъ. Тянетъ на меня жутью. Чуется мнѣ, что неумолимое стоитъ за его спиной, стоитъ-поигрываетъ, — смѣется: пожметъ за горло и неожиданно выпуститъ — ну, дыши! Его судьба необыкновенно трагична. Я вижу, какъ она откровенно играетъ съ нимъ: то — вотъ отнимаетъ жизнь, то — вотъ нежданно даруетъ! И — сыграетъ навѣрняка. Съ нимъ что-то д о л ж н о случиться. Что — не знаю. Но съ нимъ ч т о - т о случится... Когда я встрѣчаюсь съ нимъ, мнѣ становится его жалко и тяжело. Его мечта — онъ ея не теряетъ — уйти хоть подъ землю отъ этой жизни и отдаться пи-

сательству. Я знаю, что онъ и теперь пишетъ — гдѣ-нибудь на камнѣ, на берегу моря, въ заброшенномъ виноградникѣ, въ полнолуніе — безъ огня. Между строкъ, на старыхъ газетахъ, чернилами изъ синихъ какихъ-то ягодъ: не достать бумаги, не купить ни за какія деньги.

И теперь, въ этой балкѣ, онъ говоритъ о томъ же:

— Если бы очутиться на дикомъ островѣ, ракушками питаться, кореньями... и никого чтобы, хоть безсрочно! только бы не мѣшали писать... Сколько у меня темъ! Вы знаете... я хочу о другомъ писать... о дѣтскомъ, о такомъ чистомъ, ясномъ... а это все такъ давитъ!..

Я знаю, что онъ талантливъ, душа у него нѣжна и чутка, а въ его очень недлинной жизни было такое страшное и большое, что хватитъ и на сто жизней.

Онъ былъ на великой войнѣ солдатомъ, въ пѣхотѣ, и на самомъ опасномъ — германскомъ фронтѣ. Душою нѣжный, любовно разсказывавшій о травкахъ, онъ долженъ былъ убивать штыкомъ въ брюхо. Онъ попалъ въ плѣнъ на вылазкѣ, три раза бѣжалъ и три раза его ловили. Въ побѣгахъ онъ переплывалъ рѣки, блуждалъ въ лѣсахъ, хоронился днями въ хлѣбахъ, шарилъ въ сараяхъ по деревнямъ, умирая отъ голода, вырывалъ у дѣтей куски. Въ послѣдній побѣгъ онъ дошелъ до передовыхъ позицій, въ ночной обстрѣлъ, былъ раненъ своею пулей и оказался въ нѣмецкой цѣпи. Его чудомъ не разстрѣляли, какъ шпіона. Его подвѣсили, въ наказаніе, на столбу, за скрученныя назадъ руки, ему «щекотали» скребками ребра до обморока и потомъ его опустили въ шахты. Въ шахтахъ морили голодомъ. Онъ раздулся какъ отъ водянки и едва передвигалъ ноги, но его заставляли возить вагонеткой уголь. Но судьба поиграла съ нимъ и подъ землею. Его засыпало взрывомъ съ десяткомъ плѣнныхъ. Черезъ трое сутокъ его отрыли — единственнаго живого: счастливо его при-

крыла опрокинувшаяся телѣжка. Онъ съ полгода пролежалъ въ больницѣ и воротился въ Россію при обмѣнѣ плѣнныхъ. Онъ добрался до городка на нижнемъ Днѣпрѣ, уже при совѣтской власти, и долженъ былъ поступить на службу, — выбралъ себѣ по сердцу — подбиралъ безпризорныхъ дѣтей-сиротъ. Городъ взяли казаки, его захватили на улицѣ съ портфелемъ, признали за комиссара и потащили, но проходившій по улицѣ офицеръ узналъ въ немъ своего исправнаго взводнаго по ротѣ, на германскомъ фронтѣ. Это было, конечно, чудо. Но чего не бываетъ въ жизни! Онъ перебрался въ Крымъ, гдѣ встрѣтилъ свою семью, попалъ въ армію добровольцевъ, признанъ нестроевымъ и служилъ въ городкѣ, при комендатурѣ. При отступленіи онъ не ушелъ за море. Его арестовали большевики и уже хотѣли, раздѣвъ до подштанниковъ, гнать на Ялту, гдѣ ожидалъ вѣрный разстрѣлъ, какъ опять его спасло чудо: онъ показалъ кому-то тощую книжку своихъ разсказовъ и разсказалъ исторію своей жуткой жизни. Пьяный палачъ глядѣлъ на него тупо и повторялъ: — «А, чортъ... его не беретъ пуля! м о я во-зьметъ»! — Взялъ его за плечо, сдавилъ крѣпко и, повторивъ еще разъ, жутко — «м о я... возьметъ...» — оттолкнулъ бѣшено: — «Ступай... къ чорту!» Онъ опять поступилъ на службу — по приказу. Онъ долженъ былъ шарить по дачамъ и, противъ воли, совѣстливый и тихій, онъ отбиралъ кровати, столы и стулья, лампы и самовары — для начальства. Онъ завѣдывалъ рабочимъ клубомъ, куда никто не ходилъ, и политической читальней, изъ которой не брали книгъ. Но онъ былъ честный работникъ, ему предложили отвѣтственную должность, ему предлагали стать коммунистомъ, но онъ подалъ заявленіе о болѣзни и, наконецъ, получилъ свободу. Теперь онъ могъ ходить по садамъ — работать за полфунта хлѣба и писать разсказы.

— Теперь я свободенъ! Совсѣмъ уйду изъ прокля-

таго городишки... не буду ни-чего видѣть, слышать... Въ скалахъ буду жить. Солнышко да звѣзды, да море... У насъ тамъ ти-хо! За десять верстъ отсюда. Пусто, подъ Кастелью. Тамъ была дача у дядюшки.. дядюшка еще въ прошломъ году въ Константинополь уѣхалъ, и мы отхлопотали, какъ трудовое хозяйство... будемъ садъ обрабатывать. Отецъ, мать и я. Братишку на дняхъ отъ военной службы по чахоткѣ освободили... Посѣяли мы кукурузу, виноградъ снимемъ, заведемъ корову... Заходилъ къ вамъ на дачу проститься, здѣсь отыскалъ...

Онъ былъ неописуемо счастливъ. Онъ сидѣлъ подъ «крестомъ», наклонивъ голову къ колѣнямъ, и что-то проглядывалъ въ тетрадкѣ.

— Буду писать повѣсть... «Радость жизни»! Я такъ ее чувствую теперь... Только не этой жизни, а... ласковой... я ее представляю себѣ, какъ голубое небо...

Онъ такъ счастливъ, что не можетъ думать. Онъ только чувствуетъ.

— Тамъ у насъ есть древній «Хаосъ», обвалъ давній... въ камняхъ — ниши. Устрою себѣ тамъ комнатку, а свѣтъ будетъ проходить въ щели, сверху... Тамъ хорошо писать! А вмѣсто стола будетъ глыба изъ діорита... На будущій годъ посѣемъ пшеницу. Только бы зиму перебиться! Теперь печемъ лепешки изъ желудей... у насъ съ прошлаго года запасено, но только тошно отъ нихъ...

Его опухшее желтое лицо — лицо округи — говоритъ ясно, что голодаютъ. И все-таки онъ счастливъ.

— А лучше бы было, пожалуй, тогда уѣхать... Европа! Ради семьи остался. Отца, мать жалко было бросать, сестренку... Теперь рѣдко буду приходить въ городъ...

Такъ мы сидимъ подъ «крестомъ», думаемъ — свое каждый.

— Да!!... — вскрикиваетъ онъ вдругъ. — Слышали, что случилось?

— Что же случилось? Развѣ можетъ еще что-нибудь случиться!

— Убѣжали! сегодня ночью!..

— Они... убѣжали?!!... Тѣ...?!

Передъ глазами круги, шары...

— Всѣ... всѣ убѣжали... теперь ужъ тамъ! — показываетъ онъ на горы.—Изъ-подъ самой «мушки»!

Докторъ... провидецъ докторъ! Передъ смертью ему открылось?.. или ходили слухи? Но если бы были слухи, не прозѣвали бы тѣ...

— Произошло это около часу ночи. Въ два часа ихъ собирались забрать на «истребитель»... везти въ Ялту. За ними-то и прислали. Ходили слухи, что они стали слабѣть отъ голоду, — всего по четверкѣ хлѣба да и не каждый день! а какого хлѣба... вы сами знаете. Съ ними сидѣлъ какой-то французъ, за что — неизвѣстно. Онъ-то и показалъ на допросѣ, какъ все случилось. А мнѣ знакомый передавалъ, коммунистъ. Всю ночь такая каша у нихъ была...! Будутъ теперь аресты, возьмутъ заложниковъ... Вотъ какъ было. Они не собирались бѣжать первое время, надѣялись, что подержатъ и выпустятъ. Но когда стали слабѣть — рѣшили, что хотятъ заморить ихъ голодомъ. Что ихъ разстрѣляютъ, они не вѣрили. Вѣдь, объявили амнистію! Ну, сошлютъ... И вотъ какъ-то узнали, что въ Симферополѣ разстрѣляли спустившихся съ горъ «зеленыхъ», какъ и они, и главнаго кого-то, черкеса, кажется... А то ухаживали и соблазняли службой. Тогда — рѣшили бѣжать, когда выведутъ изъ подвала. Что ихъ повезутъ сегодня ночью, они не знали. Потомъ передумали: испугались, что скоро ослабнутъ такъ, что не въ силахъ будутъ бѣжать. И вотъ, рѣшили бѣжать этой ночью! Какъ разъ за часъ до увоза!.. подумайте — какой случай! Составили планъ и бросили жребій, кому со-

бой пожертвовать... кому съ часовымъ схватиться. Вѣдь, безоружные! Французъ не тянулъ жребія, отказался бѣжать. Вѣрилъ, что его непремѣнно освободятъ, неизвѣстно за что схватили... Французъ — и только. Теперь его повезли въ Ялту: зналъ о побѣгѣ и не донесъ! Жребій выпалъ татарину. Они всѣ — тамъ были и русскіе, и татары, и чеченцы... они обнялись и поцѣловались... простились передъ судьбой... Какъ это... хорошо! Совсѣмъ одичали, затравлены... всюду кровь, и... такое братство, передъ судьбой! Потомъ нарочно подняли шумъ въ подвалѣ, чтобы выманить часового. Вышло, часовой сунулся... Татаринъ схватилъ винтовку... тотъ на него... и о н и ринулись! сбили наружнаго часового и пропали. Ночь была темная, побѣжали прямо къ горамъ, разсыпались... захватили винтовку... Наружный поднялъ тревогу, убилъ татарина, закололъ. Теперь отвѣтитъ за всѣхъ французъ. Въ городишкѣ нѣтъ лошадей, и ночь... а и м ъ всѣ пути извѣстны. Теперь Перевалъ дастъ знать! Подпоручикъ у нихъ лихой!.. Пощады теперь не будетъ... Всѣ шестеро.

Я благодарно смотрю на горы, затянувшіяся жаркой дымкой. О н и уже тамъ теперь! Благодатный камень!... и вы, лѣса...

— Коммунисты теперь напуганы, опять Перевалъ отрѣзанъ. И на машинѣ не сиганешь — обстрѣлъ! Всѣ повороты пристрѣляны. Теперь ночевать боятся, будутъ налеты съ горъ. Квартиры извѣстны... понятно, у т ѣ х ъ есть связь, а не нащупаешь...

Хоть шестеро жизнь отбили! Я съ любовью смотрю на горы, благостныя, суровыя, — покровители храбрыхъ. Храбрыхъ укроютъ камни. Простая правда у нихъ — с в о я. Храбрыми Богъ владѣетъ! Могутъ быть милостивы — недвижные. Л ю д и на нихъ живутъ, укроютъ л ю д и. Послѣднимъ кускомъ подѣлятся. Правда у нихъ — с в о я. Будетъ продолжаться борьба, за п р а в д у, борьба за

душу. И днемъ, и ночью. На глухихъ тропкахъ, надъ пропастями, въ орлиныхъ гнѣздахъ, на проѣзжихъ дорогахъ... Съ радостью припадутъ къ ключамъ свѣтлымъ, будутъ слушать чуткую тишину въ горахъ... Чудо могло случиться!

— Жить интересно все-таки! — восторженно говоритъ счастливецъ. — Я хорошо понимаю, что значитъ — уйти отъ смерти! Счастье *сознательнаго* рожденія... такъ чудесно!

Пора выходить изъ балки. Онъ помогаетъ мнѣ тянуть хворостъ, взвалилъ и мѣшокъ съ тяжелыми «кутюками». Онъ переполненъ счастьемъ.

— Я... сво... боденъ!! Чудесный сегодня день! Какія горы!.. вижу, какъ онѣ дышатъ, и праздникъ у нихъ сегодня, воскресенье... Я напишу о нихъ! Какіе бываютъ случаи...

Я его вижу въ послѣдній разъ. Ни онъ и никто не знаетъ, что вотъ случится... Дѣтски-наивное лицо его свѣтится такимъ счастьемъ. А гдѣ-то плетутся петли, и никто не чуетъ, какая спасетъ отъ смерти, какая его задавитъ.

Такъ доходимъ до домика. Насъ встрѣчаетъ Павлинъ тоскливымъ крикомъ — стоитъ на воротахъ, зелено-фіолетово-синій, играетъ солнцемъ.

— Ахъ, красота какая! Сколько всего разсыпано... бери только!

И я не чую, что смерть заглядываетъ въ его радостные глаза, хочетъ опять сыграть. Четыре раза, шутя, играла! Сыграетъ въ пятый, навѣрняка, съ издѣвкой.

ГОЛОСЪ ИЗЪ ПОДЪ ГОРЫ

Я сижу на порогѣ своей мазанки, гляжу на море. И тишина, и зной. Не дрогнетъ паутинка, отъ кедра къ кипарису. Я могу часами сидѣть, не думать. Колокола въ головѣ и ревы — голодный шумъ?... Красные клочья вижу въ себѣ я внутренними глазами, — содомъ жизни...

Но вотъ, рождается тонкій и нѣжный звукъ... Если схватить его чуткой мыслью, онъ приведетъ съ собой друга, еще, еще... — и въ охватывающей дремотѣ они покроютъ собой всѣ гулы, и я услышу оркестръ... Теперь я знаю музыку сновъ — не сновъ, понятны мнѣ «райскіе голоса» пустынниковъ — небесные инструменты, на которыхъ играютъ ангелы?...

Поетъ и поетъ невѣдомая гармонія...

. . . П-бааа....!

Сбилъ ее въ горахъ выстрѣлъ — поймалъ кого-то? — И вотъ — кровяные клочья... и вотъ они — дѣйствующіе сей жизни: стонущіе, ревущіе...

Бѣлыя курочки болью смотрятъ въ мои глаза. Знаю — и въ вашихъ головкахъ шумы, но не уловите тонкій звукъ, не приведете гармонію. Что вы глядите такъ? тѣни стоятъ за вами?... Что вы, маленькіе друзья мои, вглядываетесь въ меня тоскующими глазами? Не надо бояться смерти... За ней — истинная гармонія! Ты, «Жемчужка», не понимаешь, какой и ты чудесный оркестръ, — ничтожный, и все же — наичудеснѣйшій. Твой черный зрачокъ, пуговочка-малютка, — величайшее чудо жизни! Въ этой лаковой точкѣ огромное солнце ходитъ... міры безкрайные! И море въ

твоемъ глазкѣ, и горы, вонъ эти, сѣрыя, въ камнѣ, въ дымкѣ... и все на нихъ — и лѣса, и звѣри, и люди, стерегущіе по пустымъ дорогамъ, притаивающіеся въ камнѣ... и я, у котораго въ головѣ вся жизнь. Все уловишь своимъ глазкомъ, который скоро уснетъ, все унесешь въ невѣдомое... А твое перышко — оно уже потускнѣло, но и оно — какая великая симфонія! Великій далъ тебѣ жизнь, и мнѣ... и этому чудаку-муравью. И Онъ же возьметъ обратно.

Ахъ, какой былъ чудесный оркестръ — жизнь наша! какую игралъ симфонію! А капельмейстеромъ была — мудрая Жизнь-Хозяйка. Пѣли свое, чудесное, эти камни, камни домовъ, дворцовъ, — какъ орутъ теперь дырявыми глотками по дорогамъ! Желѣзо пѣло — бѣжало въ моряхъ, въ горахъ... звонило по дойникамъ, на фермахъ, славной молочной пѣсенкой, и коровы трубили благодатной сытью. Пѣли сады, вызванные изъ дикости, смѣялись миріадами сладкихъ глазъ. Виноградники набирали грезы, пьянѣли землей и солнцемъ... Пузатыя бочки дубовъ лѣнивыхъ, барабаны будущаго оркестра, хранили свои октавы и громъ литавръ... А корабли, съ мигающими глазами, незасыпающими въ ночи?! А ливнемъ лившаяся въ желѣзное чрево ихъ золотая и розовая пшеница свое пѣла, тихую пѣсню тихо родившихъ ее полей... И звоны вѣтра, и шелесть травъ, и неслышная музыка на горахъ, начинающаяся розовымъ лучомъ солнца... — какой вселенскій оркестръ! И плетущійся старикъ-нищій, кусокъ глины и солнца, осколокъ человѣчій, — и онъ тянулъ свою пѣсню, довѣрчиво становился передъ чужимъ порогомъ... Ему отворяли дверь, и онъ, чужой и родной, убогая связь людская, засыпалъ подъ своимъ кровомъ. Ходилъ по жизни ласковый Кто-то, благостно сѣялъ душевную мудрость въ людяхъ...

Или то сонъ мнѣ снился, и не было звуковъ ча-

рующаго оркестра? Я знаю, — не сонъ это. Все это б ы л о въ жизни.

Я же ходилъ и по темнымъ дорогамъ Сѣвера, и по бѣлымъ дорогамъ Юга. Я довѣрчиво говорилъ съ людьми, и люди довѣрчиво отвѣчали мнѣ, и Христосъ невидимо ходилъ съ нами. Чужія поля были м о и поля, и далекая пѣсня незнакомаго хутора меня манила. Шаги встрѣчнаго на глухой дорогѣ были шаги моего товарища по жизни, и не было отъ нихъ страха. И ночлеги въ поляхъ, и ласковость родной рѣчи... Правила всѣмъ и всѣми старая, мудрая, Жизнь-Хозяйка!

И вотъ — сбился оркестръ чудесный, спутались его инструменты, — и трубы, и скрипки лопнули... Шумъ и ревъ! И не попадись на дорогѣ, не протяни руку, — оторвутъ и руку, и голову, и самый языкъ изъ гортани вырвутъ, и исколютъ сердце. Это они въ головѣ — шумы-ревы развалившагося оркестра!

Шуршитъ за изгородью, шипитъ... будто змѣи ползутъ на садикъ. Я вижу черезъ шиповникъ — ползетъ гора хвороста и деревъ, со свѣжими остріями рубки. Шипитъ хвостомъ по камнямъ дороги. Ползетъ гора хворосту, придавила человѣка. Останавливается, передыхаетъ, — и слышу глухой голосъ изъ-подъ горы:

— Добрый день...

Черезъ рѣдкій шиповникъ я вижу волосатыя ноги, въ ссадинахъ, мотающіяся отъ слабости.

— Добрый день, Дроздъ. Свалите пока, передохните.

— Нѣтъ ужъ... потомъ и не подымешь...

Это почтальонъ Дроздъ. Почтальонъ когда-то... Теперь...? Какія теперь и откуда письма?!

Правда, въ первый же день прихода завоеватели объявили «сношенія со всѣмъ міромъ». Пришелъ на Горку пьяный Павлякъ, комиссаръ-коммунистъ недавній, бахвалился:

— Установилъ сношенія съ Франціей... съ чѣмъ угодно! Пу-усть попишутъ, покажутъ связь... Какъ мухъ изловимъ!...

Не совладалъ Павлякъ съ величіемъ своей власти: выпрыгнулъ изъ окна, разбилъ черепъ. И прекратились «сношенія». Новый начальникъ, рыжебородый разсыльный, рычитъ изъ-за рѣшетки:

— Че... го-о?... Никакой заграницы нѣту! одни контриціонеры... мало вамъ пи-сано? Будя, побаловали...

И вотъ — сложилъ свою сумку Дроздъ и — «занимается по хозяйству».

Каждый день поднимается онъ мимо моей усадьбы, съ топоромъ, съ веревкой — идетъ за шоссе, за топливомъ, — на зиму запасаетъ. Я слышу его заботливые шаги передъ разсвѣтомъ. Нарубитъ сухостоя и слегъ, навалитъ на себя гору и ползетъ-шипитъ по горамъ, какъ чудище, черезъ балки, — и вверхъ, и внизъ. За полдень проходитъ мимо, окликнетъ и постоитъ: духъ перевести надо.

Это — праведникъ въ окаянной жизни. Такихъ въ городкѣ немного. Есть они по всей растлѣвающейся Россіи.

При немъ жена, дочка лѣтъ трехъ и наслѣдникъ, году. Мечталъ имъ дать «постороннее» образованіе, — всестороннее, очевидно, — дочку «пустить по зубному дѣлу», а сына — «на инженера». Теперь... — впору спасти отъ смерти.

Когда-то разносилъ почту по пансіонамъ, съ гордостью:

— Наша должность — культурная миссі-я!

Когда-то покрикивалъ весело:

— Господину Петрову — цѣлыхъ два! Господину агроному... пи-шутъ!

Потомъ говорилъ торжественно, въ измѣнившемся ходѣ жизни:

— Гражданкѣ Ранейской... по прошлогоднему

званію — Райнесъ! Товарищу Окопалову... съ соці... алистическимъ привѣтомъ-съ!

Потомъ — прикончилось.

Онъ съ благоговѣніемъ относился къ европейской политикѣ и европейской жизни.

— Господину профессору Коломенцеву... изъ... Лондона! Пріятно въ рукахъ держать, какую бумагу производятъ. Ужъ не отъ самого ли Лойдъ-Жоржа?... Очень почеркъ рѣшительный...

Ллойдъ-Джорджа онъ считалъ необыкновеннымъ.

— Вотъ такъ.... по-ли-тика! Будто и на соціализмъ подводитъ, а... тонкое отношеніе! Съ нимъ политику дѣлать... не зѣвать. Пря-мо... необыкновенный теній!...

И пришло Дрозду испытаніе: война. Растерянный, задерживался, бывало, онъ у забора:

— Не по-ни-маю...! Такой былъ прогресъ образованія Европы, и вотъ... такая некультурная видимость! Опять о н и частныхъ пассажировъ потопили! Это же невозможно переносить!.. такое озвѣрѣніе инстинктовъ... Надо всѣмъ культурнымъ людямъ сообразить и принести культурный протестъ... Иначе... я ужъ не знаю что! Немыслимо!

Онъ ходилъ въ глубокой задумчивости, какъ съ горя. За обѣдомъ, хлебая борщъ, онъ вдругъ задерживалъ ложку, ужаленный острой мыслью, и съ укоризною взглядывалъ на жену. Его четырехугольное, скуластое лицо, съ мечтательными, голубинаго цвѣта, глазами. какіе встрѣчаются у хохловъ, сводило горечью.

— Развѣ не посолила? — спрашивала жена.

— Такъ, нарушать, прин-ципы, культурной, нравственности! — съ укоризной чеканилъ Дроздъ, тряся ложкой и расплескивая борщъ на скатертку. — Европа-Европа! Куда ты идешь?! надъ бездной ходишь!.. Какъ ниспровергнуто все, ажъ...!

— Да кушай, Гарасимъ.... борщокъ стынетъ. Сдалась тебѣ твоя Иврапа, какое лихо!... Ну, шшо тэбэ... гроши тэбэ дають?...

— Гро-ши! Ну, шо ты у полытикѣ домекаешь? А-ааа... Правильно говорить Прокофій: подходятъ страшныя времена изъ Апокалипса Ивана Богослова... кони усякіе, и черные, и бѣлые... и всадники на нихъ огненные, въ желѣзѣ... въ же-лѣ-зѣ!

— Зачиталъ голову твой Прокофій, всѣмъ голову морочитъ. Таня сказывала... всѣхъ дѣтей на крышу съ собой забралъ ночевать и топоръ унесъ, чудеса ему чудются...

— Чу-де-са... — съ укоризной отвѣчалъ Дроздъ. — Чудеса могутъ быть. Если куль-ту-ра такъ... ниспровергаетъ, то обязательно нужны чудеса, и бу-дутъ! От...кровеніе! А почему — от...кровеніе?! Отъ.... крови! Если такая кровь, обязательно будутъ чудеса! Прокофій чу-етъ. Говоритъ какъ?... — «Не имѣю права братъ за работу деньгами, въ деньгахъ кровь! Я тебѣ сапоги сошью — ты мнѣ... хлѣбушка душевно принеси»! — Вотъ какъ надо, если по закону духовному... Это—куль-ту-ра! И вотъ даже Лойдъ Жоржъ..!

— Сиротъ и оставитъ Прокофій твой.

— Сиротъ должны добрые люди подобрать, съ любо-вію! Чего ты такъ понимаешь? Нужна нравственная мораль! Чѣмъ люди живы? Ну?! Что графъ Левъ Толстой велитъ... его вся Европа уважаетъ, какъ... ге-нія! А въ двадцатомъ вѣкѣ... и одинъ дикій инстинктъ! А-аааа....!

Онъ очень любитъ слова: прогрессъ, культура. Говоритъ — «прô-гресъ» и «референ-думъ». Онъ уважалъ людей образованныхъ и называлъ себя... прогрессистомъ. Онъ не разбирался въ партіяхъ: онъ только хотѣлъ — «культуры». И когда налетѣли большевики и стали хватать по доносамъ, кого попало, схватили и смиреннѣйшаго Дрозда — «врага народа». То были первые большевики, матросы, дикари, и съ ними гимназистъ изъ Ялты — командиромъ. Они посадили Дрозда въ сарай, вмѣстѣ съ калѣкой нотаріусомъ и Иваномъ Михайлычемъ, профессоромъ, ко-

торому на дняхъ пожаловали пенсію — по фунту хлѣба въ мѣсяцъ. Двѣ ночи сидѣлъ Дроздъ въ сараѣ, ждалъ разстрѣла. Спрашивалъ «господъ»:

— За что?! Политикой не занимался, а только развѣ про культуру. Скажите рѣчь имъ... про культуру и мораль! обязательно скажите! просвѣтите темныхъ!...

Въ сарай совались матросьи головы:

— Что, господа енералы.........?! Сегодня ночью рыбъ кормить будете господскимъ мясомъ....

— Хорошо, братцы... Одинъ Господь Богъ и въ смерти и въ животѣ воленъ, а ты только Его орудіе... помни и не гордись! Можетъ, для твоего вразумленія такъ дано... каяться потомъ будешь! Ну, ладно, все едино... ну, мы пусть генералы... хорошо... — поокивалъ имъ Иванъ Михайлычъ, — хотя ты, другъ мой глупый, правой руки отъ лѣвой не отличишь, а въ политику полѣзъ. Тебѣ бы, дурачку, на кораблѣ плавать, да съ нѣмцами воевать, Россію нашу оборонять, а ты, вонъ, винцо потягиваешь чужое,да охальничаешь! А зачѣмъ вотъ трудового человѣка, почтальона, убить хотите? У него дѣтки малые, на рукахъ мозоли... Креста на васъ нѣту!...

— А не твоего ума дѣло, старый чортъ... разговорился! Ужо съ рыбами поговори, дворянская кость! по праздникамъ кладешь въ горсть, по буднямъ размазываешь?....

Не стерпѣлъ Иванъ Михайлычъ обиды, схватилъ черезъ дверь костлявой рукой матроса за синій воротникъ, — обомлѣлъ даже матросъ отъ такой дерзости, крикнулъ только:

— Пу...сти... по-рвешь, чортъ!... чего сдурѣлъ?...

— Какъ — чего? Да я самъ вологодской, какъ ты... православной!

— Какъ такъ?! Ужли и ты вологодской?! — обрадовался матросъ, и его широкое, какъ кастрюля, дочерна загорѣлое лицо, раздвинулось еще шире и заиграло зубами.

— Какъ же не вологодской! Говору своего не чуешь? Смѣются-то какъ про насъ!... «Ковшикъ мѣнный упалъ на нно.... оно хошь и досанно, ну да ланно — все онно»!

—Ахъ, шутъ те дери... вѣрно-прправильно! Ну, старикъ... нашъ, вологодской? Покажься мнѣ... — радовался матросъ, захватывая Ивана Михайлыча за плечи. — Правильный, нашъ! А... стой! Уѣзду?!

— Чего тамъ — стой... ну, Усть-Сысольскова уѣзду... ну?!

— Ка-акъ такъ! А я тожа... Ус... сольскова! Н-ну... дѣ-лааа...

— Я самъ земельку оралъ да въ школу бѣгалъ... да вотъ и профессоръ сталъ, и книжки писалъ... и опять могу землю драть, не боюсь! А чего вы этого человѣка забрали, топить сбираетесь?...

— За-чѣмъ... мы его на разстрѣлъ присудили, за снисхожденіе...

— Да вы, головы судачьи, глаза-то сперва мыломъ промойте...

— Да ты чего лаешься-то, не боишься ничего, старый чортъ?!

— Говорю — вологодской, весь въ тебя! А чего мнѣ бояться-то, милой? Я ужъ одной ногой давно въ гробу стою... а вы вотъ, видно, сами себя боитесь, — мальчишку-молокососа себѣ за командира выбрали, стариковъ убивать! Да его еще за уши рвать нужно... я ему, такому, двойки недавно за диктовку ставилъ... Вы съ него, сопляка, штаны-то поспустите да поглядите: задница, небось, порона, не поджила!...

Дергалъ нотаріусъ старика, — ку-да! А тутъ еще подошли матросы. И ужъ что ни говорилъ имъ ялтинскій гимназистъ, какъ ни взывалъ къ революціонному самосознанію и партійной дисциплинѣ, вологодскій матросъ взялъ верхъ. Выпустилъ изъ сарая всѣхъ:

— Ну, васъ, къ лѣшему!

То было другое время, — другіе большевики, первые. То были толпы россійской крови, захмѣлѣвшей, дикой. Они пили, громили и убивали подъ бѣшеную руку. Но имъ могло вдругъ открыться, путемъ нежданнымъ, черезъ «пустякъ», быть можетъ, даже черезъ одно мѣткое слово, что-то такое, передъ чѣмъ пустяками покажутся всѣ слова, лозунги и программы, требующія неумолимо крови. Были они свирѣпы, могли разорвать человѣка въ клочья, но они неспособны были душить по плану и равнодушно. На это у нихъ не хватило-бы «нервной силы» и «классовой морали». Для этого нужны были нервы и принципы «мастеровъ крови» — людей крови не вологодской...

И вотъ, ни въ чемъ неповинный Дроздъ получилъ избавленіе отъ смерти. Получилъ — и умолкъ навѣки. Онъ уже не говоритъ о культурѣ и прогрессѣ. Онъ — какъ воды въ ротъ набралъ, и только глаза его, налитые стекляннымъ страхомъ, еще что-то хотятъ сказать. Даже о погодѣ онъ не говоритъ громко, и не кричитъ, какъ бывало, размахивая газетой:

— Замѣчательная телеграмма! Рака нашли!... Нѣмецъ сывротку открылъ!

— Планету новую отыскали! Какъ-съ?... Да, камету... Звѣзду пятой величины! пя-той!!

Въ войну его мучилъ Верденъ. Онъ не спалъ ночами и что-то выглядывалъ по картѣ. Бѣжитъ, бывало, — газетой машетъ:

— Отби-ли!.. семнадцатый штурмъ-атаку! Геройскій духъ французовъ все смелъ... къ исходному положенію! къ исхо-дному!!...

И все это кончилось — и Верденъ, и духъ... И Дроздъ умолкъ.

Вотъ онъ стоитъ подъ придавившей его торою. Ноги сочатся кровью, словно его полосовали ножами. Подсученные штаны въ дырьяхъ. Изъ-подъ горы высматриваетъ съ натугой бурое, исхудавшее, взмокшее лицо — мученика лицо!

— Физическій суставъ совсѣмъ заслабъ... — таинственно шепчетъ Дроздъ. — Питаніе... ни бѣлковъ, ни желтковъ! Какъ-съ... да, жи-ровъ! Бывало, двадцать пять пудовъ съ подводы принималъ... развѣ крякнешь только. Курей водилъ... Дите тамъ заболѣетъ — курячій бульонъ жизнь можетъ воротить! Сосѣди всѣхъ курей, какъ бы сказать... дескредитировали... Послѣдняго кочетка сегодня изъ-подъ кадушки вынули! Какъ ужъ хоронилъ... Нашъ народъ... — его голосъ чуть шелеститъ, — весь развратный въ своей психологіи... Какъ-съ? Понятно, надо бы на родину. Катеринославскій я. Племянникъ пишетъ — хлѣба мнѣ пудовъ пять приготовилъ... а какъ доставишь? Поѣхалъ — то сыпнякъ, а то ограбили. А совсѣмъ собраться — все бросай! А вѣдь усякой стаканчикъ, сковородка... сами понимаете, задаромъ отдать надо, — ни у кого нѣтъ средствъ. Библіотека тоже у меня... — пудовъ... на пять наберется! погибнетъ вся моя культура... — шепчетъ и шепчетъ Дроздъ, глядитъ испуганно.

— Да, плохо, Дроздъ.

— Позвольте, что я вамъ хочу сказать... Вся цив...ли-зація приходитъ въ кризисъ! И даже... ин-тили-генція! — шипитъ онъ въ хворостѣ, глядитъ пугливо по сторонамъ. — А, вѣдь, какъ господинъ Некрасовъ говорилъ: «Сѣйте разумное, доброе, вѣчное! Скажутъ спасибо вамъ безконечное! Русскій народъ!!»... А они у стару-хи крадутъ! Всѣ позиціи сдали — и культуры, и морали. Къ примѣру, старушка подо мной живетъ, Наталья Никифоровна, — можетъ, знаете... блюла пріютъ для сиротъ, которые отъ педагога Тихомирова, для народныхъ учителей... и на старости лѣтъ ей куска хлѣба не положено! И вотъ одинъ образованный интеллигентъ сжалился... Да какъ! — «Я, говоритъ вамъ паекъ добуду. Это безобразіе, такому человѣку погибать! Тогда все ниспровергнуто!» — Побѣжалъ къ докторамъ, сты-

дить: старушка святая погибаетъ въ голодной смерти! не уйду, покуда не отчислите! Отчислили. Загребъ всѣ сладости, — къ старушкѣ. — «Исхлопоталъ! молитесь на меня!» Заплакала старушка: угодникъ Божій объявился! Выдалъ ей четверку сахару, съ рисомъ смѣшалъ, мучки фунтикъ... Четвертую ей часть пайка, а самъ себѣ все кашку рисовую варилъ на сахарѣ! Люди усе дознали. Прибегъ къ старушкѣ: — «Недоразумѣніе! Я васъ не покину, но чтобы компромиса не было для меня... а то какъ дознаютъ, — и васъ подъ судъ за незаконное полученіе, и докторовъ въ подвалъ посадятъ»! Заплакала старушка. — «Уйдите отъ меня, я змѣевъ боюсь»! А вѣдь онъ шу-бу на мѣху имѣетъ и золотыя за-понки, съ часами! Усе такъ! Ну, поѣду съ горки, теперь я — дома...

— Слыхали, Дроздъ... бѣжали сегодня ночью!

Дрогнула гора, хвостомъ заерзала...

— Ка-акъ.....?! *тѣ*....?! быть того не можетъ....!

Онъ смотритъ въ ужасѣ Онъ не говоритъ, а дышитъ, и глаза его скосились въ сторону. Ни души кругомъ, никто не слушаетъ.

— Не распространяйте, Бо-же сохрани!... — шепчетъ-шелеститъ онъ, возя хвостомъ. — Тутъ такое можетъ... А вѣрно?... Та-акъ... Ну, поѣхалъ...

Шипитъ шага два и останавливается — лицомъ на море. Шепчетъ:

— А дозвольте васъ спросить... Какъ же теперь... Лойдъ Жоржъ?..

— То-есть... что вы хотите знать, Дроздъ?

Гора молчитъ, раздумываетъ — все къ морю. Потомъ хвостъ ея медленно заворачивается съ шипѣньемъ, словно и онъ все думаетъ, Дроздъ приближается ко мнѣ, и опять — чуть слышно:

— Такъ, вообще... существуетъ?!..

Онъ согнулся подъ тяжестью горы, вытягиваетъ, какъ черепаха, бурое лицо, и смотритъ вывороченными съ натуги, кровяными глазами. Пытаетъ ими.

— Это на томъ свѣтѣ, Дроздъ. Все это — было.

— Значитъ... по-меръ?!

— Живъ. И съ апетитомъ кушаетъ бефштексъ и запиваетъ портеромъ.

Дроздъ смотритъ съ ужасомъ.

— По...ртеромъ?!..

Какой-то жуткій намекъ улавливаетъ онъ въ этомъ словѣ.

— Да, портеромъ. Знайте, Дроздъ: каждый народъ имѣетъ своихъ радѣтелей. И они... умѣютъ такъ говорить и дѣйствовать, что, поговоривъ о человѣчествѣ и высокихъ цѣляхъ, въ результатѣ они пріобрѣтаютъ... для своихъ, — лишнюю бочку пор-тера! Вы понимаете?..

— Тце-це-це-це... — пощелкиваетъ языкомъ Дроздъ. — Да-аада-аа...

Онъ совсѣмъ валится на шиповникъ и упираетъ измученные глаза въ мои. Шепчетъ въ страхѣ:

— А мы-то, дураки... Да безъ насъ нѣмцы бы ихъ еще въ четырнадцатомъ сглотали!.. Вотъ такъ... оберну-улъ..!

— Бефштексъ и портеръ! А у насъ... Такъ-то, милый Дроздъ!.. И ни-кому не нужны. И сами виноваты!

Онъ испуганъ насмерть. Онъ вертитъ шеей.

— А вѣдь какъ Европа... какую куль-ту-ру сѣяла! А?! И самъ Лойдъ Жоржъ... я читалъ усѣ его слова... до слезъ! Ну, теперь все пропадетъ... Герценъ замѣчательно пишутъ: Россія пропадетъ — все пропадетъ! И правильно говоритъ Прокофій... от-кровеніе! Отъ кро-ви.

И онъ уходитъ, праведникъ на кладбищѣ нашемъ.

Праведники... Въ этой умирающей щели, у засыпающаго моря, еще остались праведники. Я знаю ихъ. Ихъ немного. Ихъ совсѣмъ мало. Они не поклонились соблазну, не тронули чужой нитки, — и бьются въ петлѣ. Животворящій духъ въ нихъ, и не

поддаются они всесокрушающему камню. Гибнетъ духъ? Нѣтъ, — живъ. Гибнетъ, гибнетъ... Я же такъ ясно вижу!

А т а м ъ... гдѣ нѣтъ миндальныхъ садовъ, блистающаго моря и этого смѣющагося солнца, пирующаго на кладбищѣ? Т а м ъ — какъ?..

Я смотрю на Сѣверъ, за Чатыръ-Дагъ синѣющій... Россія, яблочные сады, поля... Если бы очутиться тамъ, далеко-далеко отъ развалившихся городовъ, отъ деревень погибающихъ... Все итти, итти... Вотъ луга, росистые луга, къ ночи. Какая свѣжесть! какою нѣжностью дышатъ дали! Обѣщаютъ — чего ни пожелаешь. Такъ бывало... Теперь?.. Что это — темными шапками по лугамъ? стога ли? Гнилые стога — порѣзанная сила. Сойти съ дороги — и привалиться... Можетъ быть, тихій сонъ навѣютъ поля ночныя, накаркаютъ вороны на разсвѣтѣ...

НА ПУСТОЙ ДОРОГѢ

Сентябрь отходитъ. Затихли вѣтры осенняго равноденствія — жару сбили. Въ эту пору погода суха, мягка. Воздухъ прозраченъ, тонокъ. И звонко все, — сухо-звонко. Выгорѣвшіе скаты скользки и жарко блещутъ. Кузнечишки, сухая мелочь, вспыхиваютъ по нимъ сѣрыми брызгами. Сбитое вѣтромъ «перекати-поле» звонко треплется по кустамъ. Днемъ и ночью зудятъ цикады, заводятъ свои пружинки.

Кастель начинаетъ золотиться. Въ долинѣ, по ближнимъ горкамъ, — все больше рыжихъ и красныхъ пятенъ въ подсыхающихъ виноградникахъ, по грабу и дубняку. Я всякое утро примѣчаю, какъ пятна всползаютъ выше, а сѣраго камня больше выглядываетъ въ лѣсахъ: сохнутъ лѣса, сквозятъ. Крѣпкой, душистой горечью потягиваетъ отъ горъ, горнымъ виномъ осеннимъ, — полыннымъ камнемъ. Пьешь его на зарѣ, — и будто чуть-чуть покалываетъ шампанскимъ. Вино веселое...

А голая стѣна Кушъ-Каи — все та же, — все та же лѣтопись: пишетъ по ней невѣдомая рука. Все вбираетъ въ себя, все видитъ. Смотришь на ея камень ясный и думаешь о пустынѣ... Кругомъ такъ тихо... Но знаю я, что во всѣхъ этихъ камняхъ, по виноградникамъ, по лощинамъ, прижались, зажались въ щели и затаились букашки-люди, живутъ — не дышатъ. Ничего же не слышно! Ни выкрика, ни стона. Глядятъ на осень, а осень дѣлаетъ свое дѣло — раздѣваетъ.

Я знаю... знаю, какъ кругомъ тихо.

Былъ я недавно тамъ, — бродилъ по пустой дорогѣ, по берегу. Такъ, безъ цѣли, какъ вьется въ вѣтрѣ «перекати-поле». Зѣвали былыя дачи. Густо сыпали кипарисы шишки — бери, не жалко. Пчелы звенѣли на дикой мятѣ, готовили зимніе запасы — маленькія незнайки! Пауки по взгорьямъ раскинули полотняные навѣсы, какъ отъ солнца, а сами дремлютъ по уголкамъ, будто поджидающіе по прохладнымъ лавкамъ заспанные торговцы. Я такъ все вижу, всѣ мои чувства остры и тонки... Я чувствую даже камни, могу говорить съ пустой дорогой. Она мнѣ разсказываетъ очень много... Можетъ быть, я скоро сольюсь со всѣми — и откроются мнѣ предѣлы?..

Я долго стоялъ у «Черныхъ Камней», гдѣ море пробило себѣ лазейки, сторожилъ, не увижу ли крабика между камнями. Не выползалъ крабикъ. Зачѣмъ мнѣ крабикъ? развѣ онъ мнѣ что скажетъ? Это было очень давно, въ сказкахъ дѣтства... Тогда вѣщія щуки дарили счастье, камни на распутьи указывали судьбу, а на могилкахъ тростинки пѣли... Это было очень давно, такъ давно, что никто не помнитъ...

Я отдыхалъ на камнѣ, полоскало мнѣ ноги море. Старикъ-татаринъ цапался по откосу, съ усиліемъ выдиралъ какую-то сухую траву, — зачѣмъ?

— Селям-алекюм!

— А-а-лекюм! — хрипнулъ старикъ, взмахивая рукой, словно хотѣлъ сказать: про-палъ «алекюм», какъ все!

Я шелъ и шелъ, выглядывая какой-нибудь ухоженный татарскій виноградникъ, тая въ мѣшочкѣ, подъ шишками, заплатанную рубаху. Не дастъ ли татаринъ-сторожъ хоть грушъ сушеныхъ... Не попадался ухоженный виноградникъ. Я забирался въ ржавыя заросли ажины. Не было на ажинѣ ягодъ. Не было человѣка на дорогѣ. А вотъ цѣлыхъ три человѣка! Дѣти...

Ихъ было трое — двѣ дѣвочки и мальчикъ. Стар-

шая, лѣтъ двѣнадцати, тревожно взглянула на меня обведенными синевой, усталыми, ввалившимися глазами, когда я присѣлъ рядомъ. Двое младшихъ раскладывали на тряпкѣ обглоданныя бараньи кости, кусокъ овечьяго сыра и татарскій чурекъ, лепешку.

— Мунька, убери! — крикнула старшая, кинувъ на меня быстрый взглядъ каримъ глазкомъ, и сама, по-хозяйски, завернула тряпку.

Пиръ нежданный! Не скатерть ли «самобранка», эта тряпка? И не изъ сказки ли эти бараньи кости и брынза, и чебурекъ пышный — на этой пустой дорогѣ?..

— Ѣшьте. Я не возьму, не бойтесь.

Они на меня косятся. Мальчуганъ, лѣтъ семи, смотритъ ощипаннымъ галчонкомъ, — худой, ротастый. Они всѣ подсушены сильно, но ихъ лица пріятно-дѣтски, красивы даже. У старшей лицо серьезно, тонкія губы сжаты, выгнуты чуть въ углахъ, — показываютъ характеръ. Но почему этотъ пиръ нежданный!? и зачѣмъ эти разноцвѣтныя ленточки?.. Въ черныхъ волосахъ старшей — и за ушами, и на плечахъ, и по груди, яркія ленточки! Она все время сама оглядываетъ себя: красиво! И даже на замызганной, въ дырьяхъ, ситцевой юбочкѣ — всюду нацѣплены разноцвѣтныя ленточки!

— Почему ты такая, въ лентахъ? Праздникъ, что ли?

Она плутовато усмѣхнулась.

— А такъ... татары нарядили...

Татары?! Я еще ничего не понимаю.

— Да какъ накорми-ли насъ! Всю ночь въ кошарѣ кормили, и все рядили. А потомъ мы заснули. И виномъ поили, и барашку ѣли... И еще и домой дали!

— За что же они тебя виномъ поили? Татары вина не пьютъ.

— А такъ... поили... — повела она плечикомъ и усмѣхнулась къ морю. — И сами пили. И опять при-

ходить наказали. У нихъ хорошо въ кошарѣ, весело. Барашки, собаки... Еще катыкъ ѣли... а они на своей зурнѣ играли... зурна, называется.

Слово за слово — она довѣрчиво разсказала мнѣ свою сказку.

— Мы изъ-подъ «Линдена», Глазковы фамилія. Знаете?! Такъ вы повыше живете? Такъ это у васъ павлинъ... Теперь знаю. А вы мнѣ перышковъ дайте... Нашего папашу арестовали, будто корову у Коряка зарѣзалъ. А это... — поглядѣла она на меня, рѣшила что-то и сказала: — Мы не знаемъ, кто у него «Рябку» зарѣзалъ. Мы съ голоду калѣемъ. Миша и Колюкъ убѣжали въ горы... — вы никому не сказывайте! — братья старшіе. А то бы и ихъ Корякъ заканителилъ. Камунистъ онъ. Отплотимъ ему... какъ онъ папашу билъ! Сказать татарамъ знакомымъ... Онъ черезъ Перевалъ хо-дитъ... Хорошо, Колюкъ по-кажетъ!.. — сказала она съ дѣтской злостью, и у ней задрожали губы.

— Мы... Коляка... убьемъ! камнемъ убьемъ!.. — крикнулъ галчонокъ и погрозилъ кулачкомъ. — Сволочь!

— У него сундуки ховали... всѣ булзуи... мамаса сказетъ... — отозвалась меньшая.

— Молчи, дура! — крикнула старшая. — Носъ, вотъ, утри! — Все зло отъ Коряка пошло. Стали мы голодать безъ папаши... Вотъ, мамаша и послала насъ собрать шиповникъ или что попадется... ажину тамъ. Велѣла повыше въ горы итти, а то тутъ все погорѣло. И буковые орѣшки-пьянки... А такіе, буковые. Отъ нихъ голова пьяная бываетъ, если много грызть, а то они жи-ирные, вку-усные! Пошли мы... шли-шли... — нѣтъ ничего, все посохло. И черезъ лѣсъ прошли, на Яйлу вышли, у Кушъ-Каи... Человѣчьи кости сколько видѣли...

— Три кости, вотъ такія..! — показалъ до плеча галчонокъ.

— Темно ужъ стало, а черезъ лѣсъ ворочаться опять... Заблудились, и ѣсть хочется, ноги не идутъ. Съ утра ничего не ѣли, ягоды только. Мунька ревѣть стала, не можетъ итти. И Степушка реветъ... Что я съ ними буду?! И вдругъ собака на насъ... громадная овчарка! Какъ закричимъ! А тутъ татары, хлопцы... чабаны! Я по-ихнему умѣю хорошо, — сказала... Они и повели насъ въ кошару. Вѣжливые такіе. Два хлопца. А у нихъ костеръ, барашки ходятъ... Сталъ онъ меня цѣловать... только не безобразіе какое, а... понравилась я ему. Невѣстой меня называлъ, дурной! — опять усмѣхнулась дѣвочка и повела головкой. — Мусмэ якши! Досыта накормили. Потомъ сбѣгалъ другой, вина принесъ и зурну... и вотъ ленточекъ... деревня близко ихняя. У старшины сыновья они, богатые! Больше тысячи барашковъ было, а теперь мало... Потомъ я спать стала, уморилась. Проснулась къ утру, а они смѣются! а на мнѣ все ленточки эти!.. Какъ татарку убрали... у нихъ такъ невѣстъ убираютъ. Такъ они насъ желѣли! И съ собой дали, несемъ мамашѣ. Велѣли и еще приходить. Хлопцы очень хорошіе...

Она погладила ленточку на рваной юбкѣ и усмѣхнулась.

— Не какъ наши хулюганы. Пашка вонъ, подъ нами живетъ, пошла на кордонъ, хлѣбца попросить... тоже мамаша послала, а они съ ней нехорошо сдѣлали! Она ужъ теперь... сами знаете... нарушеная стала! Такъ все къ нимъ и ходитъ. На годъ только меня старше. Била ее мать — не ходи, дурнакъ будетъ... а она воетъ-кричитъ: пойду и пойду! Вотъ страмота! Съ голоду подыхать?.. Теперь какая гладкая стала!.. А татары вѣжливые. Если бы замужъ взялъ... пошла бы! — бойко сказала она, развязно хлопая по землѣ ладошкой. — Что жъ, что чужая вѣра!

Ну, вотъ и сказка. Смотрю на нее, сытую на одинъ

день, радостную невѣсту... Сказать — не ходи въ кошару?! Я не сказалъ, пошелъ.

Я тоже ищу кошары — татарина въ виноградникѣ, продаю заплатанную рубаху. Пустая дорога — не пустая: писано по ней осколками человѣчьихъ жизней... Вонъ какой-то еще осколокъ...

Я узнаю подвалъ у дороги — когда-то ѣздили за виномъ. Въ рыжемъ бурьянѣ — заржавленная машина, пустая бочка лиловая спускаетъ обручи. Черная кошка-выдра зябко сидитъ на ней — грѣетъ кости Трещатъ цикады. Задремываетъ пустыня. Не совсѣмъ пустыня: на ржавомъ замкѣ красныя печати. Вино — что его тамъ осталось! — идетъ кому-то...

Сидитъ человѣкъ на краю дороги, подъ туями, накручиваетъ подвертку. Мелкоглазый, въ рыженькой бороденкѣ, рваный. Прихлопываетъ по сухой хвоѣ:

— Сидайте, ваша милость! вездѣ слободно...

По скрипучему говорку и заиканью я узнаю Федора Лягуна. Онъ живетъ по этой дорогѣ, дальше, — досматриваетъ чье-то покинутое помѣстье.

— Утихомирили всѣхъ господъ, теперь слобóдно... всѣ утрудящіи теперь могутъ, не возбраняется... — Онъ нашариваетъ мой мѣшокъ. — Шишечкю собираете... — хорошо! Для самовара... Только вотъ чайкю теперь... не каждый въ силахъ... А вотъ у господина Голубева пять фунтовъ отобрали! А какой былъ професоръ... сто сорокъ десятинъ у такого мѣста!.. покосы какіе, виноградники... какіе капиталы?!..

— А что, живъ профессоръ?

Лягунъ смѣется. Рыжеватая бороденка смѣется тоже, а крапины на измождённомъ и зломъ лицѣ, веснухи, — пояснѣли.

— Жи-ветъ! До девяноста годовъ — живетъ! Всѣхъ перживетъ, на этотъ счетъ настойный! Какъ первые наши приходили, севастопольскіе... — потрясли. Старухѣ его не въ чемъ и въ гробъ лечь было.

Босую клали. Ему не обидно, слѣпой вовсе. А крѣ--пкій! Пришли ваши, добровольные... — онъ опять за свое, книги сочинять! Про человѣка изучаетъ, насчетъ кишковъ. Не видать ему, такъ онъ на машинкѣ все стучалъ. Какъ ни идешь мимо — чи-чи-чи... чи-житъ себѣ, шпаритъ по своей наукѣ! А имѣнье ему въ свой чередъ деньгу куетъ. Ну, и вышла у меня съ нимъ сшибка. Ка-акъ матросики наши налетѣли, се-минутъ ко мнѣ... потому я здѣшній пролетарій, законный. ...«Товарищъ Лягунъ, какого вы взгляду объ професорѣ? какъ намъ съ имъ? казнить его, либо какъ?..» А время тогда было шатовое... къ какому берегу поплывешь? Сегодня они, завтра, глядишь, энти подойдутъ... Теперь закрѣпились, а тогда... Ну, я, ваша милость, прямо скажу: я человѣкъ прямой... живемъ мы съ женой, вродѣ какъ въ пустынѣ, самой праведной жизнью... Скажи я тогда одно-о слово... — шабашъ! на мушку! У нихъ разговоръ короткой. Прикрылъ! Говорю — я въ ихнихъ бумагахъ не занимаюсь, а, конечно, они по наукѣ что-то въ книгахъ пишутъ... Безпорядку, я говорю, не замѣчаю, окромѣ какъ пять коровъ... А самъ я, товарищи, — говорю, — вовсе человѣкъ больной, въ чихоткѣ... у меня чихотка три-дцать пятый годъ, и самая кровавая чихотка! Дозвольте мнѣ, товарищи, одну коровку, черненькая... комолая... А въ коровахъ я понимаю. Была у него Голанка, ноги у ней сзаду — такъ, дугой... Дали! Только я отъ ее телка принялъ — стельная она была... глядь! мать твою за ногу, энти наскочили! А ужъ я въ городѣ сторожу, пронюхалъ... ихній минносецъ у пристани вертится! Къ себѣ бѣжать! Сейчасъ корову за рога, — къ нему. — «Здравствуйте, его превосходительство! наши опять пришли! пожалуйте вамъ коровку, сберегъ до свѣтлаго дня! Ужъ за прокормъ что положите, а телочекъ приставился, подохъ!» Съѣли мы его, понятно. Сдулъ съ него сѣна тридцать пудовъ! Тоже и ему страшно, съ

перваго-то дня: можетъ, наши опять наскочутъ?! Тогда бъ я съ нимъ, что могъ!.. Какъ такъ — что?! Что жъ, что слѣпой? Заговоры какіе... А у него капиталы! Отчислилъ, молъ, сто миліеновъ на угнетеніе утрудящихъ, на контриреволюцію! Вы что думаете?! Я такъ могу на митингѣ сказать... всѣ трепетаютъ отъ ужасу! Слеза даже во мнѣ тутъ закипаетъ!

Онъ стучитъ себя веснушчатымъ жилистымъ кулачкомъ въ грудь и такъ впивается въ мои глаза своими, вострыми, зелеными глазами, дышитъ такою злостью, что я отодвигаюсь.

— Я, ваша милость, такъ могу сказать..! И чихотка можетъ открыться вразъ, до крови... Заперхаю, заперхаю... «До чихотки, — говорю, — могутъ довести нашего брата, какъ гнетуть!» Кого хочу — могу подвести подъ «мушку». Со мною негодится зубаться, я человѣкъ больной... всегда могу разстроиться! Ну, онъ ни гу-гу! — про корову. Ла-дно. То-льки это ваши задрапали по морю — на-ши родименькіе идутъ. Я, ни слова не говоря, къ нему. А онъ слѣпой, ничего не знаетъ, стукаетъ про свое! Всхожу на виранду, гдѣ у нихъ лѣсенка, подъ виноградомъ . . — его дѣлмилосердіе не допускаетъ, дѣвица для ухода у него. Говорю: допускайте, я ихъ спаситель жизни! Всхожу. — Опять, говорю, здрасте, его превосходительство! позвольте васъ съ праздничкомъ проздравить, наши опять пришли!» Выпрямился такъ... — онъ, вѣдь, высо-кой! — а ничего не видитъ. — «Что тебѣ, Федоръ, надобно?» — «Довѣрьте мнѣ Голанку, а то могутъ быть непріятности. Вы меня знаете, какой я человѣкъ для васъ внимательный, а мнѣ молоко прямо необходимо, какъ я вовсе въ скоротечной чихоткѣ... тридцать пятый годъ страдаю...» Далъ! Очень деликатно, ни сло-ва! Такъ мнѣ благородное обращеніе пондравилось, и я имъ даже отъ любви сказалъ: — «Вы, — говорю, — его превосходительство, надѣйтесь на меня теперь. Я, можетъ быть,

бо-ольшую силу у н и х ъ имѣю, этого никто не можетъ знать!.. ни одного худого слова про васъ не будетъ доказано! Заштрахую васъ коровкой. Могу даже сказать, что комунистовъ прикрывали! Даже почетъ вамъ будетъ!» Ка-акъ онъ вспрыгнетъ! — «Вонъ, — кричитъ, — с-сукинъ сынъ!» Затопоталъ, такъ и налился, какъ гусь... руками нащупываетъ, трясется... Я человѣкъ прямой, но ежели со мной зубъ за зубъ... ладно! Ну скажите!

Онъ вглядывается въ мои глаза, и въ его зеленоватомъ взглядѣ я чувствую такое, что задыхаюсь, но не могу уйти: я д о л ж е н ъ в с е выпить.

— А если я в с е знаю?! По инструкціи я долженъ объявлять! У комунистовъ свой законъ... даже на мать обязанъ донести по партіи! А на эту сволочь всю... А я каждый божій день въ кофейняхъ былъ или по базару... мнѣ все офицерье извѣстно было, кто гдѣ проживалъ! кто что пожертвовалъ... какія рѣчи говорили... Н а м и только и крѣпко все. А тутъ самый буржуй, сто-о со-рокъ десятинъ у такомъ мѣстѣ!.. Ладно. Сейчасъ въ свой комитетъ. Самаго врага нашелъ! Отъ чихотки гибнемъ, а никогда молочка стаканчикъ! А у самого семь коровъ! Товарищъ Дерябинъ председатель былъ, стро-гой, у-у..! Все отобрать! до нитки!! Только что девяносто лѣтъ ему, и кто-то изъ Москвы бумагу написалъ, а то бы на разстрѣлъ! Ну, правда, ничего за нимъ не могъ замѣтить, и ску-пой былъ, ни на что рубля не жертвовалъ. Все отобрали, всѣхъ коровъ. И машинку взяли. Теперь стучи хоть объ столъ. А намедни дѣлмилосердіе попалась, змѣемъ меня обозвала и... вотъ ей-богу, фигу показала! Сво-лочь! Руку нашли въ Москвѣ! Будто машинку имъ вернуть хотятъ... Верну-ли, для науки ученые исхлопотали. Ему бы помирать давно, а онъ...

— Все на машинкѣ стукаетъ?

— Старикъ на-стойный! Нѣтъ, со мной нельзя цапаться! Есть у меня врагъ одинъ... ну, да Господь поможетъ. Будто я поросенка ихняго собакой изорвалъ! А они мою телку отравить грозятся... Я ихъ устерегу! Вы изволите знать Шишкина?.. какіе это люди? Борисъ ихній въ добровольцахъ былъ, приладился... отвертѣлся ото всего! Теперь... въ камни залѣзаетъ, чегой-то пи-шетъ!.. Я съ имъ много разовъ говорилъ... У, какой человѣкъ хи-трый! И про меня, будто, сочиняетъ!.. Не чую?! Да ежели опять в а ш и верхъ возьмутъ... что о н и съ нами исдѣлаютъ?! Бѣжать — не миновать! Я съ ими сусѣди... и ни-чего, отъ меня имъ вреду не будетъ... но я человѣкъ больной, собой не владаю, когда у меня, можетъ, полведра чистой крови выхлещетъ... я каждый часъ передъ Господомъ могу предстать, какъ вотъ травка... Господь видитъ! Они меня выперли съ дядинькина сада, господина Богданова... который министромъ былъ! а ихній дяденька сущій врагъ пролетаріата, заграницу усчезнулъ! а старикъ Шишкинъ самъ на хозяйство сталъ, лишилъ меня доходу... Я десять лѣтъ въ сторожахъ у господина Коробинцева и Богданова служилъ, мое право законное, а они съ Днѣпровскаго уѣзду набѣгли, зацапали... хотятъ корову покупать... На какіе капиталы?! — я васъ спрошу. Мы темныхъ дѣловъ этихъ не допущаемъ! У нихъ, можетъ, отъ англичанъ огромадныя деньги для... нападенія на пролетарскую власть!? А?! Я старику давалъ преду...стереженіе! Не зубайся! Пущай моя корова гуляетъ къ ихнемъ мѣстѣ. — «Самимъ... сѣна ма-ло!» Ла-дно!

Я слушаю, слушаю, слушаю... Онъ сильно пьянъ. Веснухи на его костлявомъ лицѣ темнѣютъ, глазки совсѣмъ запали — щелочки въ огнѣ.

— Совѣсть у меня... въ груди, а то... про-пали Шишкины! Страшный Судъ теперь... Господь-Справедливецъ... намъ препоручилъ...

Онъ сѣчетъ пальцемъ по рябой ладони и втягивается въ мои глаза. Мнѣ душно отъ гнилого перегара..

Я больше не хожу по дорогамъ, не разговариваю ни съ кѣмъ. Жизнь сгорѣла. Теперь чадитъ. Смотрю въ глаза животныхъ. Но и ихъ немного.

МИНДАЛЬ ПОСПѢЛЪ

Кастель золотится гуще — сѣраго камня больше. Осень идетъ бойчей, — гдѣ выкраситъ, гдѣ раздѣнетъ. Курлыкаютъ журавли по зорямъ, тянутся косяками. Уже свистятъ по садамъ синицы.

Зори — свѣжѣй. Небо — въ новомъ, осеннемъ, блескѣ, голубѣетъ ясно. Ночами — черно отъ звѣздъ и глубоко-бездонно. Млечный Путь сильнѣй и сильнѣй дымится, течетъ яснѣе.

Утрами въ небѣ начинаютъ играть орлята. Звонко кричатъ надъ долинами, надъ Кастелью, надъ самымъ моремъ, вертятся черезъ голову, — рады они первому дальнему полету. Парятъ дозоромъ надъ ними старые.

И море стало куда темнѣй. Чаще вспыхиваютъ на немъ дельфиньи всплески, ворочаются зубчатыя черныя колеса...

Молодые орлы летаютъ... Значитъ — подходитъ осень, грозитъ Бабуганъ дождями.

На ранней зарѣ — чуть сѣро — приходятъ ко мнѣ человѣческія лица, — уже о т ш е д ш і я... Смотрятъ они въ меня... Глядятъ на меня — въ меня, въ каменной тишинѣ разсвѣта, замученные глаза... И угасающіе глаза животныхъ, полные с в о е й муки, непониманія и тоски. Зачѣмъ они т а к ъ глядятъ? о чемъ просятъ?.. Въ тишинѣ рождающагося дня-смерти понятны и повелительны для меня зовы-взгляды. Я сердцемъ знаю, чего требуютъ отъ меня о н и — уже нездѣшніе... И передъ этой глухой зарей, передъ этой пустой зарей, я даю себѣ слово: — въ душу

принять ихъ муку и почтить свѣтлую память б ы в ш и х ъ.

Опять начинаемъ... который день? Ступайте, тихія курочки, и ты, усыхающая индюшка, похожая на скелеть. Догуливайте послѣднее!

По краю сада растутъ старыя миндальныя деревья. Они раскидисты, какъ родныя ветлы, и уже роняютъ желтые узенькіе листочки. Черезъ порѣдѣвшую сѣтку ихъ хорошо голубѣетъ небо.

Я взбираюсь на дерево, цапающее меня за лохмотья, царапающее сушью, и начинаю обивать палкой. Море — вотъ-вотъ упадешь въ него. И горы, какъ-будто, подступили, смотрятъ — что за чучело тамъ, на деревѣ, машетъ палкой?! Чего онѣ не видали! Глядятъ и глядятъ, тысячи лѣтъ все глядятъ на человѣчье кружало. Всего видали...

Миндаль поспѣлъ: полопался, пріоткрылъ зеленовато-замшевыя кожурки, словно рѣчныя ракушки, и лупится черезъ щелки розовато-рябенькая костяшка. Густымъ шорохомъ сыплется — только поведешь палкой. Туп-туп... туп-туп... — слышу я сухіе дробные голоски. Попригываютъ внизу, сбрасываютъ кожурки. Любо смотрѣть на веселое прыганье миндаликовъ по вѣткамъ, на пляску тамъ... — первые шаги-голоски ребятъ стараго миндальнаго дерева, пустившихся отъ него въ раздолье. Не скрипи, не горюй, старуха! Коли не срубятъ — за зимними непогодами снова придетъ весна, опять розово-бѣлой дымкой окутаешься, какъ облачкомъ, опять народишь, счастливая, потомство!

Вижу я съ миндаля, какъ у Вербы, на горкѣ, «Тамарка» жадно былизываетъ разсохшуюся кадушку, сухимъ языкомъ шуршитъ. А что же не слышно колотушки за пустыремъ, гдѣ старый Кулешъ выкраиваетъ изъ желѣза печки — мѣнять на пшеницу, на картошку?!

Отстучалъ положенное Кулешъ. Больше стучать не будетъ.

Голоногая Ляля топочетъ-гоняется за миндаликами, — попрыгали они въ виноградникъ.

— Добрый день и тебѣ. Ну, какъ... ѣдите?

— Плохо... Вчера луковичекъ накопали, коркусовъ... Вотъ скоро Алеша поддержитъ, привезетъ изъ степи хлѣбца, са-альца!..

Я знаю это. Старшій нянькинъ пустился въ виноторговлю, контрабандистомъ. Поѣхалъ съ Коряковымъ затемъ за горы, повезъ на степу вино — вымѣнивать, у кого осталось, на пшеницу. Лихіе контрабандисты... Ловятъ ихъ и на перевалѣ, и за переваломъ, — всѣ ловятъ, у кого силы хватитъ. Пала и на степь смерть, впереди ничего не видно, — виномъ хоть отвести душу. Пробираются по ночамъ, запрятавъ вино въ солому, держатъ бутылку наготовѣ — заткнуть глотку, на случай. Хлѣбъ насущный! Тысячи глазъ голодныхъ, тысячи рукъ цѣпкихъ тянутся черезъ горы за пудомъ хлѣба...

— Копали крокусы..? Бери камушекъ, разбивай миндальки....

— Спаа-си-бочка-а!.. ба-альшо-е спасибочко!..

Хлѣбъ насущный! И вы, милые крокусы, золотые глазки, — тоже нашъ хлѣбъ насущный.

— А Кулешъ-то по-меръ!.. съ голоду померъ! — почмокиваетъ Ляля.

— Да, Кулешъ нашъ померъ. Теперь не мучается. А ты боишься смерти?..

Она поднимаетъ на меня сѣрые, живые глазки, — но они заняты миндалями.

— Глядите, надъ вами-то... три миндалика цѣлыхъ!

— Ага... А ты, Ляля, боишься смерти?..

— Нѣтъ... чего бояться... — отвѣчаетъ она, грызя миндаликъ. — Мамочка говоритъ, — только не мучиться, а то какъ сонъ...со...онъ-сонъ. А потомъ всѣ

воскреснутъ! И всѣ будутъ въ бѣ...лыхъ рубашечкахъ, какъ ангельчики, и вотъ такъ вотъ ручки... Подъ рукой-то, подъ рукой-то..! разъ, два... четыре цѣлыхъ миндалика!

Померъ Кулешъ, пошелъ получать бѣлую рубашечку, — и такъ вотъ ручки. Не мучается теперь.

Послѣдніе дни слабѣй и слабѣй стучала колотушка по желѣзу. Разбитой походкой подымался Кулешъ на горку, на работу. Станетъ — передохнетъ. Подбадривала его надежда: подойдутъ холода, повезутъ на степь печки, — тогда и хлѣбъ, а, можетъ, и сало будетъ! А пока — стучать надо. За каждую хозяйскую печку получалъ желѣза себѣ на печку, — ну, вотъ и ѣшь желѣзо!

Остановится у забора, повздыхаетъ.

Онъ — широкій, медвѣдь-медвѣдемъ, глаза ушли подъ овчину-брови. Прежде былъ рыжій, теперь — сивый. Тяжелые кулаки побиты — свинецъ-камень. Послѣдніе сапоги — разбились, путаютъ по землѣ. Одежда его... какая теперь одежда! Картузъ — блинъ рыжій, — краска, замазка, глинка. Лицо... — сносилось его лицо: синегубый сѣрый пузырь, воскъ грязный.

— Что, Кулешъ... живешь?

— Помираемъ... — чуть говоритъ онъ, усиліемъ собирая неслушающіяся губы. — Испить нѣтъ-ли...

Его подкрѣпляетъ вода и сухая грушка. Съ дрожью затягивается кручонкой, — послѣдній табакъ-отрада, золотистый, біюкъ-ламбатскій! — отходитъ помаленьку. Много у него на душѣ, а подѣлиться-то теперь и не съ кѣмъ. Со мной подѣлится:

— Вотъ те дѣла какія... нѣтъ и нѣтъ работы! А, бывало, на лошади за Кулешомъ пріѣзжали, возьмись только! На Токмакова работалъ, на Голубева-профессора... на части рвали. Тамъ крышу починять-лемонтировать, тому водопроводъ ставить, а то... по отхожей канализаціи, по сортирному я дѣлу хорошъ... для

давленія воды у меня глазъ привышный, рука леккая, главно дѣло: хлюгеря самые хвасонистые могъ рѣзать... пѣтушковъ, кониковъ... андела съ трубой могъ! Мои хлюгеря не скрыпятъ, чу...ютъ вѣтеръ... кру...-тются, ажъ... по всему берегу, до Ялтовъ. Потому, — рука у меня леккая, работа моя тонкая. Спросите про Кулеша по всему берегу, всякой съ уваженіемъ... Въ Ливадіи, кто работалъ? Кулешъ. Миколай Миколаичу, Великому Князю... кто крылъ? Самый я, Кулешъ... трубы въ гармонью? Думбадзя меня виномъ поилъ, съ ампираторскаго подвалу! «Не измѣняй намъ, Кулешъ... у тебя рука леккая!» Шинпанскаго вина подноси-ли! Я на недѣлѣ два дни обязательно пьянствую, а мнѣ льгота супротивъ всѣхъ идетъ, всѣмъ я ндравлюсь. Я этого вотъ... дельфина морскова не хлюгерь рѣзалъ, латуни золоченой... царевны могли глядѣть... по...биты, царство небесное, ни за что! Вотъ ужъ никогда не забуду... пирожка мнѣ печатнаго съ царскова стола... съ ладонь вотъ, съ ербами! Такой ербъ-орелъ! Болѣ рубля, ей-богу... яственный орелъ-ербъ! Ореликъ нашъ русскій, могущій... И гдѣ то теперь летаетъ! Ливадіи управляющій... генералъ былъ, солидный изъ себя... велѣлъ подать. «Не измѣняй намъ, Кулешъ... у тебя рука леккая!» А вотъ... дорѣзался. У-поръ вышелъ...

Объ «упорѣ» онъ говорить не любитъ. А вотъ прошлое вспомянуть...

— Сотерну я любитель! Два съ полтиной въ день, а то три... какъ цѣнили! На базаръ, бывало, придешь... Ну, и шо ты мнѣ суешь? Да рази жъ то са-ло? Чутокъ желтить — я и глядѣть не стану! Ты мнѣ сливошное давай, розой чтобы пахло... кожица чтобы хрюпала, а не мыло! Тьфу!

Плюетъ Кулешъ, головой мотаетъ.

— Тянетъ съ этого... со жмыху, внутряхъ жгетъ. Чистый ядъ въ этихъ выжмалкахъ виноградныхъ... намедни конторщикъ померъ, кишка зашлась. А-ахъ,

вся сила изъ мене уходитъ... голова гудетъ. Брынза опять была... шесь ко-пеекъ! Тараньку выберешь... солнышко скрозь видать, чисто какъ портвейна... балычку не удасть...

Онъ всплескиваетъ руками, словно хватаетъ моль, и такъ низко роняетъ голову, что отъ плѣшинки за картузомъ, отъ изогнувшейся шеи съ острыми позвоночками, отъ собравшихся — подъ ударомъ — истертыхъ плечъ, — передается отчаяніе и... покорность.

— Голу-бчики мои-и!.. Сласть-то какую проглядѣли... на ч т о смѣняли! Па-дали всякой, соба-чинѣ ради!... А?! Кто жъ это насъ подвелъ — окрутилъ?! Какъ псу подъ хвостъ... По-няли теперь и х ъ, да... Жалуйся поди, жаловаться-то кому? Кому жаловались-то... тѣ-то, бывало, жа-ловали... а-теперь и пожалѣть некому стало! Жалуйся на и х ъ, на куманистовъ! Волку жалуйся... некому теперь больше. Чуть слово какое — по-двалъ! Въ морду ливонверомъ тычетъ! Нашего же брата давютъ... Рыбаковъ намедни зарестовали... сапоги поотымали, какъ у махонькихъ. Какъ на море гнать — выдаютъ... какъ съ морю воротился — скидавай! Смѣются! Да крѣпостное право лучше было! Тамъ хоть царю прошеніе писали... а тутъ откуля о н ъ призошелъ? а? Говорить — е г о не поймешь, какого о н ъ присхожденія... порядку нашего не принимаетъ, церковь грабитъ... попа намедни опять въ Ялты поволокли... Женчина наша на базарѣ одно слово про и х ъ сказала, подшелъ мальчишка съ ружьемъ... цопъ! — зарестовалъ. Могутъ теперь безъ суда, безъ креста... Народу что побили!.. Да гдѣ жъ она, правда-то?! Нашими же шеями выбили...

Онъ проситъ еще водицы. Пьетъ и сосетъ грушку.

— Въ больницу, что ли, толконуться... можетъ, предпишутъ чего въ лекарство... Въ десятомъ годѣ, въ Ялтахъ когда лежалъ... легкое было... враспаленіе, молочко да яичко, а то ко-клеты строго предписали...

а подрядчикъ Иванъ Московской бутылку портьвейны принесъ. — «Только выправляйся, голубчикъ Степанъ Прокофьичъ... не измѣняй, у тебе рука леккая...» Ну, кто мнѣ теперь изъ и х ъ... такого скажетъ?! Тыркъ да тыркъ!.. Власть ва-ша да власть на-ша!.. А и власти-то никакой... одно хулюганство. Тридцать семь лѣтъ все работой жилъ, а тутъ... за два года всѣ соки вытянули, какъ черьвя гибну! А-аааа..! Барашку возьмешь. Ты мнѣ съ почкими подавай, въ сальцѣ!.. Борщокъ со шкварочками... баба какъ красинькими запра-вить... — рай увидишь! Семья теперь... все дѣвчонки! Не миновать — всѣмъ гулять... съ камисарами! У-у... сонъ страшный... Борщика-то бы хоть довелось поѣсть наспослѣдокъ вдосталь... а тамъ...!

Не довелось Кулешу борщика поѣсть.

Вышелъ Кулешъ со двора, шатнулся... Глянулъ черезъ Сухую Балку на горы: ой, не доползти на работу — стучать впустую, — когда еще везти на степу печки! Подумалъ... — и поплелся въ больницу. Пошелъ вихляться по городку, по стѣнкамъ.

Будто все та же была больница — немного развѣ пооблупилась.

Сказала ему больница:

— Это же не болѣзнь, когда человѣкъ съ голоду помираетъ. Васъ такихъ полонъ городъ, а у насъ и сурьезнымъ больнымъ пайка не полагается.

Сказалъ больницѣ Кулешъ:

— Та тэперь вже усенародная больница! Та якъ же бачили, шо... усе тэперь бу-дэ... бачили, шо...

Посмѣялась ему больница:

— Бачили да... пробачили! Полный пролетарскій дефицитъ. Кто желаетъ теперь лѣчиться, пусть и лекарства себѣ приноситъ, и харчи долженъ припасти, и паекъ доктору. Не могутъ голодные доктора лѣчить! И солому припасти нужно, всѣ тюфяки порастаскали.

Тогда собрался Кулешъ съ силами, нашелъ слово:

— У васъ... всѣ крыши текуть... желоба сорваны на печки... Я съ васъ... дешево... подкормите только, заслабъ... языкъ хоть поглядите.

Не поглядѣли ему языкъ.

Онъ оглянулъ больницу, черезъ туманъ... И — пошелъ. Черезъ весь городокъ пошелъ: на другомъ концѣ была диковинная больница. Шелъ-вихлялся по стѣнкамъ, цапался за колючую, пропыленную ажину, присаживался на щебень. Пустыремъ шатнулся, — по битому стеклу, по камню...

Стояла на пустырѣ огромная деревянная канура — ротонда, помостъ высокій. Совсѣмъ недавно рявкала она зычными голосами на митингахъ, щелкала краснымъ флагомъ, грозила кровью, — хвалила свои порядки. Вспомнилъ Кулешъ сквозь муть, вспомнилъ съ щемящей жутью... и — плюнулъ. Потащился по трудной сыпучей галькѣ... вдоль моря потащился...

Синее, вольное... — играло оно солнечными волнами, играло въ лицо прохладой.

Кулешъ дотащился до синей глади, примочилъ голову, освѣжилъ замирающіе глаза — окрѣпнетъ, можетъ... Замутилось въ головѣ старой, всему покорной. Сталъ Кулешъ на колѣни... Моря ли испить вздумалъ? морю ли поклониться на прощаньи?... Качнулось къ нему все море, его качнуло... — и повалился онъ набокъ. И пошелъ-поползъ бокомъ, какъ ходятъ крабы, головастый, сизый... Тянуло его къ дому, скорѣй къ дому... А далеко до дома!

Спрашивали его встрѣчные — свои, трудовые люди:

— Ты что, Кулешъ... ай пьяный?..

Смотрѣлъ на встрѣчныхъ Кулешъ, мутный, пьяный отъ своей жизни, отъ своей красной жизни. Чуть лопоталъ, губами:

— На ноги... постановьте... иду... до дому...

Его поставили на ноги, и онъ опять зацарапался

— до дому. У пустой пристани взяли его какіе-то, доволокли до моста, до рѣчушки...

— Самъ... теперь... — выдохнулъ Кулешъ послѣднее свое слово, призналъ родную свою, Сухую Балку.

С а м ъ теперь..!

Пошелъ твердо. Доткнулся до долгаго забора, привалился... Закинулся головой, протяжно вздохнулъ... и померъ. Тихо померъ. Такъ падаетъ листъ отжившій.

Хорошо на миндальномъ деревѣ. Море — стѣна-стѣной, синяя стѣна — въ небо. На славный Стамбулъ дорога, гдѣ грузчики завтракаютъ сардинками, швыряютъ въ море недоѣденные куски... Кружится голова отъ синей стѣны, безкрайной... Такъ, находитъ. Надо держаться крѣпче.

Виденъ мнѣ съ высокаго миндаля бѣленькій городокъ, рыжіе, выжженные холмы, кипарисы, камни... и тамъ, вся изъ стекла, будто дворецъ хрустальный, — кладбищенская часовня... И тамъ-то теперь Кулешъ. Только-только сидѣлъ подъ этимъ миндальнымъ деревомъ, разсказывалъ про борщокъ съ сальцемъ, — и занесло его въ гробъ хрустальный! Ну, и прозвище у него — Кулешъ! Отмѣтила его жизнь-чудачка: Кулешъ — умеръ отъ голода! Полеживаетъ теперь, уважаемый мастеръ, въ хрустальномъ чудѣ. Что за глупое человѣчество! Понаставило хрустальныхъ дворцовъ по кладбищамъ, золотыми крестами увѣнчало... Или ужъ хлѣба съ избыткомъ было?.. Вотъ и... проторговалось, и человѣка похоронить не можетъ!

Пятый день лежитъ Кулешъ въ человѣчьей теплицѣ, все ждетъ отправки: не можетъ добиться ямы. Не одинъ лежитъ, а съ Гвоздиковымъ, портнымъ, съ пріятелемъ; живого, третьяго поджидаютъ. Оба постаивали — шумѣли на митингахъ, требовали себѣ имѣнья. Подъ народное право все забрали: забрали и винные подвали — хоть купайся, забрали сады и та-

баки, и дачи. Куда дѣвали?!. Провалились и горы сала, и овечьи отары, и подвалы, и лошади, и люди... И ямы нѣту...?!

Шипитъ раздутый Кулешъ въ теплицѣ: я-а-а... мы-ы-ы...

Говоритъ Кулешу пьяница, старикъ-сторожъ:

— Постой-погоди, товарищъ... надо дѣло по правдѣ дѣлать! Закапывать тебя...? Вѣрно, надо. А то отъ тебя житья не будетъ... горой раздуло, шипишь... А ты меня накормилъ-напоилъ? Одинъ-разъединый я про всѣхъ про васъ, сволочей проклятыхъ! Да гдѣ жъ это видано, чтобы рабочiй человѣкъ... ни пимши — ни жрамши... у камнѣ могилу рылъ?.. По-стой... Нонче право мое такое... усенародное!.. самъ ты могилки себѣ загодя не вырылъ... а пайка мнѣ не полагается... подикась, поговори съ товарищами... они, мать ихъ... все начистоту докажутъ..! Ну и... должёнъ я поснять съ тебя хочь покровъ-саванъ и на базаръ оттащить... Хлѣбушка... плохо, плохо, а хвунтика два... долженъ быть?..да винца, для поминка...мотыжка чтобь веселѣй ходила... А съ тебя, чортъ... и поснять-то нечего, окромя портковъ рваныхъ!.. Вотъ ты и потерпи маленько. Вотъ котораго сволокуть въ парадѣ, тогда... за канпанiю и свалю, въ комунную...

И лежитъ раздутый Кулешъ въ хрустальномъ дворцѣ — ждетъ свиты.

Рядышкомъ съ нимъ лежитъ портной Гвоздиковъ, по прозванiю — Шестъ-Глиста, укромно скончавшiйся за замкнутою дверкой убогаго жилища. Разсказывала Рыбачиха:

— Никто и не примѣтилъ. Хозяева-татары носомъ только учуяли... А ужъ онъ въ отдѣлкѣ! Лежитъ третiй день, весь-то въ мухахъ!... Зеленыя такiя... панихидку надъ нимъ поютъ...

Веселая панихида.... И портной выкупа не принесъ. Пришелъ во дворецъ хрустальный въ драныхъ

подштанникахъ, за которые не дадутъ на базарѣ и орѣшка.

Спи, старый Кулешъ... глупый Кулешъ, разинутымъ ртомъ ловившій невѣдомое тебѣ «усенародное право»! Обернули тебя хваткіе ловчаки, швырнули... Не будутъ они подъ мухами, на солнцѣ!

И ты, невѣдомый никому, Шестъ-Глиста! И вы, милліонами сгинувшіе подъ землю голоднымъ ртомъ... — про васъ исторія не напишетъ. О васъ ли пишутъ исторію? Нѣтъ исторіи никакого дѣла до пустырей, до береговъ рѣкъ пустынныхъ, до мусорныхъ ямъ и логовищъ, до дѣвчонокъ русскихъ, мѣняющихъ дѣтское тѣло на картошку! Нѣтъ ей никакого дѣла до пустяковъ. Великими занята дѣлами-подвигами, что надъ этими пустяками мчатся! Напишетъ она о тѣхъ, что по радіо говорятъ съ міромъ, принимаютъ парады на площадяхъ, приглашаются на конгрессы, въ пристойныхъ фракахъ отъ лондонскаго портного, — не отъ тебя, Шестъ-Глиста! — и именемъ васъ, погибшихъ, рѣшаютъ судьбу погибающаго потомства. Тысячи перьевъ скрипятъ пріятное для уха, — продажныхъ и лживыхъ перьевъ, — глушатъ косноязычные ваши стоны. Ѣздятъ они въ безшумныхъ автомобиляхъ, летаютъ на корабляхъ воздушныхъ... Тысячи мастеровъ запечатлѣютъ картины ихъ «отхода» — на экранахъ, тысячи лживыхъ и рабскихъ перьевъ задребезжатъ, воспѣвая хвалу — Великому! Тысячи вѣнковъ красныхъ понесутъ рабы къ подножію колесницы. Милліоны рванаго люда, согнаннаго съ работъ, пропоютъ о «любви беззавѣтной къ народу», трубы будутъ играть торжественно, и красные флаги снова застелятъ глаза вамъ лестью—вождя своего хороните!

Спи же съ миромъ, глупый, успокоившійся Кулешъ! Не одного тебя обманули громкія слова лжи и лести. Милліоны такихъ обмануты, и милліоны еще обманутъ...

А вѣдь ты не дуракъ, Кулешъ! Передъ ямой-то и

ты понялъ. Перестали пріѣзжать за тобою на лошади и поить портвейномъ... Но ты все же надѣялся хоть на хлѣбъ. Кричали тебѣ хваткіе ловкачи:

— Завалимъ трудящихъ хлѣбомъ! Совѣтская власть такіе построила лектрическіе еропланы... каждый по пять тыщъ пудовъ можетъ. Весь Крымъ завалимъ!..

Закрыли тебѣ глаза — на кровь, крѣпко забили уши. И оралъ ты весело, какъ мальчишка:

— Ай да наши! родная власть!..

Недѣли прошли и мѣсяцы... Не прилетали аэропланы. Гнали твоихъ дѣвчонокъ комиссары — нѣтъ хлѣба! На матерей орали:

— Ну, и что же?! Ребята ваши! ну, и швыряйте въ море!..

Спрашивалъ я тебя:

— А что же, Кулешъ, ваши... аэропланы?

Ощеривалъ ты голодные зубы, синѣющія десны, въ ниточку узилъ мертвѣющія губы и находилъ вѣрное теперь, свое слово:

— Опасаются опущаться... Горы... а то — мо-ре... Крушенія опасаются!

И жутко было твое лицо.

Нѣтъ, ты не дуракъ, Кулешъ... Ты — простакъ.

«ЖИЛЪ-БЫЛЪ У БАБУШКИ СѢРЕНЬКІЙ КОЗЛИКЪ»

Внизу обобрано, — надо забираться выше.

Съ высоты миндаля мнѣ видно, какъ черезъ вытоптанный коровами виноградникъ идетъ отъ дачи — «Тихая Пристань» — близорукая учительница Прибытко, съ пустымъ мѣшкомъ за плечами, пощелкиваетъ дощечками на ногахъ. Идетъ на промыселъ. Она — человѣкъ стойкій. У ней двое ребятишекъ-голоножекъ — Вадикъ и Кольдикъ. Ея мужа убили въ Ялтѣ, но она не знаетъ: не уѣхалъ ли на кораблѣ въ Европу. Пусть не знаетъ. При ней и неутомимая мать-старушка, сухенькая, подвижная, Марина Семеновна, — съ зари до зари воюетъ на землѣ съ солнцемъ: отбиваетъ у солнца огородикъ.

Я хочу отойти отъ кружащей меня тоски пустыни. Я хочу перенестись въ прошлое, когда люди ладили съ солнцемъ, творили сады въ пустынѣ.

«Тихая Пристань»...

Пустырь былъ на этомъ мѣстѣ — колючка, камень. Пріѣхалъ старикъ-чудакъ, отставной исправникъ, любитель розъ и покоя, сказалъ — да будетъ! — и выбилъ-таки изъ камня чудесное «розовое царство». Да, исправникъ. Они тоже — немножко люди. Все, что у него было въ карманѣ и въ головѣ, отдалъ землѣ сухой, и вотъ, къ концу его жизни, она подарила ему свою улыбку — «Тихую Пристань». Съ зари до зари возился старикъ съ лопатами и мотыгами, съ гравіемъ и бетономъ, съ водой и солнцемъ; сажалъ, прививалъ и строилъ, кричалъ съ рабочими, которые

воровали у него гвозди и даже камень, тысячу разъ грозился все бросить и не бросалъ, исполосовалъ сердце, но... дождался: сѣлъ на верандѣ, закурилъ кручонку, полюбовался — все хорошо зѣло! И померъ. И хорошо сдѣлалъ, во-время: выволочили бы его, старика, изъ розоваго сада, — а, собака-исправникъ! — и прикончили бы въ подвалѣ или оврагѣ.

Погибаетъ «розовое царство». Задичали, заглохли, посохли розы. Полѣзли изъ-подъ корней дикіе побѣги. Треснуло и осѣло днище громаднаго водоема. Посохли сливы и вишни, и грецкіе орѣхи, и кальвили; заржавѣли-задичали забытыя персиковыя деревья. Треснули трубы водоводовъ, заросли хрусткія дорожки, полѣзъ бурьянъ въ виноградникъ, сѣли репейники и крапивы въ клумбы — задушили нѣжную землянику. Плющи завили деревья. Выползла изъ дубовыхъ тысячелѣтнихъ пней кудрявящаяся поросль, держи-дерево дружно съ грабомъ давитъ и напираетъ, высасываетъ соки; гнѣздится садовая нечисть, плететъ коконы, опутываетъ и точитъ — сверлитъ. Голубой цикорій и морковникъ заполонилъ луговинки, «перекати-поле» забрало скаты, и лѣнивые желтобрюхи нѣжатся на ступеняхъ каменныхъ лѣсенокъ. Сѣрыя жабы ржаво кряхтятъ ночами въ зеленой тинѣ былого водоема. Дичаетъ «Тихая Пристань», годъ за годомъ уходитъ въ камень. Уйди человѣкъ — опять пустыня.

Сухенькая старушка тщетно пытается задержать пустыню: лишь бы уберечь виноградникъ, огородикъ... Мотыгой и цапкой борется она съ солнцемъ и съ бурьяномъ. Воюетъ съ коровами, прорывающими и рогами, и боками, загородку — доглодать неоглоданное солнцемъ. Висятъ еще кое-гдѣ грушки — мари-луизъ, фердинандъ и бэра, а пониже бассейна, по низинкѣ, еще можно схватить травы. Но это — самое дорогое мѣсто — «козье».

У Прибытковъ — слава на всю округу, — чудес-

нѣйшая коза, вымѣненная на одѣяло и вышитую рубаху у чабана подъ Чатыръ-Дагомъ. Взращенная подвигомъ и молитвой. Ну, и коза! Четыре бутылки даетъ несравненная «Прелесть»! Вадикъ и Кольдикъ круглый день рыщутъ по саду, по балочкамъ, носятъ своей козѣ травку и прутики, всякую кожурку, бобикъ...

— Козочка наша! «Пле-лесть»!

Стоитъ коза на колу, подъ грушей, блаженствуетъ, узкіе глазки щуритъ. Дремлетъ-млѣетъ, пожевываетъ, молоко набираетъ, бурое вымя наливаетъ, до копытцевъ опускаетъ. Не коза — «Прелесть».

Когда, передъ вечеромъ, я отыскиваю запропавшую индюшку, меня тянетъ зайти на «Тихую Пристань» — навѣстить Прибытковъ. Господи, козу доятъ! И я взираю изъ отдаленія. Стоитъ коза — не шелохнется; понимаетъ, что великое совершается: жуетъ-пожевываетъ, глазки въ блаженствѣ жмуритъ. Доитъ Марина Семеновна, нѣжно, будто поглаживаетъ, а коза сама помогаетъ, — ноги разставила, ходъ молоку даетъ: все берите! А Вадикъ и Кольдикъ подсовываютъ козѣ грушки:

— «Плелесть»! «Плелесть»!

Пріятно слушать, какъ позваниваетъ бѣлая струйка въ хрустальный кувшинъ граненый; пріятно смотрѣть, какъ растекается молоко по прозрачной стѣнкѣ, какъ нахрустываетъ коза грушки. Таинство совершается... Меркнетъ вечерній свѣтъ, фіолетовая коза стоитъ, глядитъ розоватыми глазками, и молоко розовѣетъ въ огнистыхъ граняхъ, радужной пѣной пѣнится. А Вадикъ и Кольдикъ кулачки къ горлышку подобрали, ждутъ-смотрятъ. Глотаютъ слюни, и слышится, какъ бурчитъ у кого-то — у козы, или у гологихъ.

А неподалечку стоитъ на колу «капиталъ» — спасеніе и надежда. Это выкормокъ «Прелести», козелъ-великанъ, стриженый, сизый, крутобокій, — и «Сударь» и «Бубикъ» вмѣстѣ.

Всѣ по округѣ знаютъ, какъ выхаживали козла, какъ его холостили, и сколько теперь въ немъ сала, и когда будутъ козла рѣзать. Вотъ это — счастье! Знаютъ, и всѣ завидуютъ. Когда въ школьномъ союзѣ муку дѣлили, до золотника вѣшали, — не додали учительницѣ Прибыткѣ.

— Ну, что тамъ спорить! У васъ же козелъ имѣется, такое счастье!

Такъ семнадцать золотниковъ и сгибли.

Когда я встрѣчаю Марину Семеновну въ Глубокой Балкѣ — за «кутюками», мы всегда говоримъ про «Бубика»:

— А какъ вашъ «Бубикъ»?

— Только не сглазить бы... прямо, мѣшокъ съ саломъ! И то возьмите: вѣдь отъ себя отрываемъ... Каждый день ему хоть кусочекъ лепешки принесешь. Какіе ужъ нонче желуди, ползаешь-ползаешь по балкамъ — хоть четверочку наберу. Какъ въ банкъ носимъ. А вотъ похолоднѣй будетъ, — сало-то въ немъ перекипать станетъ, очищаться... закрупчаетъ. Сало, я вамъ скажу, козлиное... и свиному не уступитъ, чистый смалецъ!

Сосѣдъ Верб*а*, сумрачный винодѣлъ-хохолъ, нарочно зашелъ къ Прибыткамъ. Съ годъ не захаживалъ — все серчалъ, что перебили у него аренду «Пристани». Не утерпѣлъ — пришелъ:

— До козла вашего прійшовъ, Марина Семеновна... що це за дыво!?

Покрестила въ умѣ Марина Семеновна козла, отплюнулась влѣво непримѣтно: сглазитъ еще Верб*а* — темный глазъ.

— Ну что жъ, поглядите, сосѣдъ... съ добраго глазу. Растетъ божья тварь. Козликъ, грѣшить не буду... радостный растетъ козликъ, въ мяскѣ да въ сальцѣ...

Смотрѣлъ Верб*а* на козла пристально, вдумчиво. И такъ, и этакъ смотрѣлъ. И такъ руки складывалъ,

и такъ. И голову по-всякому выворачивалъ, — въ душу вбиралъ козла.

И Марина Семеновна смотрѣла и на козла своего, и на Вербу, — и его, и козла своего вбирала въ душу, переполнялась. Ждала — готовилась.

— Ну вотъ шшо я вамъ, сосѣдка, обязанъ сказать... — выговорилъ-таки Верба, вдумчиво подергавъ повислый усъ. Сердце даже зашлось у Марины Семеновны, — сама послѣ до точки разсказывала въ Глубокой Балкѣ. — Это я такъ вамъ обязанъ сказать, Марина Семеновна... подоброму, пососидски если... що не бачу якъ... мовъ, це даже и не козелъ...

— Какъ — не козелъ?! — взметнулась Марина Семеновна. — Да якій же по-вашему козелъ буваетъ?!

— Вѣрьте моему слову, Марина Семеновна... не козелъ, а... Государственный Банкъ!

Такъ и потекло сердце у Марины Семеновны, — растеклось въ торжество и гордость: великая была она хозяйка.

— И вотъ опять шо я вамъ кажу, сосѣдка... Съ такимъ козломъ зиму вы вотъ какъ переживете! Пудика на полтора — на два...

— Не скажите... на два съ гакомъ! Смальца съ него сойдетъ...

— ...двѣнадцать фунтовъ.

— Ну, не скажите! У меня глазъ наметанный... Да чтобъ у меня никогда ни единой козочки не водилось... — до полпуда выйдетъ!

— Ни-ни-ни... Марина Семеновна... никакъ не думаю. А впрочемъ... къ пятнадцати, може, капнетъ...

— Вы его за ножку потяните, сосѣдъ... подъ пузико...

— Да Боже жъ мой, да я жъ и такъ вижу... по його хвісту! Прямо — рента...

Оглядѣлъ еще и еще, потянулъ за бородку и пошелъ вдумчиво.

Оба — хозяева искони. Оба пропѣли славу творящей жизни. Кому понятно молитвенное служеніе на поляхъ, въ садахъ и хлѣвахъ, — пѣснь славословія рождающемуся ягненку, въ колосъ выбивающимся хлѣбамъ? Понятна она душѣ парящей, сердцу, живущему въ ласкѣ съ землей и солнцемъ; понятна уху хозяина, которое слушать умѣетъ прозябаніе почекъ въ весеннемъ вѣтрѣ, въ благодатныхъ дождяхъ, подъ радугой. Дики и непонятны эти земныя пѣсни душѣ пустой и сухой, какъ вывѣтрившійся камень. Жадная до сокровищъ скопленныхъ, она назоветъ молитвенныя мечты хозяина пошлымъ словомъ — выдуманнымъ безглазыми — мѣщанство! Въ хлѣвѣ и полѣ тучномъ она увидитъ только одно — корысть.

Отецъ дьяконъ, хозяинъ тоже, нарочно поднимался изъ городка — лицезрѣть миѳическаго козла. Сказалъ:

— На четырехъ ножкахъ — безпроигрышная лотерея! Васъ, Марина Семеновна, во главу угла всякаго хозяйства поставить можно. За такого, съ позволенія сказать, козлофона, медали давали въ прежнія времена! Этотъ вашъ козелъ — изъ иностранцевъ... швейцарской породы, не иначе. Либо отъ Фальцъ-Фейна, либо отъ Филибера. Я ихъ очень породу знаю. Это... филиберовскаго заводу козелъ!

Въ великую славу вошелъ козелъ Марины Семеновны. Въ такую славу, что другой разъ поднялся отецъ дьяконъ до «Тихой Пристани» — сказать одно слово по секрету:

— По долгу совѣсти, Марина Семеновна, ради вашихъ сиротъ, счелъ полезнымъ предупредить: ночами думаю о козлѣ вашемъ! И тревогу борю въ себѣ, — держите козла крѣпко! Про вашего козла разговору много по городу. У насъ Безрукій всѣхъ кошекъ переловилъ... у отца Василія собачку недавно переняли... шоколадненькая-то была, подъ фокса! А

тутъ такой роскошный козелъ, а вы на-юру обитаете... Храните, какъ зѣницу ока!

— Отведи, Господи! — закрестилась Марина Семеновна, козла покрестила. — Глазу не спускаю. Ужъ вонъ у Коряка корову зарѣзали въ нижней балкѣ, къ Гаршину дорывались... у Букетовыхъ корову свели... у...

— Про что же я-то вамъ говорю! Двѣ-над-цатую корову рѣжутъ... Марина Семеновна! двѣ-надцатую! И самъ нехорошіе все сны вижу. Вся теперь опора наша... на Господа Бога да, по-земному сказать, на коровку! Электрическую бы тревогу провести въ хлѣвушекъ, чтобы какъ коснулся — скрю-чило бы врага! Нѣмцы такъ проволоку электрическую по границамъ своимъ вели... да электрической силы у меня нѣту!..

— Охъ смотрите, отецъ дьяконъ... — предостерегла и въ свою очередь Марина Семеновна, разстроенная и уже сердитая на дьякона: — и у васъ свести могутъ!

— И у меня могутъ, и у васъ — козла! Козла легче свести, Марина Семеновна, повѣрьте моей опытности. Козелъ — что! Онъ нѣмое существо и глупое! Коровка... другое дѣло! она рогомъ можетъ... затрубить на врага ночного, а козелъ... онъ только копытцемъ простукаетъ тревогу. Нѣтъ, Марина Семеновна, опасность чреватая у васъ.

Чуть было не поссорились отъ тревоги. И повѣсила съ того дня Марина Семеновна на хлѣвушекъ замокъ тройной, съ музыкой печальной, какъ у чугунныхъ шкаповъ. И рогульки ставила передъ дверкой, какъ засѣку, и жестянки на нихъ навѣшивала: темная ночь если, напорется врагъ на звонъ, на колючки, — тревога будетъ.

Учительница останавливается за плетнемъ и начинаетъ жаловаться: богатый татаринъ не доплатилъ полпуда грецкихъ орѣховъ еще съ зимы, хоть бы ячменемъ отдалъ за уроки!

— Люди теряютъ честность! Это былъ самый правовѣрный татаринъ. А вчера рѣзалъ барашка и не далъ даже головку...

Потомъ сообщаетъ объ ужасномъ человѣкѣ:

— Дядя Андрей... это ужасный! Выпустилъ поросенка въ садъ, и вся наша картошка взрыта. Содралъ парусину со всѣхъ лонгшезовъ и всѣ бутылки продалъ...

Она засыпаетъ кучей тревожнаго и больного. Слава Богу, что можно собирать падалку по садамъ. Каждый день она таскаетъ на горку въ мѣшкѣ, — ѣдятъ сами и кормятъ козочекъ. Учителя копаютъ по садамъ чашки и получаютъ виномъ, бутылку за день. Что же будетъ зимой?..

Я слушаю, сидя на миндалѣ, смотрю, какъ рѣзвятся орлята надъ Кастелью. Вдругъ набѣгаетъ мысль: что мы дѣлаемъ?! почему я въ лохмотьяхъ, залѣзъ на дерево? учительница гимназіи — босая, съ мѣшкомъ, оборванка въ пенснэ, ползаетъ по садамъ за падалкой... Кто смѣется надъ нашей жизнью? Почему у ней такіе запуганные глаза? И у Дрозда такіе...

— Слышали?.. Вчера сторожъ выволокъ изъ часовни Михайлу, который уморилъ себя угаромъ... отлучился куда-то, а покойникъ пропалъ. Приходитъ жена — пропалъ, собаки растаскали... Встрѣтила вчера на базарѣ Ивана Михайлыча... бредетъ въ своей соломенной широкополкѣ, съ корзиночкой, грязный, глаза гноятся... трясется весь. Гляжу — лари обходитъ и молча кланяется. Одинъ положилъ раздавленный помидоръ, другой — горсточку соленой камсы. Увидалъ меня и говоритъ: — «Вотъ, голубушка... Христовымъ именемъ побираюсь! Не стыдно мнѣ это, старику, а хорошо... Господь сподобилъ принять подвигъ: въ людяхъ Христа бужу»!.. Еще силу находитъ, философствуетъ... А когда-то Академія Наукъ

премію ему дала и золотую медаль, за книгу о Ломоносовѣ!..

Кружится голова... Я сползаю съ миндальнаго дерева. Синяя стѣна валится на меня, море валится на меня...

Открываю глаза — синіе круги ходятъ, зеленые... Ушла учительница. Горка миндаля рядомъ. И Ляля убѣжала... Я собираю въ мѣшочекъ. Горы — въ дымкѣ... Смотрю на нихъ...

...Поѣздки верхомъ, привалы... Въ придорожныхъ кофейняхъ обжариваютъ кофе на гремучихъ жаровняхъ, тянетъ шашлычнымъ духомъ, шипятъ чебуреки въ бараньемъ салѣ. Подъ шелковицей спятъ синими курдюками вверхъ шоссейные турки, раскинувъ мѣдные кулаки. Осликъ дремлетъ, лягаетъ по брюху мухъ. Жужжитъ и звенитъ жара... Бурлыкаетъ вода въ камнѣ, собака догладываетъ лѣниво жирный маслакъ бараній, осыпаемый мухами... Автомобиль рокочетъ, глотаетъ жару и пыль...

Открываю глаза. Они еще не въ мѣшочкѣ, миндальные орѣшки, собирать ихъ надо...

...Тешутъ на землѣ камни греки и итальянцы, постукиваютъ молоточки, — бьютъ въ голову. Татары, поджарые, на поджарыхъ коняхъ, лихо закидываются на поворотѣ, блестя зубами, тянутъ катыкъ изъ крынки, придерживая задравшагося, пляшущаго коня... «Айда! Алекюм-селям!..» Синія вуалетки вьются изъ фаэтоновъ, летитъ бутылка на камни, брыжжетъ... Скрипитъ по жарѣ можара, волы бодаютъ рогами дорожный камень... — Цобъ, шайтанъ! — Табаки висятъ бурыми занавѣсками на жердяхъ... Сады полны, изнемогаютъ... Шумятъ пестрые виноградники, ползаютъ татарчата, срѣзаютъ грозди, а голенастые парни шагаютъ съ высокими деревянными бадьями у затылка, несутъ въ давильню... Вино, вино... течетъ красное вино, залило руки, чаны, пороги, хлещетъ...

Тянетъ бродильнымъ духомъ... И винодѣлы, одурѣвшіе отъ паровъ, въ синихъ передникахъ, помахиваютъ ковшами... Пора, пора на коней сажаться, жара свалила...

Пора... Въ рукѣ у меня миндаликъ, давняя радость дѣтская... Теперь я знаю, какъ онъ растетъ... Нѣтъ никого, и Ляля убѣжала. Только земля горячая и сухая да цикады, трещатъ-трещатъ...

КОНЕЦЪ ПАВЛИНА

Ужъ и октябрь кончается — поблестѣло снѣгомъ на Кушъ-Каѣ. Потаяло. Зорями холодѣетъ крѣпко. Рыжія горы день ото дня чернѣютъ — тамъ листопадъ въ разгарѣ. А здѣсь еще золотится груша — пылаютъ сады въ закатахъ. Осыплются съ первымъ вѣтромъ. Кузнечики пропадаютъ, и моимъ курочкамъ — тройкѣ — не разжиться на гулевѣ. Будемъ кормиться виноградными косточками, жмыхомъ! Его ѣдятъ люди и умираютъ. Продаютъ на базарѣ, какъ хлѣбъ когда-то. За нимъ надо итти далеко, выпрашивать. Онъ горькій, кислый, и тронутъ грибкомъ бродильнымъ. Можно молоть его, можно жарить...

Когда солнце встаетъ изъ моря, — теперь оно забираетъ все правѣе и ходитъ ниже, — я смотрю въ пустую Виноградную Балку. Все отдала свое. Набило въ нее вѣтрами вороха «перекати-поля». Смотрю за балку: на балконѣ Павлинъ уже не встрѣчаетъ солнце. И меня не встрѣтитъ вольнымъ дикарскимъ крикомъ, не размахнется... Выбралъ другое мѣсто? Нѣтъ, его крика никто не слышитъ. Пропалъ Павка. Все-таки оставалось что-то отъ прежней жизни: грустно поглядывала она глазкомъ павлиньимъ... Уже четвертый день нѣтъ Павки!.. Уходитъ въ прошлое и калѣкадачка учительницы екатеринославской, — послѣднюю раму кто-то вырвалъ...

Я вспоминаю съ укоромъ тотъ тихій вечеръ, когда заголодавшій Павка довѣрчиво пришелъ къ пустой чашкѣ, стукнулъ носомъ... Стучалъ долго. Съ голоду ручнѣютъ. Теперь это всякій знаетъ. И зати-

хают. Такъ и Павка: онъ подошелъ ко мнѣ близко-близко и посмотрѣлъ пытливо:

— Не дашь?..

Бѣдный Павка... Табакъ! чудесный табакъ ламбатскій! Или — не табакъ это, а... Я ни о чемъ не думалъ. Я хищно схватилъ его, вдругъ отыскавъ въ себѣ дремавшую, отъ далекихъ предковъ, сноровку — ловца-звѣря. Онъ отчаянно крикнулъ трубой, страхомъ, а я навалился на него всѣмъ тѣломъ и вдругъ почувствовалъ ужасъ отъ этой красивой птицы, отъ глазастыхъ перьевъ, отъ ея танца, раздражающаго передъ смертью, отъ пустынныхъ, зловѣщихъ криковъ... Я вдругъ почувствовалъ, что въ немъ роковое что-то, связанное со мной... Я давилъ его шелковое синее, скользкое горло, вертлявое, змѣиное горло. Онъ боролся, дралъ мою грудь когтями, билъ крыльями. Онъ былъ силенъ еще, голодный... Потомъ онъ завелъ глаза, затянулъ бѣловатой пленкой... Тутъ, я его оставилъ. Онъ лежалъ набоку, чуть дышалъ и трепеталъ шеей. Я стоялъ надъ нимъ въ ужасѣ... я дрожалъ... Такъ, должно быть, дрожатъ убійцы.

Слава Богу, я не убилъ его. Я гладилъ его по плюшевой головкѣ, по коронованной головкѣ, по атласной шейкѣ. Я поливалъ на него водой, слушалъ сердце... Онъ пріоткрылъ глазокъ и посмотрѣлъ на меня... и дернулся... Ты правъ, Павка,... надо меня бояться. Но онъ былъ слабъ, и не имѣлъ силъ подняться.

Мнѣ теперь будетъ больно смотрѣть на него, и стыдно. Пусть унесутъ его.

Его понесла славная дѣвочка... Теперь ея нѣтъ на свѣтѣ. Сколькихъ славныхъ теперь нѣтъ на свѣтѣ! Она сказала:

— Я знаю, на базарѣ... татаринъ одинъ богатый... Онъ, можетъ быть, возьметъ дѣтямъ.

Я видѣлъ, какъ понесли его, какъ мотался его хвостъ повисшій. Вотъ и конецъ Павлина!

Нѣтъ, не конецъ еще. Онъ пришелъ, воротился, чтобы напоминать мнѣ прошлое — и доброе, и худое. Онъ еще покричалъ мнѣ отъ пустыря.

Съ недѣлю прожилъ онъ гдѣ-то на базарѣ, при кофейнѣ, — все поджидалъ, не возьметъ ли его богачъ-татаринъ. Его не взяли. Поиграли съ нимъ татарскія дѣти. И онъ вернулся на свой пустырь, къ своей виллѣ... Какъ всегда, онъ встрѣтилъ меня на зарѣ пустыннымъ, какъ-будто побѣднымъ крикомъ. А хвостъ?! Гдѣ же твой хвостъ — вѣеръ, радужный хвостъ, съ глазками?

...Эоу-аааа..!

Жалуется? тоскуетъ?.. Отняли хвостъ татарскія дѣти, вырвали. Мнѣ стыдно смотрѣть туда, больно смотрѣть... Не надо ни табаку, ни... ничего не надо. Усмѣшка злая.

Ходилъ онъ по своему пустырю, ограбленный и забитый. И уже не поднимался ко мнѣ черезъ балку, не приходилъ и къ воротамъ: помнилъ. Онъ кормился своимъ трудомъ, гдѣ-то, чѣмъ-то. Теперь ужъ совсѣмъ — ничей. Затерялся въ дняхъ черныхъ, — кому теперь до Павлина дѣло!

Шумитъ Горка: обворовали «Тихую Пристань»! Бѣжитъ въ городокъ Марина Семеновна, остановилась:

— Что только дѣлается... какъ оголились люди! Да благородные! докторова дочка, учительница... на зорькѣ заявилась съ какимъ-то, да изъ флигеля-то хозяйскаго, исправничью мебель поволокла! Слышу — шумятъ по саду, чу-уть свѣтъ! а это они кровать волокутъ! столики... Унесли! Заявлять бѣгу... я хранительница-то всего имѣнья!.. Изъ благороднаго роду, и... «Это, говоритъ, теперь все-общее! Все равно раскрадутъ...» Все ворочу, до гвоздика!

Пришелъ какой-то на пѣтушьихъ ногахъ, въ обмоткахъ, съ винтовкой, тощій. Шелъ мимо сада, попросилъ напиться.

— Крадутъ и крадутъ — всѣ. А я одинъ на весь городишко... хожу чуть живъ. Это нарошно, чтобы зарестовали! Зна-ю ихнюю моду. Только прошибутся! Не зарестоваемъ воровъ, кормить нечѣмъ. Это тебѣ не при Микалаѣ! При царѣ-то бы у насъ весь городъ теперь сидѣлъ! Какъ при царѣ-то баловали! Борщу давали да хлѣба по два фунта! Намедни вотъ взяли короворѣза... Пять дёнъ просидѣлъ — не признается, а пайка ему не полагается. Слабнуть сталъ. Ужъ мы ему и ванную дѣлали, и мусажъ, — не признается!

— Для чего же ванну дѣлали?

— Махонькiи, что ли... не понимаете? Ну, понятно... подбодряли, чтобы только знаку не было... ну, р а с т я ж к у ему дѣлали, руки такъ... — показываетъ человѣкъ съ винтовкой руками. — У насъ строго, при народной власти, не забалуешь... Не признается и — на! Доктора призвали, товарищъ начальникъ говоритъ: помретъ человѣкъ! А тотъ ему: да, отъ голоду помретъ, кормите. А товарищъ начальникъ говоритъ ему, дуролому: «вамъ же говорятъ — пайковъ не полагается»! И придумалъ: въ больницу пишите лицептъ! А оттуда его назадъ: голодной болѣзни не признаемъ! Камедь, ей-богу! На поруки и выпустили. А онъ взялъ да и померъ! Вотъ его теперь и суди! А я что? я человѣкъ подначальный, какъ укажутъ. Чортъ ихъ... глаза бы не глядѣли!..

Глаза бы не глядѣли...

Бѣжитъ сынишка Вербы съ горки, кричитъ-машетъ:

— Павка-то вашъ..! на память!..

Павлинъ... А гдѣ же Павлинъ?.. Что-то не слышно было послѣдніе дни его тоскливыхъ криковъ, не видно было его одинокаго мотанья на пустырѣ. Что такое — на память?

Я вижу сломанное перо съ глазкомъ, новенькое перо, осеннее, явившееся насмѣну. Онъ еще хотѣлъ жить, бѣдняга, своими силами хотѣлъ жить, — ничей.

Я вижу въ рукѣ мальчишки и серебристое — изъ крыла, и розовато-палевое, чудесное!

— На виноградникѣ подобралъ, подъ горкой. Должно быть докторъ съ тычка подшибъ палкой, а перья на виноградникъ выкинулъ... собаки, молъ, разорвали!

Послѣдній привѣтъ — глазокъ. Павка со мной простился — прислалъ напамять. Онъ же былъ такой добрый, онъ такъ довѣрчиво говорилъ — не дашь? И отходилъ покорно. Мы первые съ нимъ начинали утра... Онъ никогда не ушелъ бы, — я первый его покинулъ. И онъ, одинокій, гордый, отъединился на пустырѣ, — ничей. Теперь не будетъ и пустыря — ушелъ хозяинъ.

— Все къ дачѣ доктора, на тычокъ, ходилъ Павка, а у нихъ ни крошки. Вчера у насъ занимать приходили. И что-то жаренымъ пахло, будто индюшкой. А чего имъ жарить?..

Докторъ съѣлъ моего павлина?! Чушь какая... Не дядя ли Андрей? Онъ, вѣдь, недавно спрашивалъ...

— А у насъ другой гусь пропалъ! Это Андрей проклятый, некому больше... Нашъ гусь все въ ихъ садъ забирался, гдѣ у басейна лягушки квакчутъ. Убью! вотъ подстерегу къ ночи да изъ двустволки въ задъ, утятникомъ! Меня не засудятъ, я мальчишка... Скажу, съ курка сорвалось!

Я беру остатки моего — не моего — Павлина и съ тихимъ чувствомъ, какъ нѣжный цвѣтокъ, кладу на верандѣ — къ усыхающему кальвилю. Послѣднее изъ о т ш е д ш и х ъ. Пустоты все больше. Дотепливается послѣднее. А-а, пустяки какіе!..

КРУГЪ АДСКІЙ

Тянется изъ невѣдомаго клубка нить жизни, — теплится, догораетъ. Не таится ли въ томъ клубкѣ надежда? Сны мои — тѣ же сны, нездѣшніе. Не сны ли — моя надежда, намѣчающаяся нить новой, нездѣшней жизни?.. Туда не черезъ Адъ ли ведетъ дорога?.. Его не выдумали: есть Адъ! Вотъ онъ, и обманчивый кругъ его... — море, горы... — экранъ чудесный. Ходятъ по кругу дни, — безцѣльной, безсмѣнной смѣной. Путаются въ дняхъ люди, метутся, ищутъ... выхода себѣ ищутъ. И я ищу. Кружусь по садику, по колючкамъ, ищу, ищу... Черное, неизбывное, — со мной ходитъ. Не отойдетъ до смерти. Пусть и по смерти ходитъ.

Темнѣетъ въ моемъ саду. Молодой мѣсяцъ уходитъ за горбъ горы. Почернѣла Кастель, идетъ съ Бабугана ночь. Подъ нимъ огневая точка — сухая трава горитъ, — подъ будущую пшеницу?.. Не будутъ сѣять пшеницу — послѣднее. Будутъ сѣять другіе, кто выживетъ и дождется тучной земли, тлѣньемъ набравшей силы. Не костеръ ли горитъ подъ Бабуганомъ? Не страшно ему горѣть! Каждую ночь погибаютъ подъ ножомъ, подъ пулей. По всей округѣ, по всѣмъ дорогамъ. А кругъ все узится. Вездѣ доживаютъ люди по пустыннымъ дачкамъ, по шоссейнымъ будкамъ, по хуторкамъ. Застрявшіе дорожные сторожа и сторожихи, былыя прачки, безпомощныя старухи, матери съ мелюзгой сыпучей. Некуда никому уйти. Пойти за горы? дотащиться до перевала и умереть неслышно? Это они могутъ сдѣлать дома. А въ

шоссейной будкѣ чего бояться? Изнасилуютъ дѣвочку? Изнасилуютъ... а можетъ и швырнутъ хлѣба!.. Не убѣжишь изъ круга. Камню молиться, чтобы разверзлись горы и поглотили? пожгло солнцемъ?..

Уйти? Бросить осиротѣвшій домикъ и балочку, гдѣ орѣхъ-красавецъ? Послѣднее поминаніе... Размечутъ, порубятъ, повырываютъ — сотрутъ слѣды. Я не уйду изъ круга.

Табакъ весь вышелъ. Курю цикорій. Кто-то еще покупаетъ книги, но у меня и книгъ нѣтъ, зачѣмъ книги?! А кто-то покупаетъ... кто-то говорилъ недавно про... что? Да, «Большая Энциклопедія»!.. Когда-то и я мечталъ купить «Большую Энциклопедію»! Продавали ее «въ роскошномъ переплетѣ»... Купилъ кто-то по полфунта хлѣба... за томъ! Кто-то еще читаетъ «Большую Энциклопедію»... Да, когда-то писали книги... стояли книги въ роскошныхъ переплетахъ, за стеклами... Теперь я вспомнилъ... у Юрчихи тоже стояли, «въ роскошныхъ переплетахъ». Она и продала за полфунта хлѣба. Зачѣмъ ей книги, хоть и «Большая Энциклопедія»! У ней внучекъ лѣтъ двухъ, — зачѣмъ малышу «Большая Энциклопедія»? Развѣ онъ выростетъ? безъ матери, безъ отца... Старуха голову потеряла... Живетъ у самаго моря, въ глухомъ саду. Сына у ней убили, невѣстка умерла отъ холеры. Живетъ старуха въ щели, съ внучкомъ. Тамъ пустынно, и море шумитъ, шумитъ. Слушаетъ она день и ночь с в о е море. И мужъ и сынъ — моряками были, на с в о е м ъ морѣ. Пришли — и убили сына. Не будь лейтенантомъ! «Пожалуйте, лейтенантъ, за горы, отъ моря, — маленькія формальности соблюсти»! Не уѣхалъ лейтенантъ за море, остался у с в о е г о моря. Не оставили его у моря. Шумитъ оно у пустого сада и день и ночь, не даетъ спать старухѣ. Сидитъ старуха, нахохлилась въ темнотѣ, — слушаетъ, какъ шумитъ море, какъ дышитъ мальчикъ. А жить надо: оставили ей залогъ — мальчикъ! У с в о е г о моря

— мальчикъ... И продала старуха лейтенантову шубу, запрятанную въ камни. Кому-то еще нужна шуба. Хорошая, съ воротникомъ шуба... Не старухѣ же надѣвать ее! А внучекъ когда еще выростетъ съ отца, дорастетъ до шубы! Да еще и убить могутъ... Придутъ и спросятъ:

— А это у тебя чей мальчикъ?

Скажетъ имъ старуха:

— А это вотъ этого... того... сына моего, вотъ котораго вы убили... моряка-лейтенанта россійскаго флота! который родину защищалъ!

— А-а... — скажутъ, — лейтенанта?! Такъ ему... и надо! всѣхъ изводимъ... Давай и мальчишку...

Могутъ. Убили въ Ялтѣ древнюю старуху? Убили. Итти не могла — прикладами толкали — пойдешь! Руки дрожали, а толкали: при-казано! Отъ самого Бэла-Куна свобода убивать вышла! Итти не можешь?! На дроги положили, днемъ, на глазахъ, повезли къ оврагу. И глубокаго старика убили, но тотъ шелъ гордо. А за что старуху? А портретъ покойнаго мужа на столикѣ держала, — генерала, что русскую крѣпость защищалъ отъ нѣмцевъ. За то самое и убили. За что!.. Знаютъ о н и, за что убивать надо. Такъ и Юрчихина внучка могутъ. Вотъ и не нужна шуба. Правильно.

А говорятъ ли о н и по радіо — всѣмъ — всѣмъ — всѣмъ:

«Убиваемъ старухъ, стариковъ, дѣтей, — всѣхъ — всѣхъ — всѣхъ! бросаемъ въ шахты, въ овраги, топимъ! Планомѣрно-побѣдоносно! заматываемъ насмерть»! — ?..

Вчера умеръ въ «Профессорскомъ Уголкѣ» старичокъ Голубининъ... Бывало, въ синихъ очкахъ ходилъ — ерзалъ, брюки старенькія, послѣднія, дрожащей щеточкой чистилъ на порожкѣ... Три мѣсяца выдержали въ подвалѣ... за что?! А зачѣмъ на море

послѣ «октября» пріѣхалъ? бѣжать вздумалъ?! Отмолили старика — выпустили: на ладанъ дышитъ! Привезли вчера къ вечеру, а въ одиннадцать — сподобилъ Господь — померъ въ своей квартиркѣ, чайку попилъ. Хоть чайку удалось попить.

А старуха Юрчиха добрая, какъ ребенокъ. Вымѣняла шубу на хлѣбъ — на молоко — на крупу, — гостей созвала на пиръ: помяните новопреставленнаго! Всѣ приползли на пиръ: хлѣбца попробовать, въ молочко помокать... — нѣтъ шубы! Ходитъ по саду съ внучкомъ, на свое море смотритъ... Придумываетъ — чѣмъ бы еще попотчевать? Стулья да шкафъ зеркальный... Набѣжитъ покупатель какой, съ базара, — отвалитъ хлѣба и молока кувшинъ: опять пріятно на людяхъ ѣсть. А если зима придетъ?.. А можно и безъ зимы... можно устроить такъ, что и не придетъ зима больше...

Ходитъ старуха по садику, внучка за ручку держитъ. На свое море смотрятъ. Разсказываетъ про дѣдушку, какъ онъ по морю плавалъ, — вонъ и портретъ его на стѣнѣ, въ красной рамѣ... Висѣлъ и — уползъ со стѣнки. Пришли — спросили:

— Это у тебя кто, старуха? почему канты на рукавѣ?

— А мужъ покойный... капитанъ, морякъ...

Хотѣли взять капитана. Выплакала старуха: не военный капитанъ, а торговый, дальняго плаванья. Слово только, что — капитанъ!

И запрятала старуха своего капитана въ потайное мѣсто. Кружитъ по саду, кружитъ... — нѣтъ выхода.

Кружу по саду и я. Куда уйдешь?.. Вездѣ все то же!.. Напрягаю воображеніе, окидываю всю Россію... О, ка-кая, безкрайная! Съ морей до морей... все та же! все ту же... точатъ! Ей-то куда уйти?! Хлещетъ повсюду кровь... бурьяны заполонили пашню...

Въ сумеркахъ я вижу подъ кипарисомъ... бѣлѣетъ что-то! Откуда это?! Мятыя папироски... Табакъ!?.. Да, настоящій табакъ!? Добрая душа прислала... папироски... Это, конечно, Марина Семеновна, кто же больше?.. Она, конечно. Вчера она спросила меня — развѣ я курить бросилъ? Принесъ папиросы Вадикъ, не смогъ отворить калитку, не докричался... — и бросилъ черезъ шиповникъ, милый... Вотъ, спасибо. Табакъ чудесно туманитъ голову...

НА «ТИХОЙ ПРИСТАНИ»

Въ густѣющихъ сумеркахъ я иду на «Тихую Пристань». Она успокаиваетъ меня. Тамъ — дѣти. Тамъ — хоть призрачное — хозяйство. Тамъ — слабенькая старушка еще пытается что-то дѣлать, не опускаетъ руки. Ведетъ послѣднюю скрипку разваливающагося оркестра. У ней — порядокъ. Всѣ часы дня — ручные, и солнце у ней — часы.

Козу уже подоили. Старушка загоняетъ утокъ — четыре штуки. Сидитъ подъ грушей дядя Андрей, темный хохолъ, куритъ и сплевываетъ въ колѣни. Въ новомъ своемъ костюмѣ — изъ парусины исправника, въ мягкой, его же, шляпѣ.

— И вамъ не стыдно, дядя Андрей, — слышу, отчитываетъ его Марина Семеновна. — А по-нашему, это воровствомъ называется!...

— Ско-рые вы на слово, Марина Семеновна... — отвѣчаетъ дядя Андрей — заносится. — А чого робить, по-вашему? Я жъ голодрабецъ, оборвався, якъ... песъ! А кому тэпэрь на стульчикахъ лежать-кохаться? Нема вашихъ пановъ-паничей, четыре срока на чердачкѣ пустоваютъ... Ну, товарищи заберуть... легше вамъ съ того будэ? И потомъ... вже усенароднее, какъ сказать...

— Какъ вы испоганились, дядя Андрей! Вы жъ были честный человѣкъ, работали на виноградникахъ, завели корову...

— Ну, шшо вы мнѣ голову морочите? Ну, какая тэпэрь работа? И сезонтъ кончился... Пойду по веснѣ на степъ!

— Ничего не найдете на степу! ни-чего! Экономіи пустуютъ, мужики на себя сами управятся...

— Вѣрно говорите. Ну, и... такъ и сгадываю... чого мэнэ робить? ну, чого? лысаго біса тѣшить?... Нѣтъ у васъ сердца настоящаго!

Молчаніе. Утки вперевалочку подвигаются на ночлегъ.

— Якихъ утенковъ навоспитали... съ листу, будто! Ужъ вы не иначе слово какое умѣете... волшебное...

— Слово, голубчикъ... — сердится Марина Семеновна — За-бо-та! вотъ мое какое слово! Я чужое не отбираю, винцо не сосу...

— О-пять — двадцать пять... Я съ вами душевный разговоръ имѣю, а вы... свербите! Вино я на свои пью... я поросенка вымѣнялъ кровнаго... А что такое парусина? Полковникъ померъ.... Не помри онъ — здѣсь ему часу не жить! вразъ конецъ, какъ онъ былъ исправникъ. Намъ ученые люди говорили... по-лиція тамъ, попы... купцы, офицеря... — всѣхъ чтобы, до корня! Самые умные соціалисты... Изъ васъ потомъ всего понадѣлаемъ по свому хвасо-ну! До слезъ кричали! У Севастополи... Помогайте намъ — все ваше будэ... Ну? и чья тэпэрь, выходитъ, парусина? Вы — богачка противъ меня... а все парусиной тычете!

— Это я-то, богачка? Да вы лучше спать ступайте...

— Это ужъ я самъ знаю, чего... спать ли...

— Вы не выражайтесь похабнымъ словомъ!

— От-то-то-то!.... Вы... буржуйка противъ меня! Голому мнѣ ходить? при васъ да безъ портковъ? А мнѣ стыдно!...

— Охъ, дядя Андрей! Попомните вы мое слово... подохнете! будутъ васъ черви ѣсть!

— Черви... она усякого будэ исты... по писанію Закона! И васъ будэ исты, и грахва усякого, и... псяку. А поросенка я вымѣнилъ, себя обезпечилъ... не будетъ вамъ непріятности черезъ его. А выпилъ я по

семейной непріятности, сказать... Я ей голову отмотаю, Лизаветѣ, за мою корову! Хочь ее дѣвчонка, падчеря моя... съ матросомъ спуталась... мнѣ теперь на...плевать! Моя корова!

Жабы въ худомъ водоемѣ начинаютъ кряхтѣть — кто громче. Кряхтитъ и дядя Андрей. Когда онъ пьянъ, начинаетъ въ немъ закипать смутная на что-то досада-злость.

— Вамъ, дядя Андрей, время на другой бокъ валиться. На которомъ вчера лежали?

— А что вы объ себѣ такъ понимаете? Бокъ-бокъ... Хочу — на брюхо, хочу, — на....... лягу! Не закажете!

— Не смѣйте мнѣ худыхъ словъ говорить!

— И вы мнѣ голову не морочьте, что могете сады садить! Не могете вы сады садить. А я по документу могу... отъ управленія... Государственныя Имущества! И печати наложены! Я на Альмѣ у генерала Синявина садилъ, а онъ, задави его болячка... не могъ! Онъ поученому, а я изъ прахтики!

— Знаю я Синявина, очень хорошо знаю... и не врите!..

— Вы все-о знаете... А вотъ вы чого не знаете! Какъ матросики въ восемнадцатомъ году налетѣли... Первый допросъ: — «У васъ сады огромадные? кровь народную пьете... исплотація? Намъ все извѣстно по телеграхву»! — заразъ повели въ сады! А у него стро-го было, по-рядку требовалъ... не дай Боже! Встрѣваютъ меня немедленно: что вы за человѣкъ? Ну, наймытъ... ну? — Строгой? — Баринъ строгой, говорю. Порядокъ требуютъ. — Ладно, будетъ ему порядокъ! — А былъ дотошный... На усякомъ езенплярѣ обязательно чтобы ярлыкъ, и про насѣкомое знали. Заплакалъ, какъ его въ сады привели. Погибнутъ мои сады! Дозвольте мнѣ, говоритъ, съ любимой грушкой проститься... первый разъ на ней плодъ вяжется! — Трогательно какъ, до совѣсти... Допрашиваютъ матросы: — А которое ваше дерево дорогое-

любимое? — А вотъ это! — А у нихъ была гру-ша, отъ ливадійскихъ сортовъ привита. — Ведите меня къ грушѣ — «Императрисъ»! — А тѣ смѣются. Привели. — Самая эта? — Эта. — Только зацвѣтать сбирается! Дюжій одинъ, ка-акъ насутужился... — рразъ, съ корнями! — Вотъ вамъ — Императрисъ! Изъ винтовки, двое пришли — вразъ. Контриканеръ! Гляжу — го-товъ генералъ Синявинъ, Михаилъ Петровичъ! Понтсигаръ изъ брюкъ вынули... А еще были у нихъ гуси съ шишками на клювѣ, китайскаго заводу... Гусей на штыкѣ пожарили. Пиръ былъ....

— И вы попировали....

— Ну, я... за упокой души, сказать... помянулъ. Жалости подобно! Понтсигаръ былъ знаменитый, съ миногрaмой, отъ учениковъ дареный. За обученье про насѣкомое. Вредъ очень понимали для садовъ. И все съ ножичкомъ, бывало, ходютъ. И какой сучокъ вредный, заразъ — чикъ! Са-ды у насъ были...

— А чего вы съ ними сдѣлали! И съ людьми, и съ садами?.. Молчите, не переговорите меня! А теперь — нѣтъ работы?! Да побій меня Боже, да чтобы васъ загодя черви не съѣли...

— Да ето усе полытика, Марина Семеновна! Я жъ говорю, усе глупая полытика. А мы шо? Мы... намъ Господь какъ положилъ? Усѣ православные христіяне... шобъ каждый трудывся... А ужъ за свою корову... голову ей, гадюкѣ, отмотаю! Надо и о зимѣ подумать... Ладно!...

У него назрѣваетъ драма — всѣмъ извѣстно.

Съ революціей дядя Андрей «занесся». Пришелъ съ Альмы, изъ-подъ Севастополя, къ женѣ — къ Лизаветѣ-чернявой, — служила она при пансіонѣ. Не пришелъ, а верхомъ пріѣхалъ! Не вышло изъ него дрогаля, да и возить стало нечего, — лошадь продалъ. Пробовали съ Одарюкомъ спиртъ гнать — и тутъ не вышло. И сталъ дядя Андрей при Лизаветѣ жить, при коровѣ. Вырастила Лизавета великими тру-

дами корову, съ телушки воспитала. Выдала дѣвчонку Гашку за матроса-головорѣза, съ морского пункта. Тутъ-то дядя Андрей и напоролся: думалъ корову себѣ забрать, на свое хозяйство садиться, а тутъ — матросъ!

— А въ чеку?! Выведу въ расходъ въ двѣ минуты! Это тебѣ не господинъ Синявинъ!

Засѣло семь человѣкъ матросовъ въ наблюдательный пунктъ, на докторскую дачу, — смотрѣть за моремъ: не идетъ ли корабль контр-революціонный! Выгнали доктора въ пять минутъ, пчелъ изъ улья швырнули-подавили, медъ поѣли. Садъ весь запакостили въ отдѣлку. Семеро молодцовъ — бугай-бугаемъ.

— Командное у насъ дѣло! На море въ бинокли смотримъ!

Народъ отборный: шеи — бычьи, кулаки — свинчатки, зубы — слоновая кость. Ходятъ — баркасъ-баркасомъ, перекачиваются, — дѣвкамъ и сласть, и гибель. На пальцахъ перстни, на рукахъ часики-браслетики, въ штанахъ отборные портсигары — квартирная добыча. Кругомъ голодъ, у матросовъ — бараньи тушки, сала, вина — досыта. Дѣло сурьезное — морской пунктъ!

Попала Лизавета подъ высокую руку. Забралъ къ себѣ въ пунктъ матросъ дѣвку Гашку, забралъ и приданое — корову, поставилъ въ подвалъ подъ пунктъ. Сталъ матросъ молоко пить, дѣвку любить. И сѣлъ дядя Андрей на мель: не возьмешь матроса!

Ходятъ матросы веселые, гладкіе, по ночамъ изъ винтовокъ въ море палятъ, по садамъ остатнія розы дорываютъ — для дамъ сердца.

— Роза — царица цвѣтовъ, народное достояніе!

Пожгли заборы, загадили сады — доломали. Пошли по садамъ догладывать коровы.

— Коровы — народное достояніе!

Пошли пропадать коровы.

Вотъ и надумываетъ дядя Андрей, какъ овладѣть коровой.

— Изъ-подъ земли достану! Судъ теперь нашъ народный!

Уходитъ дядя Андрей къ себѣ, въ исправничью дачку-флигель. Мы сидимъ въ темномъ дворикѣ, подъ верандой. Вадикъ и Кольдикъ спятъ. «Прелесть» и «Бубикъ-Сударь» — въ надежной крѣпости.

— На глазахъ погибаетъ человѣкъ... — говоритъ съ сердцемъ Марина Семеновна. — Говорю ему: налаживайте хозяйство! Видите, я — старуха, и то борюсь, а вы и свой и мой огородикъ стравили поросенку, лѣнь поливать стало! Говоритъ: порядку нѣтъ, не сообразишься! Вотъ гдѣ развалъ всего! Мы еще напрягаемъ послѣднія силы, а онъ готовъ. Какъ мухи гибнутъ! А все кричали — на-ше!

Меня трогаетъ это упорное цѣплянье, борьба за жизнь. Не удержать ей мотыжку! Я беру ея сухенькую руку, благодарю за табакъ.

— Жизнь умирать не хочетъ, — говоритъ она съ болью. — Ей нужно, нужно помочь!...

Не можетъ она повѣрить, что жизнь хочетъ покоя, смерти: хочетъ покрыться камнемъ; что на нашихъ глазахъ плыветъ, какъ снѣгъ на солнцѣ. На ея глазахъ умираетъ «Розовое Царство», валится черепица, тащутъ изъ плетня колья, рубятъ въ саду деревья. Чудачка... Останутся только разумные?! Останутся только — дикіе, сумѣютъ урвать послѣднее. Я не хочу тревожить вѣрующую душу, — у ней внучки...

Приходитъ учительница съ добычи. Приноситъ падалку и мѣшокъ виноградныхъ листьевъ. Съ утра она ничего не ѣла. Она хочетъ испечь лепешку. Хотятъ угостить меня. Спасибо, я ѣлъ сегодня. Я даже пилъ молоко! Откуда? А добрая душа принесла — сказала:

— Курочки занесутся, можетъ... яичкомъ отдадите.

Нѣтъ, мои курочки никогда не занесутся. Онѣ все таютъ, не обрастаютъ зимнимъ перомъ: и на перо нѣтъ силы.

ЧАТЫРЪ-ДАГЪ ДЫШИТЪ

Всю ночь дьяволы громыхали крышей, стучали въ стѣны, ломились въ мою мазанку, свистали, выли...
— Чатыръ-Дагъ ударилъ!

Вчера кроткое облачко лежало на его гребнѣ. Сегодня онъ бурно «дышитъ». Послѣдняя позолота слетѣла съ горъ — почернѣли онѣ зимней смертью. Вымело догола кругомъ, и хоронившіяся за сѣнью дачки пугливо забѣлѣли. Теперь не спрячешься, когда Чатыръ-Дагъ дышитъ. Сколько же ихъ раскидано, сиротъ горькихъ! Вышли изъ лѣсовъ камни — смотрятъ. Теперь будутъ лежать — смотрѣть. Открыли горы каменные глаза свои, недвижные и пустые... Когда Чатыръ-Дагъ дышитъ, всѣ горы кричатъ — готовься! Татары это давно знаютъ. И не боятся.

Теперь всѣ боятся. Готовься! Къ смерти? Къ чему же еще готовиться?..

Вѣтеръ гонитъ меня къ татарину — просить зерна за рубашку, проданную еще лѣтомъ. Не дастъ... Хоть табаку достану.

Туда, черезъ городокъ, подъ кладбище. Иду по балкамъ, — глядятъ зѣвами на меня. Виноградники ощетинились черными рогами — отдали чубуки на топливо. Вотъ и сарай-дача, у пшеничной котловины, — жило здѣсь Рыбачихино семейство.

Прощай, Рыбачихино семейство! Потащились дѣвчонки за перевалъ, поволокли тощее свое тѣло — кому-нибудь на радость. Гудитъ вѣтеръ въ недостроенной дачѣ, въ пустомъ бетонѣ. Воетъ въ своей лачугѣ Рыбачиха, — надъ мальчикомъ, надъ трех-

лѣткой плачетъ, дѣтолюбивая. Я знаю ея горе: померъ мальчикъ. Послала судьба на конецъ дней радость: къ полдюжинѣ дѣвчонокъ прикинула мальчишку, — придетъ время, будетъ съ отцомъ въ море ѣздить!

Приходила на Горку дѣвочка отъ Рыбачихи, плакалась:

— Одинъ вѣдь онъ у насъ, мальчишка-то... всѣ жалѣемъ! Помреть — больше мать-то и сродить не сможетъ... ужъ очень теперь харчи плохіе! Мать-то у насъ еще крѣпкая, тридцать два годочка... еще бы сколько народила, на харчахъ-то...

Все поѣли: и корову, и пай артельный. Померъ на прошлой недѣлѣ Рыбакъ, наѣлся виноградного жмыху досыта, на сковородкѣ жарилъ. Народилъ дѣтей полонъ баркасъ, дождался, наконецъ, своей власти и... ушелъ въ дальнее плаваніе, а дѣтей оставилъ.

Гонитъ меня, сшибаетъ вѣтромъ отъ Чатыръ-Дага. Проволока путается въ ногахъ, сорванная съ оградъ. Не думаю я о вѣтрѣ. Стоитъ передо мной Николай, рыбакъ старый. На морѣ никогда не плакалъ, а гоняло его штормягами и подъ Одессу, и подъ Батумъ, — куда только не гоняло! А на землѣ заплакалъ. Сидѣлъ у печурки, жарилъ «виноградные пироги». Сбились дѣвчонки въ кучку. Сидѣлъ и я у печурки, смотрѣлъ какъ побитымъ сизымъ кулакомъ мѣшалъ на сковородкѣ старикъ «сладкую пищу». Разсказывалъ, — цѣдилъ по слову — какъ ходилъ поговорить начистоту съ представителемъ своей власти, съ товарищемъ Дерябой...

— Они... въ Ялы-Бахчѣ... все управленіе... сколько комнатъ! а мы... дожидаемъ... изъ комнаты въ комнату насъ... гоняютъ... то дѣвки стрыженыя... то мальчишки съ этими... левонверами... печатками все стучатъ... хазяева наши новые... невѣдомо откуда.... въ

гробъ заколачиваютъ... съ бородкой ни одного не видалъ, солиднаго... все шатія....

Понимаю твою обиду, старикъ... понимаю, что и ты могъ заплакать. Отъ слезъ легче. Калѣчный, кривобокій, просоленный моремъ, ты-таки добился до комнаты № 1, — прошелъ всѣ камни, всѣ нужныя лавировки сдѣлалъ и потянуло тебѣ удачей: увидалъ товарища Дерябу! Крѣпкаго, въ бобровой шапкѣ, въ хорьковой шубѣ — за заслуги передъ тобой! — широкорожаго, зычнаго товарища Дерябу! Ты, чудакъ, товарищемъ называлъ его, душу ему открылъ... разсказалъ, что у тебя семеро голодаютъ, а ты — больной, безъ хлѣба и безъ добычи. Надоѣлъ ты ему, старикъ. Не надо было такъ хмуро, волкомъ, ворчать, что обѣщала власть всѣмъ трудящимъ...

Сказалъ тебѣ товарищъ Деряба:

— Что я вамъ... рожу хлѣба?!

Кулакомъ на тебя стучалъ товарищъ Деряба. Не далъ тебѣ ни баранины, ни вина, ни сала. Не подарилъ и шапки. А когда ты, морякъ старый, сѣлъ въ коридорѣ и вытянулъ изъ рваныхъ штановъ грязную тряпицу, мимо тебя ходили въ офицерскихъ штанахъ-галифэ, послѣ разстрѣловъ подѣленныхъ, и колбасу жевали. А ты потиралъ гноившіеся глаза и хныкалъ, поводилъ носомъ, потягивалъ колбасный запахъ...Взяло тебя за сердце, остановилъ ты одного, тощенькаго, съ ноганомъ, и попросилъ тоненькимъ голоскомъ — откуда взялся! —

— Товарищъ... Весной на митингѣ... про народъ жалѣли, приглашали къ себѣ... Припишите ужъ все семейство въ партію... въ кумунисты... съ голоду подыхаемъ!..

Тебѣ повезло: попалъ ты на секретаря товарища Дерябы. Спросилъ тебя секретарь съ ноганомъ:

— А какой у васъ стажъ, товарищъ?

Ты, понятно, простакъ, не понялъ, что надъ тобой смѣются. Ты и слова-то того не понялъ. А если бы ты

и понялъ, ну, что сказалъ бы? Твой стажъ — полвѣка работы въ морѣ. Этого, старикъ, мало. Твой стажъ — кривой бокъ, разбитый, когда ты упалъ въ трюмъ на погрузкѣ, руки въ мозоляхъ, ноги, разбитыя зимнимъ моремъ... И этого, чудакъ, мало! У тебя нѣтъ самаго главнаго стажа — не пролилъ ты ни капли родной крови! А у т о г о имѣется главный стажъ: разстрѣливалъ по подваламъ! За это у него и колбасы вдоволь. За это и съ ноганомъ ходитъ, и говоритъ съ тобой властно!

Ты поднялся, оглянулъ живые его глаза — чужіе, его тонкія и кривыя ноги... И хрипнулъ:

— Значитъ, дохнуть?! Да хошь ребятъ возьмите!

Ты грозилъ привести ребятъ. Тебѣ сказали:

— Приведи, твое дѣло. Выведемъ на крыльцо...

Ты крикнулъ ему угрозу:

— Та-акъ?! Въ море кину!..

— Дѣти твои, кидай! Вотъ чудакъ... если всѣмъ нехватаетъ!

Пошелъ ты къ себѣ, спустился въ свою лачугу... Не пошелъ къ рыбакамъ своимъ: у всѣхъ ты позабиралъ, а теперь и у нихъ пусто. Наѣлся жмыху и померъ. Спокойнѣй въ землѣ, старикъ. Добрая она — всѣхъ принимаетъ щедро.

Валитъ меня вѣтромъ на виноградникѣ, на лошадиныя кости. Стоятъ на площадкѣ, на всѣхъ вѣтрахъ, остатки дачки-хибарки Ивана Московскаго, — двѣ стѣнки. За ними передохнуть можно. Когда Чатыръ-Дагъ дышитъ — дышать человѣку трудно. Смотрю — хоронится отъ вѣтра, Пашка, рыбакъ, лихой парень. Тащитъ домой добро — вымѣнилъ гдѣ-то на вино пшеницы, сверху запустилъ соломки, чтобы люди не кляли.

— Ну, какъ живется?

Онъ ругается, какъ на баркасѣ:

— А-а...... подъ зябры взяли, на куканѣ водятъ! Придешь съ моря — все забираютъ, на всю артель

десять процентовъ оставляютъ! Ловко придумали — коммуна называется. О н и правютъ, своимъ мѣста пораздавали, пайки гонять, а ты на ихъ работай! Чуть что — подваломъ грозятъ. А мы... — насъ шестьдесять человѣкъ дураковъ-рыбаковъ, — молчимъ. Глядѣли — глядѣли... не желаемъ! Еще десять процентовъ прибавили. Запасу для себя не загонишь, рыба-то временемъ ходъ имѣетъ. Пойдешь въ море — ладно, думаешь, выгрузимъ, гдѣ поглуше, — стерегутъ! Пристали за «Черновскими Камнями», только баркасъ выпрастывать принялись, — и ужъ о н ъ тутъ какъ тутъ! «Это вы чего выгружаете? противъ власти?!» Ахъ, ты, паршивый! Раза далъ... н е дыхнулъ бы! А за и м ъ — стража! Наши же сволочи, красноармейцы, съ винтовками изъ камней лѣзутъ! За то имъ рыбки даютъ... Отобралъ! Да еще рѣчь произнесъ, ругалъ: пролетарскую дисциплину подрываете! Комиссаръ, понятно...

— Власть-то в а ш а.

Пашка сверкнулъ глазами и стиснулъ зубы.

— Говорю — подъ зябры ухватили! А вы — в а - ш а! Всю нашу снасть, дорожки, крючья, баркасы — все забрали, въ Комитетъ, подъ замокъ. Прикажутъ: выходи въ море! Рабочіе сапоги какъ на берегъ сошли, — отбираютъ! Совсѣмъ рабами подѣлали. Ладно, не выѣзжать! Въ подвалъ троихъ посадили, — некуда податься! Депутата послали въ центръ, шумъ сдѣлали... Три недѣли въ море не выходили! Отбили половину улова, а ужъ ходъ камсы кончился. Седьмой мѣсяцъ и вертимся, затощали. Что выдумали: — «Вы — говорятъ — весь городъ должны кормить, у насъ коммуна»! Присосались — корми! Бѣлужку какъ-то закрючили... — выдали по кусочку мыла, а бѣлужку... въ Симферополь, главнымъ своимъ, въ подарокъ! Бы-ло когда при царѣ?! Тогда намъ за бѣлужку, бывало... любую цѣну, какъ Ливадія знакъ подастъ! Свобода-то когда была, мать

ихъ...! Да раньше-то я на себя, ежели я счастливый, сколько могъ добывать? У меня тройка триковая была, часы на двѣнадцати камняхъ, сапоги лаковые... отъ дѣвокъ отбою не было. А теперь вся дѣвка у н и х ъ, на прикормѣ, какихъ полюбовницъ себѣ набрали... изъ хорошаго даже роду! Попа нашего два раза забирали, въ Ялты возили! Ужъ мы ручательство подавали! Намъ безъ попа нельзя, въ море ходимъ! Уйду, мочи моей не стало... на Одестъ подамся, а тамъ — къ Румынамъ... А что народу погубили! Которые у Врангеля были по мобилизаціи солдаты, раздѣли до гульчиковъ, разули, голыми погнали черезъ горы! Пла-кали мы, какъ сбили ихъ на базарѣ... кто въ одѣялкѣ, кто вовсе дрожитъ въ одной рубахѣ, безъ нижняго... какъ надъ людями измывались! Въ подвалахъ морили... потомъ, кого разстрѣлили, кого куда... не доищутся. А всѣхъ, кто въ милиціи служилъ изъ хлѣба, простые же солдатики... всѣхъ до единаго разстрѣлили! Сколько-то тыщъ. И все этотъ проклятый... Бэла-Кунъ, а у него полюбовница была, секретарша, Землячка прозывается, а настоящая фамилія неизвѣстна... вотъ звѣрь, стерьва! Ходилъ я за одного хлопотать... показали мнѣ тамъ одного, главнаго чекиста... Михельсонъ, по фамиліи... рыжеватый, тощій, глаза зеленые, злые, какъ у змѣи... главные эти трое орудовали... безъ милосердія! Мой товарищъ сидѣлъ, разсказывалъ... Ночью — тревога! Выстроятъ на дворѣ всѣхъ, придетъ какой въ красной шапкѣ, пьяный... Подойдетъ къ какому, глянетъ въ глаза... — р-разъ! — кулакомъ по мордѣ. А потомъ — убрать! Выкликнутъ тамъ сколько-нибудь — въ расходъ!

Я говорю Пашкѣ:

— Вашимъ же именемъ все творится.

Нѣтъ, онъ не понимаетъ.

— Вашимъ именемъ грабили, бросали людей въ море, разстрѣливали сотни тысячъ...

— Стойте! — кричитъ Пашка. — Это самые паскуды!

Мы стараемся перекричать вѣтеръ.

— Ва-шимъ же... именемъ!

— Подмѣнили! окрутили!

— Воспользовались, какъ дубиной! Убили лучшее, что въ народѣ было... поманили васъ на грабежъ... а вы предали своихъ братьевъ!.. Теперь вамъ же на шею сѣли! Заплатили и вы!.. и платите! Вонъ и Николай заплатилъ, и Кулешъ, и...

Онъ пучитъ глаза на меня, онъ уже давно самъ ч у е т ъ.

— На Волгѣ ужъ... милліоны... заплатили! Не проливается даромъ кровь!.. Возмѣ-рится!

— Дуракъ нашъ народъ... — говоритъ Пашка, хмурясь. — Вотъ когда всѣхъ на берегу выстроятъ да въ руки по ложкѣ дадутъ, да прикажутъ — море выхлебывай, туды-тъ твою растуды-тъ!.. — вотъ тогда поймутъ. Теперь видимъ, къ чему вся склока. Кому могила, а и м ъ свѣтелъ день. Уйду! На Гирла уйду, ну ихъ, къ ляду!..

Пашка забираетъ мѣшокъ. Только теперь я вижу, какъ его подтянуло, и какъ обносился онъ.

— Пшени-чка-а... Пять верстъ гнались...

Голосъ срываетъ вѣтромъ. Онъ безнадежно машетъ и пригибается отъ вихря къ землѣ, хватается за рогульки на виноградникѣ, путается за нихъ ногами.

Дальше, ниже. Вотъ и миндальные сады доктора. Въ вѣтрѣ мальчишки рубятъ... а, пусть! Прощай сады! Не зацвѣтутъ по веснѣ, не засвищутъ дрозды по зорямъ. Шумитъ Чатыръ-Дагъ — ...долло...йййййй!.. — сѣверъ по садамъ свищетъ, реветъ въ порубкахъ... И море черезъ сады видно... — погналъ Чатыръ-Дагъ на море купать барашковъ! Визжатъ-воютъ голые

миндали, сѣкутся вѣтками, — хлещетъ ихъ Чатырь-Дагъ бичами — до-лойййй... — давній пустырь зоветъ, стираетъ сады миндальные, воли хочетъ. Забился подъ горку докторъ... да живъ ли?...

Вѣтромъ срываетъ меня съ тропинки, и я круто срываюсь въ балку, цапаюсь за шиповникъ. Вотъ куда я попалъ! Ну, что же... зайду проститься — совершаю послѣдній кругъ! Взгляну на праведницу въ проклятой жизни...

ПРАВЕДНИЦА-ПОДВИЖНИЦА

Лачуга, слѣпленная изъ глины. Сухія мальвы треплются на вѣтру, тряпки рвутся на частоколѣ. Одноногій цыпленокъ уткнулся головкой въ закрытую сараюшку, стынетъ — калѣка. И все — калѣчное. На крышѣ — флюгеръ, работа покойнаго Кулеша-сосѣда, — арапъ желѣзный подрыгиваетъ, лягаетъ ногой серебряной, сапогомъ: веселенькая работа-даръ. Померъ Кулешъ, и сапожникъ померъ, Прокофій, что читалъ Библію. Остался арапъ желѣзный лягать сапогомъ вѣтеръ.

Позналъ Прокофій Антихриста — и померъ. Знаю, какъ онъ померъ. Все ходилъ по заборамъ, по пустымъ окнамъ — читалъ приказы, разглядывалъ печати: «антихристову печать» отыскивалъ. Придетъ въ лачугу и сядетъ въ уголъ.

— Ну, чего ты, Прокофья... вонъ починка! — скажетъ ему жена Таня.

— Де-кретъ! декретъ!! — шепчетъ Прокофій въ ужасѣ. — Полотенца, рубахи приносить велитъ! Жду, все жду...

— Ну, чего ждешь-то, глупый? Хоть бы пожалѣлъ дѣтей-то..!

— Знака настоящаго жду... тогда..!

— Измучилъ ты меня!... Ну, какого тебѣ знака еще... Господи!

— Декретъ готовитъ! Кресты чтобы ему приносили, тогда и печать положитъ... Слѣжу...

Понесъ Прокофій полотенце — «по декрету». Подалъ полотенце.

— А рубахи нѣту? — спросили. — Рубахи очень нужны шахтерамъ, товарищъ!...

— По-слѣдняя! — дрогнувшимъ голосомъ сказалъ Прокофій и приложилъ руку къ сердцу. — А когда крестъ... снимать будете?

Его хотѣли арестовать, но знающіе сказали, что это сумасшедшій сапожникъ. Онъ вышелъ на набережную, пошелъ къ военному пункту и запѣлъ — «Боже, Царя Храни»! Его тяжко избили на берегу, посадили въ подвалъ и увезли за горы. Онъ скоро померъ.

Я смотрю на сиротливую лачугу. Вотъ плетешокъ на обрывчикѣ — его работы. Пустой хлѣвокъ: давно проданы свинки, послѣднее хозяйство. «Одноножка» одна осталась — дѣтямъ. Двѣ дѣвочки-голоножки возятъ на ниточкахъ щепки — играютъ въ пароходы. За окошкомъ мальчикъ грозится сухою косточкой.

Я хочу повидать Таню. А, вотъ она. Куда собралась она въ такой вѣтеръ, сдувающій съ горъ камни? Она стоитъ на порогѣ — уже въ пути.

— Здравствуйте. А я за горы, вино мѣнять...

На ней кофта, на головѣ ситцевый платокъ, босая. За спиной — боченокъ на полотенцѣ, пудовый. На груди, на веревкахъ, перевитыя тряпками — чтобы не побились! — четыре бутылки. Походное снаряженіе.

Я понимаю, что значитъ это — «за горы». За полсотни верстъ, черезъ перевалъ, гдѣ уже снѣгъ выпалъ, она понесетъ трудовое свое вино, — потащитъ черезъ лѣса, черезъ мосты надъ оврагами, гдѣ боятся ѣздить автомобили. Тамъ останавливаютъ проѣзжихъ. Тамъ — зеленые, красные, кто еще?... Тамъ висятъ надъ желѣзнымъ мостомъ, на сучьяхъ, — семеро. Кто они — неизвѣстно. Кто ихъ повѣсилъ — никто не знаетъ. Тамъ прочитываютъ бумаги, выпрастываютъ карманы... Коммунистъ? — въ лѣсъ уводятъ. Зеленый? — укладываютъ на мѣстѣ. Гражданинъ? — пошлину за-

плати, ступай. Тамъ волчья грызня и свалка. Незатихающій бой людей желѣзнаго вѣка — въ камняхъ.

И она, слабенькая, мать Таня, — идетъ туда. Сутки идетъ — не ночуетъ, не останавливается, несетъ и несетъ вино. Выгадаетъ пять фунтовъ хлѣба. Идетъ оттуда съ мукой. А черезъ три дня опять — вино, и опять горы, горы....

— Трудно. Да вѣдь дѣ-ти... Пять разъ ходила, въ шестой. Сплю когда, во снѣ вижу — иду, иду.... лѣсъ да горы, а вино за спиной — буль-буль... плещется. Когда идешь — спишь... буль-буль... Ноги обила, а обувку гдѣ же! Кормимся...

Когда-то она жила, какъ люди, стирала на пріѣзжихъ. Чисто водила дѣтей, сытенькія всегда были. Прокофій сапожничалъ, читалъ Библію и поджидалъ Правду. Пришла — навалила камень.

— Не обижаютъ на дорогѣ?

— Всего бывало. Вышли изъ лѣсу, остановили. Ну, еще молодая я... «Пойдемъ жить въ лѣсъ съ нами»! — Дѣти у меня, говорю, а то бы съ вами осталась! — Посмѣялись, хлѣбушка дали... Попались добрые люди, страдающихъ понимаютъ...

— «Зеленые», что не хотятъ неволи?

— А не знаю... — робко говоритъ Таня. — Одинъ сала кусокъ сунулъ. Говоритъ — снести дѣтямъ... у меня, говоритъ, тоже дѣти.... А то было, подъ городомъ... вотъ дойду!.. вино у меня отняли... Въ ногахъ валялась... — «Молчи, говоритъ, спикулянка»! Пошла назадъ, холодная-голодная, насилу добралась... Спасибо, татаре въ долгъ опять вина дали.

Звѣри, люди — всѣ одинаковы, съ лицами человѣчьими, бьются, смѣются, плачутъ. Выдерутся изъ камня — опять въ камень. Камней, лѣсовъ и бурь не боится Таня. Боится: потащатъ въ лѣсъ, досыта насмѣются, вино все выпьютъ, ее всю выпьютъ... — ступай, веселая!

— Приду — испеку имъ хлѣбца. Ѣдятъ, меня дожидаются, одни...

Когда-то мальвы въ саду цвѣли, голуби ворковали, постукивала швейная машинка. Когда-то она, нарядная, ходила съ Прокофіемъ къ обѣднѣ, дѣвочекъ вела за ручки, а Прокофій несъ на рукахъ наслѣдника.

— Боюсь — не выдержу. Только судьбу обманываю. Если помощи не дадутъ — всѣ погибнемъ.

Востроносенькая, синеглазая, привѣтливая, она недавно была красива. Теперь — скелетъ большеглазый. Большеглазы и дѣвочки. Спасется, если приметъ повадившагося заглядывать толстошею-матроса съ пункта. Пусть, хоть матросомъ спасетъ семью. Все летитъ въ прахъ, горитъ.

— Ну, живите... хлѣбца я вамъ порѣзала, по бумажкамъ. Христосъ съ вами... Сосѣдка заглядываетъ когда...

Прощай, подвижница!

На меня смотритъ дѣвочка, показываетъ на щепку:

— Па... ла... ходъ... у-у-у...

Мальчикъ косточкой по стеклу стучитъ.

Ушла Таня. Смотрю на Чатыръ-Дагъ, — ясный-ясный. Тамъ выпалъ снѣгъ. Туда, за его громаду, полѣзетъ съ боченкомъ Таня, а онъ будетъ ее сдувать. Будутъ орлы кружиться. А вино — весело за спиной — буль-буль-буль...

ПОДЪ ВѢТРОМЪ

Миндальные сады доктора... Надо зайти проститься. Я совершаю послѣдній кругъ, послѣднее нисхожденіе. Дѣлать внизу мнѣ нечего: сидѣть на горѣ легче.

Охлестываетъ меня вѣтвями, воетъ-визжитъ кругомъ. Показываетъ и прячетъ синее море — играютъ на немъ барашки. Бѣлѣетъ черезъ деревья домъ доктора. Дубовыя колоды вдѣланы на вѣка. Стѣны — крѣпость. Водоемы хранятъ и въ жары студеную — зимнихъ дождей — воду. Продалъ докторъ свой крѣпкій домъ и перебрался въ новый — изъ тонкихъ досокъ, — въ скворешникъ-гробикъ.

А вотъ и докторъ. Онъ стоитъ передъ домикомъ, неподвижно, раскинувъ руки, какъ огородное чучело. Вѣтеръ треплетъ его лохмотья.

— Вѣтромъ занесло къ вамъ... докторъ... проститься передъ... зимой!

— Да-да... — бросаетъ онъ озабоченно, а его, кисель-киселемъ, лицо продолжаетъ смотрѣть кверху. — Зрѣніе провѣряю... Вчера отчетливо различалъ, а сегодня шишекъ не вижу...

— Вѣтромъ посбивало!

— Вы думаете... Но я и сучковъ не вижу. Десять дней принимаю одинъ миндаль... горькій. Нѣтъ, оставьте! Я не имѣю охоты продолжаться. Обидно, что не кончу работу, потеряю глаза... Заключительныя главы — «апоѳеозъ русской интеллигенціи», не успѣю! Слѣпну, ясно. Вчера одинъ коллега, который каждый день умѣетъ ѣсть пирожки, прислалъ пиро-

жокъ... но такія боли... опіумъ принялъ и уснулъ. Передъ утромъ видѣлъ ее, Наталью Семеновну... Положила голову на плечо... «Скоро... Миша»! Конечно — скоро. А вѣдь долженъ же быть хоть тамъ какой-нибудь міръ, гдѣ есть какой-нибудь смыслъ?! Ибо, хотимъ смысла! И вотъ, подъ опіумомъ мнѣ все открылось, но... забылъ! Два часа вспоминалъ... а какъ я былъ счастливъ! Помню... про «дядюшку» что-то...

— Какъ, про «дядюшку»?!

— Какъ-будто, смѣшно... но... У человѣчества, у насъ! у насъ! дядюшки не было! Такого, положительнаго, съ бородой честной, съ духомъ-то землянымъ, своимъ... съ чемоданчикомъ-саквояжикомъ, пусть хоть и рыженькимъ, потертымъ, въ которомъ и книги расчетныя, и пряники съ богомолья, и крестики отъ Преподобнаго... и во-дица святая... и хоро-шая плетка!

— Не понимаю, докторъ!..

— Можетъ быть это отъ миндаля съ опіумомъ? — прищурился докторъ хитро. — Я про интеллигенцію говорю! Были въ ней только... полюсы, сѣверный и южный! Стойте, вѣтра не бойтесь... намъ съ вами вѣтеръ не повредитъ! не можетъ повредить! Одинъ полюсъ, хоть сѣверный, — «высоты духа»! Рафинадъ! Они только тѣмъ и занимались, что изъ банкротства въ банкротство... и духъ испустили! Гнили сладостно и въ томъ наслажденіе получали. Одну и ту же гнилушку подъ разными соусами подавали, — какое же, скажите, питаніе въ... гнилушкѣ, хоть бы и съ фиміамами?! А другой полюсъ... — плоть трепетная и... гну-усная, тоже подъ соусами ароматными... — дерзатели-рвачи-стервецы! Эти ничего не подавали, а больше по санитарной части: все — долой! и — хочу жрать! Но подъ музыку! съ барабаномъ! жрать хочу всенародно и даже... всечеловѣчно! А между ними «болть» колыхалась, молочишко

снятое! Оно теперь, понятно, сквасилось и... А «дядюшки»-то и не было! который ни туда, ни сюда! А — погоди, малецъ: тебя надо въ банѣ выпарить, голову вычесать, рубаху чистую на тебя надѣть, вотъ тебѣ крестикъ отъ Преподобнаго и... букварь! и плетка на случай! Ядра-то не было! Молочишко-то всю посуду заквасило... Не понимаете?! Ага! Я эту формулу могу содержаніемъ наполнить на двадцать томовъ, съ историческими и всякими комментаріями! Въ лучшемъ случаѣ у насъ вмѣсто дядюшки-то кузенъ былъ! А чего отъ кузена ждать?! Рецептики у кузена всегда больше презервативнаго и ртутнаго характера. Онъ изъ «Варьете» на двѣ минуты къ бабушкѣ передъ соборованіемъ, а потомъ къ мадамъ Анго, на утренній туалетъ, а тамъ къ кузинѣ, а тамъ пищевареніемъ занимается, стишками побалуетъ и въ клубъ — друзья дожидаются докладъ объ «устремленіяхъ» послушать... И подметки у него всегда протертыя! Да, дядюшка! По немъ скоро весь земной шаръ будетъ тосковать... ибо ужъ если ступитъ — знаетъ, куда нога попадетъ! И въ саквояжѣ у него всегда свое! И въ книжкѣ у него все, до «нищему на паперти подано — 2 копѣйки»! А у кузена больше на манжеткѣ написано — «въ «Палермо» метрдотелю 5», и не поймешь, какъ и за что, да и пять ли!

Онъ потеръ глаза и принялся провѣрять по шишкамъ.

— Да, слабѣютъ. Вчера дубовую дверь ночью ломали, лѣзли... да крѣпка! А окна, какъ видите, на три аршина, — предусмотрѣно! Такъ они всѣ мотыги и лопаты забрали. Такъ и съ культурой! Передкомъ еще тащилась, а какъ передокъ со шкворня, — задній-то станъ и налетѣлъ — хряпъ! Ну... звѣри сломали клѣтку, змѣи разбили стеклянный ящикъ...

Я вижу, какъ онъ задыхается отъ вѣтра, пригибающаго кипарисы, но уходить не хочетъ и къ себѣ не зоветъ. Проситъ стоять за деревомъ: такъ не дуетъ.

— Конечно, отвлеченности теперь страшно утомляютъ, но безъ нихъ нельзя даже здѣсь» А теперь обобщенія неизбѣжны, ибо итоги, итоги подводимъ». Рѣшать надо! Вотъ вчера умеръ уже семнадцатый! отъ голода! Но... третьяго дня въ Алупкѣ разстрѣляли двѣнадцать офицеровъ! Вернулись изъ Болгаріи на фелугѣ, по семьямъ стосковались. И я какъ разъ видѣлъ тотъ самый автомобиль, какъ поѣхали расправляться за то, что воротились къ родинѣ, отъ тоски по ней!! Сидѣлъ тамъ... по-этъ, по виду! Волосы по плечамъ, какъ вороново крыло... въ глазахъ — мечтательное, до одухотворености! что-то такое — не отъ міра сего! Героическое дерзаніе! Онъ, въ какихъ-то облакахъ пребывающій, приказалъ!!! рабамъ приказалъ убить двѣнадцать русскихъ героевъ, къ родинѣ воротившихся! Стойте!! — подбѣжалъ ко мнѣ докторъ и схватилъ за руку... — Чего-то мы не учитываемъ! Не всѣ вѣдь умираютъ! Значитъ, жизнь будетъ итти... она идетъ, идетъ уже тѣмъ, что есть, которые убиваютъ! и только! въ этомъ и жизнь, — въ убиваніи! Телефоны работаютъ: «Убить»? — «Убить». — «Ѣдемъ»! — «Торопитесь»! — Это уже видъ функціи принимаетъ!! Значитъ, ясно: надо... уходить.

— А надежда, докторъ? А расплата?!

— Функція! — говорю. Какая можетъ быть тутъ надежда?! А расплата — укрѣпленіе функціи. Мерси покорно. Гніеніе конституціональное. Вы имѣете понятіе о газоидальной гангренѣ? Вы не слышите этого шипѣнья?! Ну, слушайте. Почему вчера не были на собраніи? Смо-трите, могутъ и убить! Я вамъ сейчасъ...

Докторъ вытащилъ изъ какой-то складки заплатъ розовенькій листокъ бумаги, затрещавшій въ вѣтрѣ.

— Стой, не дерись... сейчасъ выпущу... Читайте, на розовенькомъ-то: «явка обязательна, подъ страхомъ преданія суду революціоннаго трибунала»! Зна-

чить, вплоть до... функціи! Я не потому пошелъ, а... выступалъ самъ маэстро! Н-ну, хоть маэстро функцій! самъ товарищъ Дерябинъ! Раньше парнишка съ Путиловскаго заводу нашихъ профессоровъ пушилъ и учителямъ носы утиралъ, а они улыбались не безъ пріятности, а тутъ самъ Дерябинъ! Все козыри ихніе! Чтобы **в с я** интеллигенція явилась! Она любитъ «Голгофу»-то, ну, съ ея вкусами-то и считаются. Вѣдь **о н и** - то, центръ-то, пси-хологи! Всѣ перепоночки интелигенціи-то знаютъ... **В с ѣ** и явились. Съ зубками больными даже, съ катаррами... кашлю что было, насморку! Они не являлись, когда ихъ на борьбу звали, отъ Дерябиныхъ-то защищать и себя, и... Но тутъ явились на порку аккуратно, заблаговременно! Хоть и въ лоскутьяхъ пришли, но въ очкахъ! нѣкоторые воротнички надѣли, можетъ быть для поддержанія достоинства и какъ бы въ протестъ. Безъ сапогъ, но въ воротничкѣ, но... покоренъ! Доктора, учителя, артисты... Эти — съ лицомъ хоть и насмѣшливо-независимымъ, но съ дрожью губъ. Въ глазахъ хоть и тревожный блудъ, и какъ бы подобострастіе, но и сознаніе гордое — служеніе свободному искусству! Кашлянетъ по театральному, львенкомъ этакимъ салоннымъ, будто на сценѣ, и... испугается — будто поперхнулся. Товарищъ Дерябинъ въ бобровой шапкѣ, шуба внакидку, лисья... какъ у Пугачова!

— Но... у него хорьковая шуба...

— Ну, да! У него и хорьковая есть. А тутъ въ лисьей. Фи-гу-ра! Или мясникъ онъ былъ, или въ борцахъ работалъ... а можетъ быть, и урядникъ, въ хлѣбномъ селѣ такіе попадаются... широкорылый, скуластый... Ноганъ на столъ! О просвѣщеніи народа! Что ужъ онъ говорилъ..! Ну... Да ка-акъ зы-кнетъ..! — такъ всѣ и... «*Такіе-сякіе*... за народную потъкровь... набили себѣ головы всяческими науками! Требую!! Раскройте свои мозги и покажите пролета-

ріату! А не рас-кро-сте... тогда мы ихъ... рас-кроимъ!» И ноганомъ! Въ гробъ прямо положилъ! Ти-ши-на... Вѣдь, рукоплескать бы надо, а? Дождались какого торжества-то! Власть, вѣдь, наконецъ-то на просвѣщеніе народное призываетъ! Вѣдь, бывало, самоѣды какъ живутъ, или какъ свободные американцы гражданскіе праздники празднуютъ, и какъ отдыхаютъ, и развлекаются, черезъ волшебный фонарь народу показать тщились, какъ бы хоть кусочкомъ своего ума-знанія-мозга подѣлиться, на ушко шепнуть... изъ-подъ полы, за двадцать верстъ по грязи бѣжали, показать истину-то какъ пытались... а тутъ всѣ мозги требуется показать, а... И какъ-будто недовольны остались! Не то, что бы недовольны, а... потрясеніе! Готовность-то изображаютъ, а въ кашлѣ-то нѣкоторая тѣнь есть. Но... когда пошли, подхихикивали! А докторокъ одинъ, Шуталовъ... и говоритъ: «А знаете... мнѣ это нравится! Почвенно, а, главное, непосредственности-то сколько! Душа народная пробуждается! Переварка! Рефлексы пора оставить, не угодно ли... въ черную работу»! И за товарищемъ Дерябинымъ побѣжалъ! ручку потрясти. Что это — подлость или... отъ благороднаго покаянія?! Въ помойкѣ пополоскаться?! Вѣдь, есть такіе... Зовутъ полоскаться и претерпѣть. Поклонимся голотѣ безстыжей и побѣдимъ... помойкой! Чѣмъ и покажемъ любовь къ народу! Правда, у такихъ головы больше рѣдькой... но если и рѣдька начнетъ долбить и терзаться — простимъ-простимъ и претерпимъ! — такъ... Источимся въ страданіи сладостномъ! Вотъ она, гниль-то мозговая! Ну, съ такимъ матерьяльцемъ только въ помойкѣ и полоскаться. Во что Прометей-то, Каинъ-то прославленный вылился! — въ босяка, на сладостной Голгофѣ-помойкѣ самозабвенно истекающаго любовію! Къ звѣрямъ бы ушелъ... не могу..!

Докторъ пускаетъ розовенькую бумажку, и она

взмываетъ кверху и порхаетъ розовой бабочкой. Понесло ее къ морю.

— Не спѣшите. Все хочу главное высказать, а мысли... мозгъ точатъ, какъ мыши... все перегрызаютъ. Не съ кипарисами же говорить?! Не съ кѣмъ говорить стало... Боятся говорить! И думать скоро будутъ бояться. Я имъ пакетикъ хочу оставить, въ назиданіе. Здѣшніе-то, конечно, и не поймутъ, мавры-то... а вотъ бы господамъ журналистамъ-то бывшимъ... Они, вѣдь, все по журналистикѣ до кровопуска-то... Интересно, когда они одинъ на одинъ съ собой?.. Не волкъ же они или удавъ? когда пожретъ, только бурчаніе свое слушаетъ въ дремотѣ... Если у нихъ человѣческое что-то имѣется, не могутъ они, когда передъ зеркаломъ съ глазу на глазъ... Плюютъ въ себя? какъ вы думаете... или ржутъ?!! Или и передъ зеркаломъ себѣ успокоительныя рѣчи произносятъ? Во имя, дескать... И шахеръ-махеръ — во имя?! И — все? Этотъ вотъ смо-кингъ — отъ всенароднаго портного, не носятъ? человѣчины не ѣдятъ? Какъ же не ѣдятъ!? На каждаго изъ нихъ... сколько сотенъ тысячъ головушекъ-то россійскихъ падаетъ? А они ихъ рѣчами, рѣчами засыпаютъ, песочкомъ краснымъ... Такъ-таки и не возмѣрится?! О, какъ возмѣрится!.. до седьмого колѣна возмѣрится! Вотъ, и объ этомъ во снѣ мнѣ было... Тѣ-ни задавятъ! Эти, здѣшніе, что! Но и они наводятъ на выводы... Вчера иду по мосту. Трое звѣздоносцевъ обгоняютъ, въ шлыкахъ витязей... въ издѣвкѣ-то этой надъ давнимъ нашимъ, когда лыкомъ сшивали Русь! Про пенснэ мое, какъ полагается, го-гочутъ! Молчу. И вотъ, непристойные звуки стали производить, нарочно! Воздухъ отравили и го-гочутъ! Только человёнку можетъ такое въ башку притти... Животное есть, вонючка... Такъ она отъ смерти этимъ спасается, жидкостью-то своею! Эти такъ, а тѣ... слово, душу заразили, все завоняли! и еще весь

міръ приглашаютъ: дружно будемъ... вонять! И есть, идутъ!!! Въ вони этой даже какое-то искупленіе и пострaданіе находятъ! возрожденіе черезъ вонь ждутъ! Могій вмѣстити! говорятъ!! Франциски Ассизскіе какіе... супъ себѣ изъ вышвырнутыхъ мощей будутъ кушать и... плакать! А потому — пострaданіе-то сладостно! Словоблудіе-то каково! Что же, уходите?

Онъ провожаетъ меня, доводитъ до бассейна и останавливаетъ.

— Тутъ потише. Я ужъ въ свой... склепъ-то и не зову. Да и все прибираюсь, бумажки какія... Да... я вчера Кука читалъ, про дикарей, и плакалъ! Животъ болѣлъ отъ коллегина пирожка... Милые дикари, святые! Тоже угощали Кука человѣчинкой... отъ радушія угощали! по-медвѣжьи... и ящерицу на жертвенномъ блюдѣ подали! Какъ эти горы — святы въ невѣдѣніи своемъ. Горы, падите на насъ! Холмы, покройте! Отъ нихъ уходить жалко. Хожу по садамъ, каждое деревцо оглядываю, прощаюсь. Скверно, что т а к ъ съ трупами, валяются т а м ъ недѣлями! И кладбище гнусное, на юру, вѣтрено... Эту вотъ руку собаки обгрызутъ...

— Вѣдь все же — химія, докторъ?

— А непріятно. Эстетика-то... стоитъ чего-нибудь? Вонъ художникъ знакомый говоритъ... — лучше бы хоть удавили! Приказали плакаты противъ сыпняка писать... вошей поярче пролетаріату изобразить! Написалъ пару солидныхъ, заработалъ фунтъ хлѣба... да дорогой дѣтямъ отдалъ: не могу, говоритъ, отъ э т о г о кормиться! Нѣтъ, не говорите... Море-то, море-то каково! И блескъ, и трепетъ... — у Гоголя недавно гдѣ-то. Сколько прекраснаго б ы л о ! Ахъ, на пароходъ бы сейчасъ... гдѣ-нибудь въ Индійскомъ Океанѣ... куда-нибудь на Цейлонъ пристать... въ джунгли, въ лѣса забраться... Храмы тамъ заросли, въ зеленой тишинѣ дремлютъ. И Будда, огромный, въ зеленомъ сумракѣ. Жуки лѣсные ползаютъ по немъ,

райскія птицы порхаютъ... то на плечо къ нему сядутъ, то на ухо, чирикаютъ про свое... и непремѣнно ручеекъ журчитъ... А онъ, давній-давній... съ длинными глазами, смотритъ-смотритъ, безстрастно. Я на картинкахъ его такимъ видалъ. Чувствуется, что онъ все знаетъ! И все молчитъ! Не мелкое, гаденькое, копѣечное... не великую силу «четыреххвостки» или «диктатуру пролетаріата», который звуками воздухъ отравляетъ, а... Все знаетъ! Стать бы передъ нимъ такъ вотъ... съ книгами со всѣми въ головѣ, что за цѣлую жизнь прочиталъ, съ муками, какими накормили... и... — онъ бы все понималъ! — и сказать только глазами, руками такъ... — «Ну, что? какъ съ ду-мой-то ты своей, своей?» А онъ бы — ни рѣсничкой! Зрячій и мудрый Камень! Вотъ такъ подумаю — и не страшно! Ничего не страшно! Мудрый камень, — и вниду въ онь! Хоть бы на полчаса, для внѣдренія въ... сущее. Вѣдь, я теперь ужъ кипарисамъ молюсь! Горамъ молюсь, чистотѣ ихней и «Буддѣ» въ нихъ! Если бы я теперь, теперь... миндали сажалъ, миндальному бы богу молился! Вѣдь и у миндаля есть свой богъ,миндальный. Есть и кипарисный, и куриный. И все — въ Лонѣ пребываетъ... Тамъ бы, у подножія, и скончать дни... упереться въ Него глазами и... отойти съ миромъ. Можетъ быть «тайну» ухватишь, — и примиришься. Понимаю, почему и Огню поклоняются! Огонь отъ Него исходитъ, къ Нему возвращается! И вѣтеръ... Его дыханіе!

Докторъ словно хватаетъ вѣтеръ, руками черпаетъ.

— Чатырдагскій, чистый. Теперь ужъ онъ какъ пріятель. Сегодня ночью какъ зашумѣлъ по крышѣ... Здравствуй, говорю, другъ вѣрный. Шумишь? и меня, старика, не забываешь?.. А вотъ... съ помойкой не примирюсь! Я умирать буду, а они двери съ крюковъ тащитъ! Вчера двѣ рамы и колоду выворотили

въ томъ домѣ, ночью слышалъ. А они чужихъ коровъ свѣжевать... а они съ дѣвками подъ моими миндалями валяться? А они грамофонъ заведутъ и «барыню» на всѣ корки? Каждый вечеръ они меня «барыней» терзаютъ! Только-только съ величайшимъ напряженіемъ въ свое вглядываться начнешь, муку свою разсасывать... — «барыню» въ перехватомъ! Ужасъ въ томъ, что они-то никакого ужаса не ощущаютъ! Ну, какой ужасъ у бациллы, когда она въ человѣческой крови плаваетъ? Одно блаженство!.. И двоится, и четверится, ядомъ отравляетъ и въ ядѣ своемъ плодится! А прекрасное тѣло юнаго существа бьется въ послѣднихъ судорогахъ отъ какого-то подлаго менингита! Оно — «папа, мама... умираю... темно... гдѣ же вы?!» — а она, бацилла-то, ужъ въ сердцѣ, въ послѣднемъ очажкѣ мозга-сознанія канканъ раздѣлываетъ подъ «барыню»! На автомобиляхъ въ мозгу-то вывертываетъ! У бациллы тоже, можетъ быть, какіе-нибудь свои авто имѣются, съ поправочками, понятно... Я себѣ такія картины по ночамъ представляю... черепъ горитъ! И не воображалъ никогда, что въ голодѣ и тоскѣ смертной такія картины приходить могутъ. На миндалѣ настоено! Нѣтъ, вы скажите, откуда они — такіе?!.. Бациллы человѣчьи! Гдѣ Пастеръ Великій? Гдѣ сильные, добрые, славные? Почему ушли?! Молчатъ... Нѣтъ, вы погодите, не уходите... Я вамъ послѣднее дерзаніе покажу... символъ заключительный..!

Докторъ бѣжитъ къ водоему, за сарайчикъ, гдѣ у него двѣ цистерны — для лѣта и для зимы. Таинственно манитъ пальцемъ.

— Всѣмъ извѣстно, что у меня особо собранная вода, — всегда прозрачная и холодная. И вотъ глядите! Вы поглядите!!

Онъ подымаетъ подбитую войлокомъ прикрышку люка и требуетъ, чтобы я нагнулся.

— Видите эту... гнусность?! Вы видите?!..

Я вижу плавающую «гнусность».

— Это мои сосѣди съ пункта, «барыню»-то которые... Одному я недавно нарывъ на пальцѣ вскрывалъ. И вотъ, они о т р а в и л и мнѣ м о ю воду! Обезьяна нагадила, что съ обезьяны спрашивать? Дорожка показана «вождями» стада, которые всю жизнь отравили!..

— Ступайте, докторъ... нехорошо на вѣтру.

— Не могу т а м ъ. Ночью еще могу, читаю при печуркѣ. А днемъ все хожу...

Онъ машетъ рукой. Мы не встрѣчались больше.

ТАМЪ, ВНИЗУ

Вѣтеръ гонитъ меня мимо «Красной Горки». Здѣсь когда-то былъ пансіонъ, росли деревья, посаженныя писателями россійскими! Вырублены деревья. Я вспоминаю Чехова... «Небо въ алмазахъ»! Какъ бы онъ, совѣсть чуткая, теперь жилъ?! Ч ѣ м ъ бы жилъ..?!

Иду мимо «Виллы Розъ». Все — пустыня. И городишка вымеръ. Вѣтеръ чисто подмелъ шоссе, всѣ подсолнушки вымелъ въ море. Гладко оно подъ береговымъ вѣтромъ, и только въ дальней дали чернѣетъ полоса шторма. Пустынной набережной иду, мимо пожарища, мимо витринъ, побитыхъ и заколоченныхъ. На нихъ клочья приказовъ, линючіе, трещатъ въ вѣтрѣ: разстрѣлъ... разстрѣлъ... безъ суда... на мѣстѣ!.. подъ страхомъ... трибунала... Ни души не видно. И и х ъ не видно. Только у дома былой пограничной стражи нахохлившійся, со звѣздой красной, разставивъ замотанныя ноги, пощелкиваетъ играючи затворомъ.

Я иду, иду. Гуляетъ-играетъ вѣтеръ, стучитъ доской гдѣ-то, въ телеграфныхъ столбахъ гудитъ. Пляжемъ пустымъ иду, пустыремъ, съ канурой-ротондой. Воетъ-визжитъ она пустотой, вѣтромъ. Я дѣлаю крюкъ, чтобы обойти домъ церковный, въ проволокѣ колючей, — тамъ подвалы. Держатъ еще въ себѣ бьющееся, живое. Тамъ, на свалкѣ, въ остаткахъ отъ «людоѣдовъ», роются дѣти и старухи, ищутъ колбасную кожицу, обгрызанную баранью кость, селедочную головку, картофельную ошурку...

На подъемѣ я замѣчаю высокаго старика, въ башлыкѣ, обмотаннаго по плечи шалью, съ корзинкой и высокой палкой.

— Иванъ Михайлычъ!?..

— Родной!.. го-лубчикъ... — слезливо окаетъ онъ, и плачутъ его умирающіе, все выплакавшіе глаза. — Крошечки собираю... Хлѣбушко въ татарской пекарнѣ рѣжутъ... крошечки падаютъ... вотъ, набралъ съ горсточку, съ кипяточкомъ попью... Чайкомъ бы согрѣться... Комодикомъ топлюсь, послѣднимъ комодиковъ... Ящики у меня есть, изъ-подъ Ломоносова... съ карточками-выписками... хо-рошихъ четыре ящика! Нельзя, матерьялы для исторіи языка... Послѣднюю книгу дописываю... планъ завершаю... Каждый день работаю съ зари, по четыре часа. Слабѣю... На кухоньку хожу совѣтскую, кухарки ругаются... супцу дадутъ когда, а хлѣбушка нѣтъ... Обѣщали учителя мучки... да у самихъ нѣтъ...

Мы стоимъ подъ вѣтромъ, на бѣломъ шоссе, одни... Вѣтеръ воетъ и между нами, въ дырьяхъ.

— На родину бы, въ Вологодскую губернію... Тамъ у меня сестра... коровка у ней была... Молочка бы, кашки бы поѣлъ напослѣдокъ, съ маслицемъ коровьимъ, творожку бы... — съ дрожью, съ удушьемъ, шепчетъ онъ, укутываясь шалью отъ вѣтра. — Въ банькѣ бы попариться съ березовымъ вѣничкомъ... Запарши-вѣлъ, голубчикъ мой... три мѣсяца не мылся, обносился... заслабъ. Вѣтромъ вотъ сдуло, съ ногъ сбило... Въ Орлѣ у меня все отняли... библіотека была... домъ, капиталъ въ банкѣ, отъ моихъ книгъ все... Умру... Ломоносовъ пропадетъ! Всѣ матерьялы. Писалъ комиссарамъ... никому дѣла нѣтъ... А-адъ, голубчикъ! Лучше бы меня тогда матросики утопили...

И мы расходимся.

Я иду дальше, дальше... Никого въ умирающемъ городкѣ, — загнало-забило вѣтромъ. Ѣдетъ кто-то... Вижу я нарядного ослика, въ красныхъ помпончи-

кахъ, въ ясныхъ бубенчикахъ. Онъ бѣжитъ-сѣменитъ, повиливая ушами, сытенькій, легко катитъ кабріолетикъ желтый, на резинахъ. Дама въ сѣромъ, въ кожаныхъ перчаткахъ, въ голубомъ капорѣ, правитъ твердо. Нарядныя дамы ѣздятъ!.. Не все — пустыня! Не все разбитые корабли, баркасы, утлыя лодочки... — есть и милыя яхточки, пришвартовавшіяся умѣло у тихой бухты, — а тамъ... вывертывай песокъ, камни, шуми-швыряй! Дробно почокиваетъ осликъ...

А вотъ и татарскій дворъ, семнадцать разъ перекопанный, перевернутый наизнанку въ ночныхъ набѣгахъ. Серебро, золото и цвѣтные камни, обитыя серебромъ чеканнымъ — сѣдла, сбруя, дѣдовскія нагайки; пшеница и сѣно въ копнахъ, табакъ и мѣшки грецкаго орѣха; шелковыя подушки и необъятныя перины, крытыя добротными черкесскими коврами, персидскія шелковыя занавѣски, вышитыя серебряной арабеской и золотыми желудями, — зелено-золотое; чадры въ шашечкахъ и ажурѣ, пояса въ золотыхъ лирахъ, золото и бирюза въ подвѣскахъ; чеканная посуда изъ Дамаска, Багдада, Бахчисарая, кинжалы въ оправѣ изъ бирюзы и яшмы, и точеной кости, пузатые, тонкогорлые кувшины аравійской мѣди, тазы кавказскіе... — все, что берегъ-копилъ богатый татарскій домъ, — ушло и ушло, разъ за разомъ въ заглатывающую прорву. Плыветъ куда-то — куда-то выплыветъ. Попадетъ и за море, найдетъ себѣ стѣнку, полку или окошко. Увидитъ и Москву, и Питеръ, — богатые аппартаменты новаго хозяина-командира жизни, и туманный Лондонъ, и Парижъ, цѣнитель всего прекраснаго, и далекое Санъ-Франциско: разлетятся всюду блестящія перышки выщипанной россійской птицы! Вещи находятъ руки, а человѣкъ могилу. Теперь человѣкъ и могилы не находитъ.

Старый татаринъ только воротился изъ мечети. Сидитъ, желтый, съ ввалившимися глазами — горной птицы.

Сидимъ молча, долго.

— Зима говорила вѣтромъ: иду скора! Плоха.

— Да, плохо.

— Умираютъ наши татары... Плоха.

— Да, плохо.

— Груша — нѣтъ. Табакъ — нѣтъ. Кукурузъ — нѣтъ. Орѣхъ — нѣтъ. Мука — нѣтъ. Плоха.

Плохо.

— Тыква кушалъ. Вотъ. Мука везъ сынъ Меметъ. Пропалъ на горахъ два мѣшка мука. Плоха.

Да, совсѣмъ плохо. И я ухожу съ пустымъ мѣшочкомъ.

Я дѣлаю великое восхожденіе на горы. Маленькія онѣ были, теперь — великія. Шагъ за шагомъ, отъ камня къ камню. Вѣтеръ назадъ сбиваетъ. Я выхожу на ялтинскую бѣлую дорогу. Бѣлое облачко крутится мнѣ навстрѣчу. Шумятъ машины. Одна, другая... Красное донышко папахи, красное донышко фуражки. О н и это. Пулеметъ смотритъ назадъ дуломъ. На подножкахъ — съ ноганами, съ бомбами... Они о т т у д а. Сдѣлали свое дѣло, рѣшили судьбу пріѣхавшихъ изъ Варны — двѣнадцати. Теперь поспѣшаютъ восвояси, съ вѣтромъ. На перевалъ имъ путь, черезъ грозный для нихъ гребень. И я узнаю длинныя, по плечамъ, волосы воронова крыла, тонкое лицо, съ мечтательнымъ взглядомъ нѣги, — и другое, круглое, красное съ вѣтра, вина и солнца, сытостью налитое лицо. Оба сидятъ, откинувшись на подушки, неподвижно-важно: порученіе важное.

Долго гляжу имъ вслѣдъ. Слушаю, какъ кричитъ гудокъ въ пустотѣ.

КОНЕЦЪ «БУБИКА»

Третій день рветъ ледянымъ вѣтромъ съ Чатыръ-Дага, свиститъ бѣшено въ кипарисахъ. Тревога въ вѣтрѣ, — кругомъ тревога. Тревога и на Горкѣ: пропалъ у Марины Семеновны козелъ! Пропалъ ночью.

Съ зари бѣгаетъ старушка съ учительницей по балкамъ, по виноградникамъ и дорогамъ. По вѣтру доноситъ призывный крикъ:

— Бубикъ... Бубикъ... Бубикъ..!

Увели изъ сарайчика. Не помогла и засѣка со звоночками, и замокъ сигнальный: буря! услышишь развѣ! То ли матросы съ пункта, то ли самъ «Бубикъ» вырвался, — бури напугался? У матросовъ не доискаться: не сунешься. У Антонины Васильевны — на пшеничной котловинѣ — пропала телка. Дознала Антонина Васильевна: шкурка телкина у матросовъ на дворѣ сушилась, а не посмѣла: больше чего не досчитаешься...

Стоитъ учительница у изгороди:

— Украли «Бубика» нашего, всю надежду... Мама лежитъ, избѣгалась по балкамъ. Свой это человѣкъ, а то бы кричалъ козелъ. Мы спимъ чутко. Три раза сегодня вставали ночью въ бурю. Это, конечно, подъ утро, о н ъ. Третью ночь не ночуетъ... сказалъ, что идетъ на степь, за какимъ-то все долгомъ. Ясно, отвелъ глаза. Теперь намъ гибель... Это не кража, а дѣтоубійство!..

Горе на «Тихой Пристани». Вадикъ и Кольдикъ ищутъ вокругъ, кричатъ звонкими голосочками:

— Бу-бикъ! Милый Бубикъ! Судаль-Судаль..!

Вотъ ужъ и ночь черная. Бѣшеный вѣтеръ самыя звѣзды рветъ: вздрагиваютъ онѣ, трясутся въ черной бездонности. Выгладилъ вѣтеръ море — холоднымъ стекломъ лежитъ, а звѣзды дрожатъ и въ немъ. Давно всѣ замкнулись, дрожатъ на стуки, не знаютъ теперь, кто ломится. И доходитъ въ налетахъ вѣтра задохнувшійся крикъ-мольба:

— Бу... у... би... икъ... Бу... би!!! икъ!!!

Черною ночью стоимъ мы въ бурѣ, на пустырѣ. Звѣзды дрожатъ отъ вѣтра. Шуркаетъ въ чернотѣ, путается у ногъ, носится — возится безпокойное «перекати-поле»,— таинственныя звѣрюшки. Пропоротыя жестянки ожили: гремятъ-катаются въ темнотѣ, воютъ, свистятъ и гукаютъ, стукаются о камни.Стонетъ на ржавыхъ петляхъ болтающаяся дверца сарайчика, бухаетъ вѣтромъ въ калѣкѣ-дачкѣ... громыхаетъ желѣзомъ крыши, дергаетъ ставнями... Унылы, жутки мертвые крики жизни опустошенной — бурною ночью, на пустырѣ! Нехорошо ихъ слышать. Темныя силы въ душу они приводятъ — черную пустоту и смерть. Звѣри отъ нихъ тоскуютъ и начинаютъ кричать, а люди... Ихъ слышать страшно.

Когда же этотъ свистъ кончится! Воютъ, воютъ...

— А можетъ быть онъ ушелъ за шоссе... забрелъ отъ вѣтра? Стоитъ гдѣ-нибудь въ кустахъ...

— Сударь... Сударь... Бубикъ-Бубикъ!..

— Можетъ быть дверь самъ выбилъ, испугался бури?..

— Возможно... Онъ у васъ сильный, а петли... перержавѣли, истерлись... Вѣдь замокъ цѣлъ!

— Далъ бы Господь... забрелъ потише отъ вѣтра... пасется...

Дни пробѣгала по дорогамъ, по балкамъ и за шоссе Марина Семеновна. Нигдѣ ни клочочка шерсти, ни крови, ни кишочковъ. Пропалъ и пропалъ «Бубикъ» — «Сударь».

И пошелъ слухъ по округѣ и въ городкѣ: пропалъ

козелъ у Прибытковъ! А отецъ дьяконъ разсказывалъ на базарѣ:

— Было у меня предчувствіе странное въ тотъ часъ, какъ козломъ любовался! Не могло статься, чтобъ уцѣлѣлъ тотъ козелъ... капиталъ при дорогѣ! Отъ Фи-ли-бера козелъ... роскошный! Такого козла съ собой на кровать класть надо... И до сего дня полна душа предчувствій тяжкихъ.

Не ошибся отецъ дьяконъ: въ тотъ же день пропала у него корова.

— Нагадала Марина Семеновна! Вотъ она, тайная связь событій! Въ семъ мірѣ не такъ все просто.

Поискалъ и махнулъ рукой.

— Не преодолѣешь. Весной пойду на степь къ мужикамъ, съ семействомъ. Хоть за дьякона, хоть за всякаго! а берите. А не примутъ, — пойдемъ по Руси великой, во испытаніе. Ничего мнѣ не страшно: земля родная, народъ русскій. Есть и разбойники, а народъ ничего, хорошій. Ежели ему понравишься — съ нашимъ народомъ не пропадешь! Что жъ, — скажу, — братцы... всѣ мы жители на землѣ, отъ хлѣбушка да отъ Господа Бога... Ну, правда, я не простое какое лицо, а дьяконъ... а не превозношусь. Громокъ грянулъ — принимаю отъ Господа и громокъ. И всѣ-то мы, какъ деревцо въ полѣ... еще обижать зачѣмъ же?

Такъ подбадривалъ себя отецъ дьяконъ, веселый духомъ: не боялся ни огня, ни меча, ни смерти. Дерево въ полѣ: Богъ вырастилъ — Богъ и вырветъ.

И вотъ, за вѣру и кротость, и за веселость духа — получилъ онъ свою корову: нашли привязанную въ лѣсу. Заблудилась, а добрые люди привязали?..

— Господь привелъ! — кротко сказал дьяконъ.

А Маринѣ Семеновнѣ не привелъ Господь «Бубика». Не домогайся?

Утихла буря — и воротился дядя Андрей со степи. Цѣлый мѣшокъ принесъ. Намѣнялъ у мужиковъ и са-

ла, и ячменю, и требушинки коровьей: отдали за поросенка долгъ.

Пришелъ къ ночи, усталый, и сѣлъ подъ грушей. Марина Семеновна уточекъ загоняла.

— Намаялся, Марина Семеновна... не дай же Боже! А по степу-то все костяки лежатъ... куда ни ступи — костяки и костяки. Кони, стало быть, повалились. Тутъ черепушка, а подалѣ нога съ подковой. А ужъ лю-ди... охъ, не дай же Боже, какъ жгутся! На перевалѣ давеча трое съ винтовками остановили: — «Стой, хозяинъ! чего несешь»? Ну, видютъ — костюмъ на мнѣ майскій, въ мѣшочкѣ — ячменьку трошки, сальца шматочекъ... — «Мы, бачутъ, такихъ не обижаемъ! Мы, бачутъ, рангелевцы! Можете гулять вольно». — Вѣжливо такъ, за ручку... Съ холодовъ настрадался, — не дойду и не дойду...

Говорилъ онъ устало, вдумчиво. Лицо раздулось и пожелтѣло, — на десять лѣтъ состарился.

— Дядю Андрей... а что я вамъ молвить хочу... — сказала проникновенно, глядя ему въ глаза, Марина Семеновна.

— А чого вы, Марина Семеновна, молвить хочете?.. — будто даже и дрогнулъ дядя Андрей и мѣшокъ защупалъ, — примѣтила глазъ съ него не спускавшая учительница.

— А вотъ чего я вамъ хочу молвить... А у меня, тому ужъ пятыя сутки будутъ... козла моего свели, «Бубика» нашего!..

— О-о... ли... шечко!.. Да быть тому не можно!... даже поднялся и затрясся даже дядя Андрей. — Да Боже жъ мій!?. Да якій же це злодій узявся?! хлопчиковъ вашихъ губить! Це таке діло..! Да його шобъ громомъ побило... да шобъ його черви зъилы!.. да шобъ винъ... Да чи вы правду бачите, Марина Семеновна?!.

— Дядя Андрей... а что я вамъ еще сказать хочу... — голосомъ беззвучнымъ, не отпуская убѣгающихъ

глазъ дяди Андрея, продолжала Марина Семеновна.
— Да я жъ згадываю: якій тотъ злодій... Да вы жъ!!

— Я?!!... Шобъ я... Да побій меня Боже!.. Да я жъ на степу усю неділю крутився... голодній да холодній!... Да ужли жъ я тый злодій, шо... Да вы въ Бога віруетэ, Марина Семеновна?!

Тутъ снялъ дядя Андрей мягкую шляпу, исправничью, что на чердакѣ пріобрѣлъ, и закрестился.

— Шобъ менэ... ну, шобъ здохнуть, якъ собака... безъ попа-покаянія... шобъ и на семъ и на тиимъ світѣ... шобъ мои очи повылазили... шобъ менэ черви зъилы..!

— Здохнете, дядю Андрей... попомните мое слово! Я на васъ слово знаю! Будутъ васъ черви ѣсть! Какъ вы моего козлика съѣли, такъ и... Подавитесь вы моимъ козломъ!.. Помните!.. Саломъ подавитесь!

Пошевелилъ плечами дядя Андрей.

— Бѣднаго человѣка обижаете, Марина Семеновна...

— Въ глаза мои почему не глядите?! А-а... Сало отъ моего козла въ глоткѣ у васъ стало? Задушитъ оно васъ, дядя Андрей! Вотъ пусть мои внуки помрутъ лихой смертью!.. — закричала она истошнымъ голосомъ, — младенцы Господни, сиротки... правды пусть на землѣ не будетъ, если не сдохнете съ моего козла! На моихъ глазахъ черви васъ глодать будутъ! Чую!! Скоро, какъ снѣгъ вотъ будетъ..!

Тѣнью пошло лицо дяди Андрея. Повелъ онъ запавшими, помутнѣвшими глазами и сказалъ хрипло къ саду:

— Черви усякого человіка глодать будуть, Марина Семеновна. Это ужъ я вамъ казалъ! Мало меня, стараго, обижали? Коровы меня рѣшили, поросенка за полцѣны отдалъ... на войнѣ вошь злая меня точила... — ништо! Но вы меня изобидѣли..! Конечно, вы господскаго званія... а мы люди рабочіе, какъ сказать... черной крови... Зато жъ васъ и искоренять на-

до! Только вы женскаго полу, а то бъ я вамъ го-лову отмоталъ!..

— Да я тебя... гадюка полосучая, сама мотыжкой побью, какъ пса! Я чтобъ тебя боялась?! Каина?! Я жъ тебя наскрозь вижу! Я трудящійся человѣкъ... за свое кровное душу изъ тебя вытащу! Лучше и не проходи мимо... своими руками... Ступай, ступай... не могу на тебя смотрѣть, на душегуба..!

Много страшнаго накричала Марина Семеновна въ тихомъ ночномъ саду. Смотрѣли-слушали позабытыя дѣтишки, расширенными глазами.

— На васъ будетъ! — только и сказалъ дядя Андрей и побрелъ въ свой флигель, полковничій.

— Онъ! Онъ, злодѣй!! Вотъ не встать мнѣ завтра, безъ покаянія помереть, если не онъ моего козла свелъ! Всѣ дни съ татариномъ крутился въ кустахъ, на горкѣ.

— Да онъ же на степь ходилъ...

— Да я жъ карты раскидывала на душу его черную! И три разочка, какъ въ водѣ видѣла! Подъ Корбекомъ онъ крутился, а вчера его на базарѣ видали, въ кофейнѣ! Боюсь я его? Что ночью придетъ-задушитъ?! До послѣдней кровинки за свое буду биться! Они, проклятые, только до первой палки глотку дерутъ, а какъ показали палку, — всѣ хвостъ поджали! Помудровали... Хлебаютъ теперь! И пусть, такъ имъ и надо!

Пропалъ и пропалъ козелъ. А тамъ и два селезня пропали. Пришелъ дядя Андрей и сказалъ съ укоромъ:

— Скажите теперь, что и селезней вашихъ съѣлъ. Ну, скажите! Головку вотъ въ балочкѣ нашелъ, и пу-ху тамъ!.. Вѣдь какъ пробилъ-то проклятый... весь мозгъ выклевалъ!..

Схватилась Марина Семеновна за сердце и три дня лежала, какъ при смерти. Приходилъ старичокъ-докторъ, что на самомъ тычкѣ живетъ, сказалъ — сла-

бость сердца. За визитъ съѣлъ коржикъ и пареную грушку.

Пропалъ и пропалъ козелъ. Что — козелъ, когда люди походя пропадаютъ! Убили доктора и жену на Судакской дорогѣ, — золота добивались. Учителя и жену закололи кинжалами, — подъ Корбекомъ. И еще — топоромъ зарубили — подъ городкомъ... И еще... и еще...

ЖИВА ДУША!

А вотъ ужъ и черный Бабуганъ — закурился, замутился, укрылся сѣткой. И нѣтъ его. Полили дожди ноября, сырого мутнаго «джиль-хабэ», когда бѣлки уходятъ въ норы. Размякли, ползутъ дороги, почернѣли выцвѣтшіе холмы... Будетъ тепло — порадуетъ земля травкой.

Радуется «Тамарка». Съ утра и до ночи ходитъ, ходитъ... размякшія вѣтки гложетъ, чуть теплится, вся въ буграхъ. Всюду ея копытца, налитыя водой, всюду — выгрызъ въ корѣ, на грабѣ. Ходитъ одна — живая.

Сиди дома, возлѣ печурки. Сиди — подкладывай. Сиди и сиди — до свѣта. А далеко до свѣта. Смотри въ огонь: въ огнѣ бываютъ видѣнія. И слушай, что дождь говоритъ по крышѣ: говоритъ, говоритъ-бормочетъ — и все одно: пустота, темно-та... та-та... Позваниваетъ струя въ пустомъ водоемѣ подъ мазанкой. И голодъ мучитъ усталъ, — уснулъ. И вотъ — вспыхнетъ въ печуркѣ, и мысль проснется: а что же утро?.. Не надо, не надо думать... Не надо? А если въ ворохѣ этихъ сучьевъ все еще шевелятся порубленныя мысли?! Надо закрыть глаза и совать въ огонь, все — въ огонь. Это кусокъ «змѣи» изъ т о й балки... — въ огонь! Если бы хоть табакъ... задурить себя, докуриться до сладкихъ сновъ...

Сидишь у огня и слушаешь: все одно — пустота, темнота... та... та... Застучали ворота... Вѣтеръ? Прислушаешься. Все тихо. Бормочетъ дождь.

А который бы часъ теперь?.. Темнѣетъ съ шести... Десятый?..

И вотъ, ужъ не вѣтромъ это. Увѣренный стукъ въ ворота. О н и. Калитка коломъ подперта... И сами могутъ. Ну, что же! не все ли равно т е п е р ь?.. Пусть — о н и. Сразу если... готовы! Ворвутся, съ матерной руганью... будутъ тыкать въ лицо желѣзомъ... огня потребуютъ... а ни лампы, ни спичекъ нѣтъ... Стыдно, руки будутъ дрожать... Будутъ расшвыривать наши тряпки... А силы нѣтъ...

Стукъ упорнѣй. Не могутъ отворить сами?..

— Вотъ — конецъ... — говорю я себѣ. — сразу в с е кончится.

Я твердо беру топоръ, иззубренный топоришко, шаткій. Твердо выхожу на веранду... Откуда сила?! Я весь — пружина. Я знаю, что буду дѣлать. Собака боится палки! Я открываю дверь въ садъ... чорнота. И шорохъ: дождикъ чуть сѣется.

— Кто тамъ..?

— Къ тебѣ, хозяй!.. ат-пирай!

Татаринъ?! Зачѣмъ... татаринъ?

— Абайдулинъ я... отъ кладбища... отъ хорошаго человѣка!

Знакомое имя называетъ. Я отнимаю колъ. Широкій татаринъ въ шапкѣ...

— Теперь всѣмъ страшно. Крутился въ балкѣ... черный ночь, коли глазъ... Селям алекюм...

Съ неба вѣстникъ! Старый татаринъ прислалъ съ корзинкой. Яблоки, грушка-сушка... мука?! и бутылка бекмеса!.. За рубаху... Старый татаринъ прислалъ подарокъ. Не долгъ это, а подарокъ.

— Тебѣ прислалъ. Иди ночью... велѣла. Тамъ видитъ, тутъ видитъ, — некорошо... убьютъ. Иди ночью, лутче. А-а-а... — крутитъ головой татаринъ. — Смерть пришелъ... всей землѣ.

Табакъ! въ сѣрой бумагѣ, золотистый табакъ, душистый, біюкъ-ламбатскій!

Нѣтъ, не это. Не табакъ, не мука, не грушки... — Небо! Небо пришло изъ тьмы! Небо, о, Господи!.. Старый татаринъ послалъ... татаринъ...

У печурки сидитъ татаринъ. Татаринъ — старый. Постолы его мокры, въ глинѣ... и закрутки мокры. Сидитъ — дымится. Баранья шапка въ бисерѣ отъ дождя. Трудовое лицо сурово, строго, но... человѣческое въ глазахъ его. Я беру его за мокрыя плечи и пожимаю. Ушли слова. Они ненужны, слова. Дикарь, татаринъ? Великъ Аллахъ! Жива человѣческая душа! жива!!

Онъ свертываетъ курить. Куритъ, поплевываетъ въ огонь. Сидимъ, молчимъ. Онъ умѣло подсовываетъ сучья, сидитъ на-корточкахъ.

— Скажи Гафару... старому Гафару... Скажи, Абайдулинъ... старому татарину Гафару... Аллахъ!

— Аллахъ... — говоритъ въ огонь сумрачное коричневое лицо. — У тебя Аллахъ свой... у насъ Аллахъ мой... Все — Аллахъ!

— Скажи, Абайдулинъ... старому Гафару... скажи...

Онъ докуриваетъ кручонку. Курю и я. Неслышно дождя по крышѣ. Горятъ въ печуркѣ сухіе сучья изъ Глубокой Балки — куски солнца. Смотритъ въ огонь старый Абайдулинъ, и я смотрю. Смотримъ, двое — одно, на солнце. И съ нами Богъ.

— Пора, — говоритъ Абайдулинъ. — Черный ночь.

Я провожаю его за ворота. Его сразу глотаетъ ночь. Слушаю, какъ чмокаютъ его ноги.

Теперь ничего не страшно. Теперь ихъ нѣтъ. Знаю я: съ нами Богъ! Хоть на одинъ мигъ съ нами. Изъ темнаго угла смотритъ, изъ маленькихъ глазъ татарина. Татаринъ привелъ Его! Это Онъ велитъ дождю сѣять, огню — горѣть. Вниди и въ меня, Господи! Вниди въ насъ, Господи, въ великое горе

наше, и освѣти! Ты солнце вложилъ въ сучокъ, и его отдаешь солнцу... Ты все можешь! Не уходи отъ насъ, Господи, останься. Въ дождѣ и въ ночи пришелъ Ты съ татариномъ, по грязи... Пребудь съ нами до солнца!

Тянется свѣтлая ночь у печки. Горятъ жарко дубовые «кутюки». Будутъ горѣть до утра.

ЗЕМЛЯ СТОНЕТЪ

Я никакъ не могу уснуть. Коснулся души Господь — и убогія стѣны тѣсны. Я хочу быть подъ небомъ, — пусть не видно его за тучами. Ближе къ Нему хочу... чуять въ вѣтрѣ Его дыханіе, во тьмѣ — Его свѣтъ увидѣть.

Черная ночь какая! Дождь пересталъ, тишина глухая; но не крѣпкая, покойная тишина, какъ въ темныя ночи лѣтомъ, а тревожная, въ ожиданіи... — вотъ-вотъ случится!.. Но что же случиться можетъ?.. Я знаю, что послѣ дождя можетъ сорваться вѣтеръ, сорвется вдругъ. А сейчасъ даже слышно капанье одиночныхъ капель, и съ глубокаго низу доплескиваетъ волною море, будто дышитъ. Слышу даже, какъ чешется у Вербы собака.

Я тихо иду по саду, выглядываю звѣзды, вотъ-вотъ увижу, — чувствуются онѣ за облаками. Пахнетъ сырой землей, горною мглою пахнетъ: сорвется вѣтеръ, чуется тугой воздухъ. Свѣжая хвоя кедра осыпаетъ лицо дождемъ... Я затаиваю шаги... болью хватаетъ меня за сердце... Вотъ онъ, жуткій, протяжный стонъ... тянется изъ далекой балки. И снова — тихо. И снова — тяжкій, глубокій вздохъ... — кто-то изнемогаетъ въ великой мукѣ. Удушаемый вопль покинутаго всѣми...

Я знаю его, этотъ тяжкій, щемящій стонъ. Я слышалъ его недавно. Онъ взываетъ изъ-подъ земли, зоветъ глухо...

О немъ всѣ говорятъ въ округѣ:

— А по ночамъ-то теперь, въ балкахъ къ морю...

застонетъ застонетъ такъ — у у у... у-х-х-х-х... А потомъ тяжело-о такъ, вздохнетъ — аааа... а! Сердце захолонетъ, будто! Вродѣ, какъ земля стонетъ. Недобитые это стонутъ, могилки просятъ... Охъ, нехорошо это!..

Я прислушиваюсь въ глухой ночи. Тяжко идетъ изъ балокъ:

...уууу... у...

Нѣтъ ему выхода, — потянется и уходитъ въ землю. И еще, еще...

...аааа... а... — замирающій вздохъ муки...

Мертвой тоскою сжимаетъ сердце. Не они ли это, брошенныя въ овраги, съ пробитою головою, грудью... оголенныя человѣческія тѣла?.. Всюду они, лишенныя погребенія...

Умомъ я знаю: это кричитъ тюлень, черноморскій тюлень, — «бѣлуха». Знаютъ его немногіе рыбаки — выводится. И не любятъ слышать. Онъ подымаетъ круглую голову изъ моря, глухою ночью, кладетъ на камень и стонетъ-стонетъ... Не любятъ его — боятся — черноморскіе рыбаки, и «рыба его боится».

Умомъ я знаю... А сердцемъ... — тяжело его слышать человѣку.

Я долго слушаю, затаившись, и мукой кричитъ во мнѣ. А вотъ и сорвался вѣтеръ, ударилъ съ горъ. Зашумѣли, закланялись, закачались кипарисы, затрепали верхушками, — видно на звѣздномъ небѣ. Продуло тучи. Будетъ теперь дуть-рвать круглыя сутки. Не кончитъ въ сутки — ровно три дня дуть будетъ. А къ третьему дню не кончитъ — на девять дней зарядитъ. Знаютъ его татары.

Слышно черезъ порывы, какъ бьютъ въ городкѣ часы. Не остановились?.. Нѣтъ въ городкѣ часовъ: это церковный сторожъ. Послѣднее время выбиваетъ рѣдко. Что ему пришло въ голову? Одиннадцать..? А можетъ быть и отнесло вѣтромъ. Полночь?

Я смотрю въ сторону городка. Ни искры, ни

огонька, провалъ черный. А что такое у моря, выше?.. Пожаръ?! Черно-розовый столбъ поднялся..! Пожаръ!.. Или обманываетъ темнота ночи, и это ближе, а не на пристани... Не у столяра ли Одарюка, на мазеровской дачѣ... костеръ въ саду?.. Шире и выше столбъ, языки пламени и черные клубы дыма! Пожаръ, пожаръ! Вышка на «Красной Горкѣ» освѣщена, круглое окошко видно! Черная сѣть миндальныхъ садовъ сквозитъ, выскочилъ кипарисъ изъ тьмы, красной свѣчей качается... полыхаетъ. Въ миндальныхъ садахъ пожаръ?.. Черная крыша Одарюка вырѣзалась на пламени.

Я бѣгу за ворота, на маленькую площадку, гдѣ кустики. Подъ моими ногами — даль. Ближніе дома городка свѣтятся розовымъ, и розовая свѣча-минаретъ надъ ними, съ ними... Въ морѣ широкій отсвѣтъ костра-пожара. Даже пристань выглянула изъ тьмы! Миндальные сады — какъ днемъ, сучья видны и огненныя верхушки. Срываетъ пламя, швыряетъ въ море. Разбушевался тамъ вѣтеръ.

— Пожаръ-то какой, Господи!.. Дахнова дача горитъ!..

Голоса сзади, изъ темноты, — сосѣди. Яшка ковромъ накрылся. Няня, въ лоскутномъ одѣялѣ. Съ вербиной горки доноситъ:

— Матросы горятъ... ей-Богу!.. пунктъ ихній! Нѣтъ, Дахнова!

Полянка, гдѣ мы стоимъ, вся розовая, отъ зарева.

— Ба-тюшки... — вскрикиваетъ няня. — Да это же Михайла Васильичъ горитъ!.. Онъ... онъ!.. Новая его дачка, изъ лучинокъ-то стряпалъ! По старому его дому вижу... глядите, домъ-то!..

Конечно. Горитъ докторъ, — за его старымъ домомъ.

Утихаетъ. Кончилась, сгорѣла! Много ли ей надо, изъ лучинокъ?

Должно быть, рухнула крыша: полыхнуло взрывомъ, и стало тускло.

— Сбѣгай, Яша... узнай! — проситъ няня.

— Ня-ня... — слышится болѣзненный голосъ барыни. — Гдѣ горитъ?

— Да сараюшка на берегу... Спите съ Богомъ. Ужъ и погасло.

— Иди, няня... дѣтей-то перепугали...

Миндальныхъ садовъ не видно. За ними отсвѣтъ. Я стою на крыльцѣ, жду чего-то. Я з н а ю. Незачѣмъ мнѣ итти. Сгорѣла дача стараго доктора... Я же з н а ю. А можетъ быть т о л ь к о дача... Докторъ переберется въ свой старый домъ... Мнѣ уже все равно, все — пусто.

Вызвѣздило отъ вѣтра. Млечный Путь передвинулся на Кастель — часъ ночи. А я все жду...

Шаги, тяжело дышитъ кто-то, спѣшитъ... Это — Яша.

— Ну..?

— Капутъ! Сгорѣлъ докторъ! И народу никого нѣтъ... Матросъ тамъ одинъ, гоняетъ... которые набѣжали... Никто ничего не знаетъ... и Михалъ Василича не видать... Говорятъ, сгорѣлъ, будто... въ пять минутъ все! А онъ еще накрѣпко припирался... кольями изнутри... Матросъ говоритъ... снутри горѣло. У нихъ съ пункта видно... Обязательно, говоритъ, сгорѣть долженъ... Хозяинъ обязанъ у своего пожара ходить, а его не видали... всѣ говорятъ! А можетъ куда забился?.. Все печь по ночамъ топилъ! А ужъ тутъ-то у него... нехватаетъ. Ну, спать пойду. Слышите... опять о н ъ стонетъ?.. Настоналъ доктору-то...

Да, стонетъ... или это вѣтеръ жестянками... Сгорѣлъ докторъ. У ш е л ъ въ огнѣ. Самъ себя сжегъ... или, быть можетъ, несчастный случай?.. Теперь не страшно. Докторъ сгорѣлъ, какъ сучокъ въ печуркѣ.

КОНЕЦЪ ДОКТОРА

Я не хочу т у д а. Тамъ теперь только скорёженное желѣзо, остовы кипарисовъ, черныя головни. И витаетъ, какъ безпріютная птица, безпокойный духъ бывшаго доктора. А уцѣлѣвшая оболочка — черепушка, осколокъ берцовой кости и пружины спеціальнаго бандажа, отъ Швабэ, — въ картонкѣ отъ дамской шляпы, лежатъ въ милиціи, и ротастые парни ощупываютъ обгорѣвшій черепъ, просовываютъ въ глазницы пальцы.

— Вотъ такъ... шту-ка!

Сгорѣлъ докторъ въ пышномъ кострѣ с в о е м ъ, унеслась его душа въ вихрѣ.

Его коллега прибылъ на сытомъ осликѣ, въ бубенцахъ, повертѣлъ горѣлую черепную кость — развѣ на ней написано! — и сказалъ вдумчиво:

— Установить личность затрудняюсь.

Кто бы это могъ быть — въ кострѣ?!

Повертѣлъ крючки и пружинки отъ бандажа, сказалъ увѣренно:

— Теперь для меня совершенно ясно. Хозяинъ этого бандажа — докторъ медицины, Михаилъ Васильевичъ Игнатьевъ. Это его спеціальный бандажъ, собственнаго его рисунка, отъ Швабэ. Можете писать протоколъ, товарищъ.

Пишите тысячи протоколовъ! Вертите, ротастые, черепушку... швырните ее куда!.. Нѣтъ у нея хозяина: вамъ оставилъ.

Няня остановилась съ мѣшкомъ «кутюковъ», докладываетъ:

— Михайла Василичъ-то нашъ... сго-рѣлъ! Черепочекъ одинъ остался, да какой махонечкій! А глядѣть — головка-то у нихъ была кру-упная... Капиталы у нихъ большіе, сказываютъ... на себѣ носили... Припирался очень на ночь, боялся. А ночь, буря... удушили да пожаромъ-то и покрыли! Говорить-то нельзя, не знамши. Отмаялся, теперь нашъ чередъ. Да ужъ не вашу ли курочку я видала... на бугорочкѣ, ястребъ деретъ? Да это еще давеча было, какъ въ городъ шла. Кричу-кричу — шш, окаянный! Не боится... облютѣли, проклятые. Всѣмъ скоро...

Новое утро, крѣпкое. Ночью вода замерзла, и на Кушъ-Каѣ и на Бабуганѣ — снѣгъ. Сверкаетъ, колетъ. Зима раскатываетъ свои полотна. А здѣсь, подъ горами, солнечно по сквознымъ садамъ, по пустымъ виноградникамъ, буро-зелено по холмамъ. Днями звенятъ синицы, носятся въ пустотѣ холодной, тоскливыя птицы осени. На крѣпкомъ и тонкомъ воздухѣ, въ голотѣ, четки звуки и голоса.

Что за горячая работа!? Стучатъ топорами въ сторонѣ миндальныхъ садовъ. Весело такъ стучатъ... Словно былые плотники объявились, обтесываютъ бревна, постукиваютъ топорами. И по желѣзу кровельщики гремятъ, споро-споро... Кому это крышу кроютъ? Давно не слыхали такой работы.

Идетъ изъ-подъ горы няня, дощонку тянетъ.

— Гдѣ это плотники заработали? кому строятъ?

— Стро-ютъ!.. По Михалъ Василичу поминки правятъ, старый домъ растаскиваютъ другой день. Волокутъ, кто — что. Господи, твоя воля!.. Всю желѣзу начисто ободрали, балки какія выворачиваютъ... ужъ и лѣсъ! А желѣзо-то пло-тное, двѣнадцатифунтовое... Ишь какъ..!

Да, лихо кипитъ работа.

— Вотъ ужъ хозяинъ-то былъ... на-вѣкъ строилъ! А растащили за день. Какъ такъ, кто? А народъ... и рыбаки, и... кто взялся. Прямо, волокомъ волокутъ.

И милиція, и помощникъ комисара... Мальчушья набѣжало... жи-вы! Кричу одному, — ты что, паршивый чртенокъ, чужое добро волочишь?! — «Теперь, говоритъ, дозволено, всенародно! Мой папанька вотъ наработалъ, а я оттаскиваю». — Вонъ что! — «И ты, говоритъ, тетенька, отдирай, чего осилишь! Всѣмъ можно!..» — Возьми вотъ ихъ! А что-жъ, подумаешь-то... помирать... Хоть потопиться! Съ голоду-то за сучьями по балкамъ лазить...

Поминки правятъ... Я смотрю на свой домикъ. Послѣдній уголъ! Послѣдняя ласка взгляда была на немъ... Черезъ узенькія оконца солнце вбѣгало радостными лучами, играло въ родныхъ глазахъ. Оно и теперь вбѣгаетъ, все на тѣ же мѣста кидаетъ свои полоски и пятна, — на трескающіяся стѣны, на половицы, исчерченныя шагами, на маленькій бѣлый столикъ, въ чернильныхъ пятнахъ и росчеркахъ... Крохотная веранда, опутанная глициніями, оголившимися къ зимѣ... Когда-то воздушныя кисти ихъ весело голубѣли въ живыхъ глазахъ. Заплаканныя стекла, давно немытыя... Уйдемъ... и завтра же выбьютъ стекла, развалятъ стѣны, раскроютъ крышу, поволокутъ, потащутъ... съ довольнымъ гоготомъ мертвецовъ. Упадутъ кедры, кипарисы и миндали, и кучи мусору поползутъ мутными струйками въ ливняхъ...

Глядитъ домикъ: уйдешь?.. Глядитъ сиротливо, грустно: уйдешь.

Я осматриваюсь, ищу опоры. Стиснуть зубы и умереть?.. Даться покорно смерти... Умираютъ безмолвные. Какія, куда — дороги?..

Держитъ дикарь въ шлыкѣ обгорѣлую черепушку, пальцы суетъ въ глазницы... пощелкаетъ... — б ы л ъ какой-то! На перевалѣ снѣга, пустыя дороги въ морѣ... пустыя — за горами. И дальше — снѣга, снѣга... Ну, какія, куда — дороги?!..

КОНЕЦЪ «ТАМАРКИ»

Пошли бури и ливни. На горахъ зимней грозой гремѣло. Потоки шумятъ по балкамъ, рыкаютъ по камнямъ. Вѣтры носятся по садамъ, разметываютъ плетни, кипарисовыя метелки треплютъ. И море загромыхало штормами.

Стѣны мазанки дрожатъ отъ бури. Ночью глухо гремитъ по крышѣ, будто возятся въ сапогахъ желѣзныхъ, бухаютъ кулаками въ ставни. Треснувшая печурка совсѣмъ задушила дымомъ. Отсырѣвшіе сучья тлѣютъ, не вспыхиваютъ въ огнѣ видѣнія.

Наши тихія курочки дремлютъ голоднымъ сномъ, возятся на насѣстѣ. Онѣ ослабли. Упадетъ какая, и долго за стѣнкой слышно, какъ она трепыхается въ темнотѣ, ищетъ себѣ — согрѣться. Приткнется — и такъ досидитъ до утра. Ихъ три осталось. Онѣ, одна за другой, уходятъ и уводятъ съ собою прошлое. Теперь онѣ жмутся къ дому. Стоятъ и глядятъ въ глаза.

Долгія ночи приводятъ больные дни. Да бываютъ ли дни теперь? Солнце еще на небѣ, и дни приходятъ. Оно подымается изъ-за моря, въ тучѣ. Выглянетъ, поиграетъ холодной жестью, — пуститъ полосу по морю. Съ тревогой глядятъ на море ослабѣвшія рыбаки, не нагонитъ ли вѣтромъ скумбріи ли — камсы ли... Какая теперь камса! И дельфины не плещутся, не ворочаются черныя зубчатыя колеса. А что дельфины?! Ихъ изъ ружья бить надо! а гдѣ ружье?.. Только матросы могутъ. А имъ не нужно: у нихъ — бараны.

Запали у рыбаковъ глаза, до земли зачернѣли лица.

Шумитъ рыбачья артель у городского дома — «Ялы-Бахча», требуетъ товарища — свою власть.

— Дѣтей кормите!.. Давайте хлѣ-ба!..

Съноганомъ въ оттопырившемся карманѣ, товарищъ кричитъ командно:

— Товарищи рыбаки... не дѣлать паники..!

Ему отвѣчаютъ гуломъ:

— Довольно!.. Отдай за ры-бу!..

Онъ тоже кричать умѣетъ!

— Все въ свое время будетъ! Славные рыбаки! Вы съ честью держали дисциплину пролетаріата... держите кр-рѣпко!.. Призываю на митингъ... ударная задача..! помочь нашимъ героямъ Донбаса!..

Ему отвѣчаютъ воемъ:

— Скидай имъ свою шапку!!.. Отдай наше... за рыбу!..

Кричи, сколько силы въ глоткѣ! Гони ребятъ за городъ на бойни: тамъ толстомордый матросъ-рѣзака швырнетъ зеленую отонку или дозволитъ напиться крови, а подобрѣетъ — можетъ налить и въ кружку.

Сѣрѣетъ утро, мелкимъ дождемъ плачетъ. Ворота забухли, не стучатъ отъ вѣтра.

Стучатъ ворота! Кому, что надо?..

— Эй, что надо?!..

Дѣтскій голосъ кричитъ тревожно:

— У васъ... нашей «Тамарки» нѣту?.. Съ вечера ищемъ, свели «Тамарку»..!

Красавица-семменталка, бѣлая, въ рыжихъ пятнахъ... теплилась — догорѣла.

Вербененокъ плачетъ:

— Покойная мамаша выходила «Тамарку»... Молока давала... цѣльную бутылку-у...

Она еще — молока давала?! Свои соки..! Вылизывала изъ камня.

Всю ночь всей семьею искали они по балкамъ, по лѣснымъ чащамъ.

— И «Цыганочку» увели, у Лизаветѣ... Теперь все дознаемъ, теперь ужъ матросъ возьмется!..

— Изъ-подъ самихъ матросовъ корову увели! — кричатъ съ горки.

Бѣжитъ растрепанная чернявая Лизавета, руками плещетъ:

— Ночью свели мою коровку... десять кувшиновъ давала..! Какъ корми-ли...

— У матро-совъ да плохо!.. Грабленнымъ вы кормили! — кричитъ Корякъ. — У нихъ въ борщу шукать надо! а ты сюда закатилась...

— Да, вѣдь, зять, вѣдь!.. Свели--то изъ подъ часового!..

Собираются на Горкѣ люди. Жмется на холоду учительница Прибытко, покачивающая головою няня, старая барыня, накинувшая на плечи коврикъ, Корякъ, заявившійся по тревогѣ изъ нижней балки, нянькинъ сынъ старшій, вымѣнивающій вино на пшеничку, въ ночь пріѣхавшій съ контрабанды, и высокій, худой Верба, винодѣлъ, съ повислыми усами. У всѣхъ лица — мертвецовъ ходячихъ.

Лизавета кричитъ источно:

— Онъ, Андрюшка-злодѣй! Сейчасъ дознаемъ... Онъ! онъ!..

— Его три дня не видимъ... ушелъ на степь, какъ обычно... — сообщаетъ учительница.

— Винъ самый убійца! — кричитъ Верба. — Такихъ прямо... поубивать надо, якъ собакъ! Вашего козла скушалъ, моихъ гусей сожралъ, вашихъ селезневъ сожралъ... мою «Тамарку» сожралъ!.. Прямо... поубивать къ чортовой матери..!

— Погодьте... поубивать! Вы вотъ тридцать годовъ коровъ имѣете, допрежде коровъ сводили, а?! А почему теперь..?! Поубивать! Людей убиваютъ — не жалѣютъ!

— Не скажите громко!..

— Онъ, злодѣй! онъ!! ихъ шайка... Саня нашъ

сейчасъ поведетъ дѣло... Ужъ кривого Андрея арестовалъ, съ нижняго виноградника... Видали, какъ съ Гришкой Одарюкомъ всѣ дни шуптались...

— Всѣхъ ихъ прямо... поубивать надо!

— Вонъ, идетъ Саня!..

Съ винтовкой на плечѣ, съ ноганомъ въ кулакѣ, подходитъ широкоскулый крѣпышъ-матросъ Санька. За нимъ дѣвчонка Гашка, въ бѣлыхъ открытыхъ туфляхъ, измазанныхъ грязью, въ зеленой шелковой юбкѣ и въ плюшевой голубой кофтѣ — сакѣ. Нянька знаетъ: у Дахновой была такая кофта. Убѣжала дачевладѣлица Дахнова въ Константинополь, нашарилъ матросъ «излишки», — теперь молодая матроска щеголяетъ.

— Двоихъ сволочей заарестовалъ! — кричитъ матросъ еще издали, потрясая ноганомъ. — Все раскопаю, до требухи... а вашу корову найду, мамаша! Изъ-подъ самаго моего глазу увели!.. Свои!

Онъ широкъ, какъ овсяный куль, красная шея холоду не боится — голая до плеча, въ воловьихъ жилахъ, огнемъ горитъ. Отъ лица жаромъ пышитъ. Сѣрые глаза сверлятъ.

— Бить буду прямо въ го-ло'ву... вотъ этимъ! а ужъ языкъ достану! Мамаша, не сотрясайтесь криками, какъ баба! Корова у васъ будетъ! достанемъ для васъ корову! Ну, кто что доказать можетъ? Гдѣ о н ъ живетъ, сволочь?..

— Прямо всѣхъ полевымъ судомъ, Саничка! — кричитъ Гашка. — Это буржуи развратили... кончать всѣхъ безмилосердно!..

— Писано имъ, и еще будетъ! Въ шомпола возьму всѣхъ подозрительныхъ... в а н н у ю имъ устрою! Ежели ты пролетарій... какъ ты можешь чужихъ коровъ воровать? Пролетарій... какъ святой есть! ежели они изъ труда, коровы?!.. Ведите, которые знаютъ...

— Дай, Санекъ, телеграмму Мишкѣ, пусть намъ автонобиль пришлетъ! — кричитъ Гашка, на рукѣ у

матроса виснетъ. — Будемъ на автонобили искать коровку... телефонируй, право....

— Перво дай... дѣло офиціально дознать... Лишніе уходи!

Толпой идутъ на «Тихую Пристань», ломаютъ замокъ на флигелѣ. Находятъ гусиныя крылья, косточку съ синеватой шерстью...

— Бу-бикъ!.. Бубикъ!!.. — кричитъ Марина Семеновна. — Какъ я зна-ла!..

Шумитъ Горка, три дня шумитъ. Сидятъ въ подвалѣ короворѣзы: старый Андрей Кривой, согнувшійся съ голоду Одарюкъ. Шушукаются на Горкѣ: ванную прописали короворѣзамъ — не сознаются! И шамполами лѣчили, и не кормятъ, не сознаются.

Шумитъ Горка: нашли у Григорія Одарюка подъ поломъ коровью требушину и сало. Взяли. Померъ у Одарюка мальчикъ, промучился — требушиной объѣлся, будто. Кожу коровью нашелъ матросъ, въ землѣ зарыта была. Призналъ кожу Верба: ««тамаркина».

ХЛѢБЪ СЪ КРОВЬЮ

Быстрѣй развертывается клубокъ, — и сыплется изъ него день ото дня чернѣе. Видно, конецъ подходитъ. Ни страха, ни жути нѣтъ, — каменное взираніе. Устало сердце, страхъ со слезами вытекъ, а жуть — забита.

Но бываютъ мгновенія, когда холодѣетъ сердце...

Дождь ли, вѣтеръ, — я хожу и хожу по саду, з а х а ж и в а ю думы. Сошвыриваю съ дорожекъ и складываю въ кучу камни — прибираюсь. Приставлю къ воротамъ колъ — защиту! Оставшаяся привычка...

Кто-то царапается въ ворота, какъ мышь скребется.

— Кто тамъ..?

— Я... — запуганный дѣтскій голосъ. — Анюта... дочка...

Опять она, маленькая Анюта, добытчица! Нѣтъ больше у ней дороги. Ко мнѣ!

— Ну, иди...

Я уже все знаю.

Она неслышно, тѣнью, идетъ по саду, закрываетъ лицо ладошками. Отъ горя, которое она т а к ъ познала?

— Папашу... взя... ли... Гришуня нашъ померъ сегодня... и все наше сальце взяли... и требушку взяли... на зиму припасали...

Она трясется и плачетъ въ руки, маленькая. А что я могу?! Я только могу сжать руки, сдавить сердце, чтобы не закричать.

Не знаете, не видали вы э т о г о, вы, смакую-

щіе человѣческіе «прорывы», восторженные цѣтели «дерзаній»! Все это «смазка» чудесной машины Будущаго, отбросъ и шлакъ величественной плавильни, гдѣ отливается это Будущее! Уже видны его глаза...

Босая стоитъ она, освѣщенная половинкою мѣсяца, выбѣжавшей изъ тучи. На ней рваный платокъ мамы Насти и розовенькая кофточка безъ пуговокъ. Она трясется отъ ужаса, который она предчувствуетъ. Она уже в с е познала, малютка, чего не могли познать милліоны людей — отшедшихъ! И э т о теперь повсюду... Этотъ крохотный городокъ у моря... — это, вѣдь, только пятнышко на безкрайныхъ пространствахъ нашихъ, маковинка, песчинка...

Что я могу?! Не могу сказать даже слова... Кладу на плечо руку.

Она уходитъ съ сухой лепешкой, съ горсточкой миндаля и грушки. Уноситъ въ своемъ платкѣ виноградную кожуру гнилую...

Нѣтъ, еще остается ужасъ. Еще не омертвѣло сердце, еще сжимается. Стоны ползутъ изъ балокъ... Да, вовсе не тюлень это, а само с у щ е е, земля стонетъ. Я вижу подъ луной черный гребень, гробовую крышу дома Одарюка, гдѣ мальчикъ... Смерть у дверей стоитъ, и будетъ стоять упорно, пока не уведетъ всѣхъ. Блѣдною тѣнью стоитъ и ждетъ.

Я вздрагиваю — я вижу блѣдную тѣнь. Беззвучно движется за плетнемъ, на мѣсяцѣ, за черными кипарисами... Кто ты?! — хочу окликнуть, и узнаю майскій костюмъ Андрея. Онъ направляется на «Тихую Пристань», въ свое жилище. За спиной у него мѣшокъ, неизмѣнный его мѣшокъ. Изъ степи идетъ, съ похода. Украдкой хочетъ войти къ себѣ. Умиралъ бы въ степи, чудакъ!

Шумитъ по утру Горка: забрали дядю Андрея — матросъ съ милицейскимъ взяли. Повели «дѣлать ванную».

Ванная?! Что такое?..

Это знаютъ они, хозяева. Милицейскій сообщаетъ — «по секрету»:

— Розыскной пунктъ дѣло хорошо понимаетъ! Зна-ку чтобы не оставлять.. Значитъ, мѣшокъ съ пескомъ... и какъ подъ печонку ахнутъ..! — одно потрясеніе, а знаку настоящаго нѣтъ! Внутрѣ можетъ полировать, чтобы въ сознаніе привести. Подъ сердце тоже... Раньше..! Да раньше такихъ сурьозныхъ дѣловъ и не было. Семнадцатую корову рѣжутъ... трудовыхъ! Долженъ себя пролетарій защитить, какъ вы думаете? Иначе какъ же... Я, говоритъ, на степи крутился! Р-разъ! — Ходилъ на степу?.. Ходилъ! А голосъ-то ужъ у него не тотъ... Два! — подъ душу. — Ходилъ на степу!? ну!? — Ходилъ... И опять голосу сдалъ! Понимаете, штука-то какая?! А то въ голову, вотъ это мѣсто, подъ затылокъ... Тутъ ужъ онъ какъ въ безпямяти, сотрясенье... И вотъ тутъ сейчасъ и есть ему ванная! Водой отливать надо обязательно. Тутъ-то онъ обязательно помягчѣть долженъ. — Ходилъ на степу... ррастакой?!.. Молчитъ... Но только у всѣхъ троихъ ихъ такая крѣпость... съ голоду, что ли? Не подаются! Зубы только затиснутъ и... Кривого въ шомпола взяли... Старикъ, а выдержалъ характеръ. Захрипѣлъ, а не сдался. Обѣихъ выпустили пока... до суда, не сбѣгутъ. И Андрея выпустимъ... Пайковъ у насъ не полагается, сами знаете... голодъ!

Бѣжать? Снѣга на перевалѣ. Босоногая Таня все еще ходитъ тамъ, поплескиваетъ вино въ боченкѣ. Нельзя ей остановиться: дѣти. Тѣломъ, кровью своею кормитъ...

Я уже не могу оставаться въ саду, за изгородью. Въ башмакахъ разбитыхъ хожу я по грязи дорогъ, постаиваю на мокрыхъ холмахъ. Что я хочу увидѣть? На что надѣюсь?.. Никто не придетъ изъ далей. И далей нѣтъ. Ползутъ и ползутъ тяжелыя тучи съ Ба-

бугана. Чатыръ-Дагъ закрылся, опять задышитъ? Задуетъ снѣгомъ. Смотрю на море. Свинцовое. Бакланы тянутъ свои цѣпочки, снуютъ надъ мутью... ходятъ и ходятъ шипучіе валы гальки. И вотъ, выглянетъ на мигъ солнце и выплеснетъ блѣдной жестью. Бѣжитъ полоса, бѣжитъ... и гаснетъ. Воистину — солнце мертвыхъ! Самыя дали плачутъ.

Притихла Горка. Воетъ старая нянька сосѣдкина. Ходила съ недѣлю сумрачная, больная, ждала чего-то. Теперь воетъ. Ея тонкій, будто подземный, плачъ доходитъ черезъ плетень въ садикъ. Сына у ней убили. Далеко убили, за переваломъ, въ степи...

Принесъ эту вѣсть Корякъ, тотъ самый Корякъ — дрогаль, который билъ-выбивалъ правду изъ старика Глазкова. Получилъ Корякъ свою правду: убили въ степи его затя, а съ нимъ убили и нянькина сына Алексѣя.

А еще совсѣмъ недавно стояла нянька у моего забора, радовалась:

— Вздохнемъ вотъ скоро... Вотъ, Алеша поѣхалъ съ коряковымъ затямъ, на степь повезли вино, въ долгъ у татаръ заняли... бочку! Теперь всего намѣняютъ... и сала, и пшенички... къ Рождеству-то бы...

Принесъ вѣсть Корякъ ночью. Сказалъ:

— Получилъ вотъ какое сурьезное извѣстіе. Нашли на дорогѣ, на степѣ... болѣ ста верстъ отсюда, затеву лошадь... и двоихъ побитыхъ... моего и твоего... пріятели были, такъ вмѣстѣ и... лежатъ въ канавѣ. Ну, лошадь не могли стронуть, не пошла отъ хозяина... Хорошій конь, добрый. И товаръ не могли стащить, помѣшали имъ, какъ съ лошадью они бились. Можетъ, чего и расхватали... Ну... и въ это самое мѣсто, за ухомъ... двѣ дырки наскрозь... въ канаву оттащили. Ну... двое тѣхъ было... въ хвормѣ, съ винтовками... какъ люди говорятъ проѣзжіе. Значитъ, будто стража... про себя выдавали. Ну... и такъ сдается, шшо сынъ Глазкова одинъ, Колька...

который сбѣжалъ... Меня убить за отца грозился. Ну, моего убилъ. А ужъ твой... т а к ъ... наскочилъ на судьбу... Пшеницы да ячменю мѣшокъ... кровью запекши... на нихъ и убили. Теперь надо позабирать в с е.

Побѣжали подъ утро, безъ хлѣба, безъ одежи, на перевалъ, въ снѣга: нянькинъ сынъ Яшка, вдова, — корякова дочь, — и самъ Корякъ, — кнутъ только захватилъ по привычкѣ своей дрогальской. Побѣжали добывать все: пшеницу, тѣла и лошадь.

Воетъ другой день нянька. Сидитъ старая барыня, томится безсонницей и сердцемъ. Горитъ печурка, шипятъ мокрые «кутюки».

Вотъ они, сны обманные! что — кому. Приснился и нянькѣ сонъ, пышный, с ы т н ы й. Видѣла она такъ — разсказывала недавно:

...Шла полемъ. А по полю тому, прямо — земли не видно, — все глыбы сала да жиру. А сынъ Алеша, въ бѣлой, будто, рубахѣ... до земли рубаха... съ вилами, переваливаетъ глыбы, будто навозъ трусить. «Смотрите, — говоритъ, — мамаша, сала да жиру сколько»! Схватила нянька жирный кусокъ, ѣсть стала. Ѣла-ѣла, — въ глотку не лѣзетъ, ужъ больно жиренъ...

Проснулась, а все тошно. Всѣмъ про сонъ разсказывала, обхаживала Горку, — не къ добру, чуяла! Всю недѣлю, какъ несвоя ходила. Сказала Марина Семеновна, — не ей, — ей не сказала:

— Охъ, худо нянькѣ будетъ, черезъ Алексѣя... такое ху-до..!

Пришло худо: прислалъ Алеша пшеницы съ кровью. Ѣсть-то надо, промоютъ и отмоютъ. Только в с е г о не вымоешь...

ТЫСЯЧИ ЛѢТЪ ТОМУ...

Падаетъ снѣгъ — и таетъ. Падаетъ гуще, гуще... — и таетъ, и вьетъ, и бьетъ. Ближнія горы — пѣгія. Стали пѣгими кипарисы, и виноградники, и плетни. А снѣгъ все сыплетъ и заметаетъ въ вихрѣ, бѣлитъ и кроетъ. И вьетъ, и мететъ, и хлещетъ... Зимой хватило отъ Бабугана, отъ Чатыръ-Дага, — со всѣхъ сторонъ. Крутитъ метелью и день, и ночь. Не черная Кастель-шапка, а исполинская сахарная гора — голова на блюдѣ, на бѣлой скатерти. Сѣдыя, дымныя стали горы, чуть видныя на бѣлесомъ небѣ. И въ этомъ небѣ — черныя точки — орлы летаютъ.

Гонитъ снѣгами лѣсную птицу къ жилью. Черные дрозды, съ оранжевыми носами, шмыгаютъ по пустымъ садамъ, выискиваютъ во дворикахъ. Остатки овечьихъ стадъ умные чабаны стерегутъ въ кошарахъ: опасно пускать въ долину. Смотрятъ на снѣгъ съ тревогой: валитъ, а сѣна нѣтъ, — овцы начнутъ валиться. А надъ горами орлы летаютъ. Не боятся орлы снѣговъ: корму орламъ достанетъ.

Бѣжитъ въ снѣгу маленькій татаринъ въ бараньей курткѣ, лошадь изъ снѣга тянетъ. Кричитъ — воетъ въ бѣлую пустоту, на всю Горку:

— Йёй!.. бери коня... купай!.. Йёй!..

Спотыкается на кусты подъ снѣгомъ, волочитъ въ поводу коня, бьется въ мои ворота:

— Ко-зяй... йей! коня бери... клѣба давай, карѣй!.. всѣ памирай... ой, бери... йёй!..

Еще съ порога я вижу, какъ онъ стучитъ себя по груди и топчется — прыгаетъ за шиповникомъ. Та-

таринъ крохотный, черноусый, съ обезумѣвшими глазами. Онъ хватаетъ меня за рукавъ и тянетъ:

— Пажалюста... бери коня! Йёй!..

Изъ его горла рвется гортанный клекотъ. Онъ дергается лицомъ, глазами, словно вотъ-вотъ заплачетъ. Съ носа мутная капля виснетъ: слеза ли, потъ ли, — не разобрать. Совсѣмъ чумовой татаринъ. Дрожитъ-кричитъ, перекося ротъ, кривитъ почернѣвшее лицо, и все охлопываетъ коня по шеѣ. А конь — подъ черной шкурой скелетъ, съ втянувшимися ноздрями, — оскаленными зубами деретъ шиповникъ. Запарилъ коня татаринъ, и самъ запарился.

— Йёй! — кричитъ онъ съ болью въ мои глаза, дергаетъ меня за руку. — Ну! твоя нада! пажалюста... бери конь! ну... клѣба давай... мала-мала! Снѣгъ, зима пришелъ... Йёй!..

Со страхомъ, съ болью гляжу я въ его обезумѣвшіе глаза, убѣгающіе отъ ужаса.

— Другъ... — говорю ему: — нѣтъ у меня ничего..!

Но онъ не можетъ понять.

— Пажалюста... бери конь... Арабчукъ мой... седьмой зима... кароши, золотой! Кормить... ничего нема... снѣгъ пришелъ, зима... жалька... Йёй!..

Онъ машетъ рукой на городъ, и я машу. И мы смотримъ въ глаза другъ другу растерянно, безнадежно. Онъ вырываетъ слова изъ глазъ, острыхъ, черныхъ, изо рта, кривого отъ нетерпѣнія и страха, что поздно будетъ:

— Йой... йой-йой... Сами... Быюкъ-Ламбатъ бѣжилъ! Ну?! Алюшта пошла... ночь будитъ... ничего не видалъ.. памиралъ!.. — кричитъ онъ звѣринымъ крикомъ, отрывается отъ меня и отдергиваетъ коня — волочитъ, тянетъ. Не идетъ за нимъ конь, боится...

— Йёййй!..

Стоитъ его визгъ въ ушахъ. Провалился съ конемъ татаринъ въ снѣгъ, въ балку. Слышно, — и тамъ визжитъ.

Я иду по глубокому снѣгу, на площадку. Дубовая поросль завалена рыхлымъ снѣгомъ. Далеко внизу путается-чернѣетъ съ конемъ татаринъ, по снѣгу катится, за нимъ снѣговая пыль... — въ городъ погналъ татаринъ.

Онъ — изъ Біюкъ-Ламбата?! Страна чудеснаго золотого табаку.... Гдѣ такое... Біюкъ-Ламбатъ? Да, это совсѣмъ близко, двѣнадцать верстъ. Кто-то о немъ говорилъ недавно..? Кто-то померъ! Да... отъ голоду померла у татаръ вдова художника русскаго.. Ушла къ татарамъ — и померла... А его картины... за этими горами. О, снѣгъ какой... испугалъ чумового татарина. Сухую траву засыпалъ на много дней....

Сумерки надвигаются. Куда побѣжалъ татаринъ, въ слѣпую ночь! Чумовой татаринъ! Закрыты на базарѣ лари, будетъ въ кофейняхъ тыкаться.

А сумерки все густѣютъ. Кастель синѣетъ. У, какая пустыня тамъ! Снѣговая пустыня въ падающей ночи. Я стою на холмѣ и вглядываюсь въ пустыню, пытаюсь ее постигнуть. Море — черное, какъ чернила, берега — бѣлые. Громыхаетъ поглуше — отъ снѣга глохнетъ. И тамъ пустыня. Одна на другую смотритъ: черная, бѣлая.

Тысячи лѣтъ тому... — многія тысячи лѣтъ — здѣсь та же была пустыня, и ночь, и снѣгъ, и море, черная пустота, погромыхивало такъ же глухо. И человѣкъ водился въ пустынѣ, не зналъ огня. Руками душилъ звѣрье, подшибалъ камнемъ, глушилъ дубиной, прятался по пещерамъ... на Чатыръ-Дагѣ и подъ Кастелью, — онѣ дожили и до сего дня. Видѣла эта вѣчная стѣна Кушъ-Каи, — въ себя вбирала, — и теперь вбираетъ: пишетъ по ней невѣдомая рука. Смотрю и вбираю я. Снѣга синѣютъ, чернѣетъ даль. Нигдѣ огонька не видно. Не было и т о г д а. Пустыня. Вернулась изъ дальнихъ далей. Пришла и молчаніемъ говоритъ: я пришла, пустыня.

Я знаю: она пришла. Бѣгаютъ люди съ камнями. Вчера разсказывали про Судакъ:

— По дорогамъ горнымъ хоронятся, за камни... подстерегаютъ ребятъ... и — камнемъ! И волокутъ...

Кругомъ — съ камнями. И въ славномъ когда-то Бахчи-сараѣ, и въ Старомъ Крыму, и... всюду. Какимъ же чудомъ швырнулись тысячелѣтія?! Куда свалился великій человѣческій путь — на небо?! великое восхожденіе и это гордое — будемъ Боги!?

Я смотрю на вздувшійся подъ снѣгами камень: какая сила! Вышелъ изъ далей... — вотъ онъ! —

... Мое!...

Е г о.

Я брожу по снѣгамъ, по балкамъ, безъ цѣли. Вѣдь я изъ далей. Я же тотъ самый дикарь пещерный. Но у меня нѣтъ и шкуры. У меня лишь истрепанное пальтишко, лѣзутъ змѣиные зубки изъ башмаковъ, а въ нихъ мои зябкіе пальцы, завернутые въ тряпку... И я — безсильный. Мнѣ такъ понятна, близка т а жизнь, жизнь моихъ давнихъ предковъ! Снѣга и ночь, а у нихъ... огня не было!.. Я сейчасъ пойду, затоплю печурку... а у н и х ъ... не было!!... И... они-таки побѣдили!? Какими силами, Господи, это чудо? Твоими, Господи! Ты, Единый, далъ имъ Огонь Небесный! О н и побѣдили имъ. Я это знаю. Я вѣрую! И о н и же его растопчутъ. Я это з н а ю. Камень забилъ Огонь. Милліоны лѣтъ стоптаны! милліарды труда сожрали за одинъ день! Какими силами это чудо?! Силами камня-тьмы. Я это вижу, знаю.

Синей Кастели нѣтъ: черная ночь — пустыня. Храпитъ изъ балки, изъ темноты, — конь запаленный дышитъ? Взрывая снѣгъ, у моихъ ногъ, изъ балки выкатывается черное: татаринъ, за нимъ его черный конь. Хрипитъ татаринъ, и конь хрипитъ. Я бѣгу отъ него къ воротамъ. Татаринъ бѣжитъ за мной...

— Ты... бери... нема люди... ночь черный... Бьюкъ-Ламбатъ... йёй, бери... Аллахъ....

Я не вижу его лица. Я вижу, какъ конь головой мотаетъ, хочетъ поводья вырвать?... Мотнулъ и уткнулся въ снѣгъ. Я вижу парокъ надъ ними. Я отмахиваюсь отъ нихъ, отъ призраковъ... стараюсь открыть калитку... Держитъ меня татаринъ, рукою молитъ... И вдругъ....

— Йёй..! — вскрикиваетъ татаринъ и чутко всматривается во что-то въ балкѣ.

Я ничего не вижу. Онъ срыву дергаетъ поводъ, но конь уснулъ. Онъ бьетъ его кулакомъ по шеѣ и кидается въ сторону. Бѣжитъ и кричитъ кому-то, кого онъ видитъ:

— Йёй! ханымъ! козяйкъ... бери... конь!.. Йёй!..

Я напрягаю глаза, не вижу. Кому же кричитъ татаринъ? Найдется ли человѣкъ, кто снялъ бы съ него напавшій на него ужасъ? Никого не видно. Бѣжитъ за кѣмъ-то, кричитъ...

Я захлопываю калитку и ставлю колъ.

Человѣкъ нашелся. Утро принесло вѣсть: взяли коня у татарина. Понесъ чумовой татаринъ шесть фунтовъ хлѣба въ Біюкъ-Ламбатъ. Быть можетъ, спасутъ коня. А какъ же теперь татаринъ?..

Говорилъ въ городкѣ дьяконъ:

— Дуракъ татаринъ! Повали коня, ѣшь коня! Ему бы на мѣсяцъ съ семьей хватило, продержаться... Посоли мясо...

— А соли-то нѣтъ, отецъ дьяконъ!

— Мясо-то прокопти, безъ соли лопай!

— А можетъ ему своего коня жалко было?..

— Коня жалко?! Какъ коня жалко, разъ за шесть фунтовъ хлѣба отдалъ?! Лупоглазый... Жалко?!.. А просто... голову потерялъ отъ страху!..

Воистину — голову потерялъ чумовой татаринъ.

ТРИ КОНЦА

Снѣгъ полежалъ три дня, тронулся и потекъ. Плыветъ грязь въ балку. Торчать изъ грязи мокрые рога виноградника, изсохшіе усы-плети. Испугалъ снѣгъ татарина — и плыветъ. Отрыгнетъ еще земля травку, — прогрѣетъ солнцемъ.

Померъ Андрей Кривой съ нижняго виноградника. Ходилъ послѣ «ванной» съ недѣлю — крякалъ. Молчалъ и крякалъ. Потомъ прилегъ. Жаловался — «внутрѣ ломитъ». А померъ тихо.

Померъ и Одарюкъ. Двѣ недѣли мѣста не могъ найти: и ходить, и сидѣть, и лечь — все больно. Жаловался, что «клинья вогнали въ поясницу» и подъ сердце давитъ. За двѣ недѣли въ сухенькаго старичка обратился, глотнуть не могъ. Водицы испить просилъ: глотаетъ, а принять не можетъ. Кричалъ шибко, какъ отходилъ:

— Огне-омъ... палитъ!..

Поглядѣлъ на дѣтей, и выкатились изъ его глазъ двѣ слезы. А померъ тихо.

И дядю Андрея выпустили послѣ «ванной». Во всемъ сознался. Пришелъ на Горку, на «Тихую Пристань», — тихій, какъ послѣ большой работы. Бродилъ по Горкѣ въ майскомъ своемъ костюмѣ, почернѣвшемъ, скатавшемся, — пищи себѣ искалъ. Прозналъ, что Антонина Васильевна, изъ пшеничной котловины, корову со страху рѣжетъ, пришелъ подъ вечеръ и остановился на порогѣ. Стоялъ и молчалъ — тѣнью. Не видала его Антонина Васильевна: рубила въ корытцѣ студень. Стоялъ дядя Андрей у

притолки, смотрѣлъ какъ шипитъ на плитѣ въ корчагѣ, какъ на бѣломъ сосновомъ столѣ разложены — бурая печень, мозги, а въ окоренкѣ шершавой тряпкой коровій рубецъ мокнетъ.

Повернулась Антонина Васильевна — ахнула: испугалась тѣни:

— Что... вы?... Вы это... дядя Андрей?!. Что съ вами?..

— Дайте... за-ради Бога... кишочки...

Дала ему Антонина Васильевна пригоршню «рубки» — для холодца, отрѣзала и рубца, съ ладонь, и ребрышко. Поглядѣлъ на нее дядя Андрей плаксиво, сказалъ хрипомъ:

— Нутро у мене повернуто... всю утрибку мою поспутало-завязало... какое-бы... средство?.. Гляжу, а въ глазу трусится... упасть боюсь....

Дала ему Антонина Васильевна перцовки выпить. Пошелъ дядя Андрей по дачамъ — за мясорубкой. Нигдѣ не было мясорубки. А зачѣмъ голодному мясорубка?

— А жевать нечѣмъ... зубы всѣ растерялъ...

Говорилъ: «евать» и «убы».

— Гдѣ же вы ихъ потеряли-то, такъ сразу?

— Такъ... о камень...

Проходилъ съ недѣлю, стало его сгибать. Узналъ, что и Андрей Кривой, и Одарюкъ Григорій жить приказали, — пришелъ къ ночи къ Маринѣ Семеновнѣ на веранду.

Спросила его Марина Семеновна сурово:

— Развѣ вы чего тутъ забыли ?

— Я тутъ ничого не забулъ... — жалобно сказалъ дядя Андрей, какъ волкъ затравленный.

Разсказывала про это свиданіе Марина Семеновна — жалѣть не жалѣла: —

— ... А вѣтеръ былъ, съ Чатыръ-Дага, холода завернули. А онъ стоитъ и стоитъ, трясется.

— Чего вы стоите... сядьте на табуретъ.

Сѣлъ онъ на табуретъ, на кончикъ. Оглянулъ комнату, все глазами прощупалъ, и говоритъ:

— Одѣялы у васъ... знаменитыи... найдутъ — возьмутъ.

А я говорю ему:

— Вы чего это въ узелкѣ держите, куда собрались?

Сказалъ, что проститься зайдетъ съ покойникомъ, съ Григоріемъ, — четвертый день все не похоронятъ. У нихъ и переночуетъ, — дома-то холодно, силы нѣтъ дровецъ нарубить, отъ холоду не спится. А поутру въ больницу — думаетъ.

— Очень, — говоритъ, — у меня все внутри ломитъ, и какъ огнемъ палитъ. Можетъ, — говоритъ, — меня параличомъ расшибло, снутри! Во мнѣ, — говоритъ, — вродѣ какъ крыса завелась, грызется.

— Не отъ козлинаго ли смальца, дядя Андрей? — говорю. Очень меня досада одолѣла — все ему высказать.

— Не ѣлъ я вашего козлика! Зачѣмъ вы такъ?!

А не смотритъ. А я ему на это:

— Вы и «Тамарку» не трогали, и гусей, — говорю, — и уточекъ моихъ не пробовали... А помните, — говорю, — дядя Андрей, какъ я вамъ въ саду-то нагадала? Какъ вотъ снѣгъ упадетъ...

Какъ затрясется! Страшный, какъ смерть, сталъ.

— Будутъ васъ, дядя Андрей, черви ѣсть! Какъ вы моего козлика, такъ и они васъ... И будетъ, будетъ!

Все во мнѣ поднялось опять, себя не слышу.

— Я, — говорю, — вчера на васъ карты раскидывала, на виневаго короля... вы! Конецъ вамъ вышелъ! Вотъ онъ, конецъ, и есть!

— Да я жъ, — говоритъ, — вовсе не виневый... Я... жировый!

И тутъ не сознается! Тутъ ужъ я, прямо, не въ себѣ!..

— Это, — говорю, — жировый-то вы съ жиру да смальцу! А вы черный, весь вы чернымъ-черный, какъ вотъ... земля! На лицѣ-то у васъ... земля выступила!..

— Видите... — говоритъ, — ужъ помираю я, а вы... меня добиваете.

— А вы, — говорю, — сиротокъ моихъ добили! Гаснуть!

— Ну, простите, коли такъ... Не я добилъ... а насъ всѣхъ... добили...

И не сказалъ, а... всхлипнулъ! Тутъ мнѣ его жалко стало.

— Ну, — говорю, — дядя Андрей... я вамъ простила, а судьба не простила. Не отъ меня это, что помираете... и дня не проживете, вижу. Судьба... Ну, вотъ, хлѣбца я вамъ дамъ... отъ жалости дамъ хлѣбца... напослѣдокъ покушайте... сегодня пекла, три фунта.

— Отрѣзала ему кусочекъ, теплый еще. Такъ и вцѣпился. И... покрестился, какъ изъ рукъ хлѣбушка взялъ! Такъ мнѣ это понравилось!.. Душа-то православная... Я ему еще дала кусочекъ — въ дорогу. А вѣтеръ такъ и гремитъ, вьюшки прыгаютъ, страсть Божія. Вотъ онъ и другой кусокъ сжевалъ, отогрѣлся. И говоритъ:

— Ну, посидѣлъ я. Это вы хорошо, мнѣ теперь л е г к о б у д е т ъ...

И голову опустилъ. А ужъ и спать пора давно, двѣнадцатый часъ.

— Пойду, — говоритъ, — къ Настасьѣ, вдовѣ... можетъ мнѣ куртку покойникову надѣть займетъ, а то больно зябко въ больницу итти. Я, — говоритъ, — жилъ самостоятельно, а вотъ какъ эта канитель-то вся пошла, слобода-то и х н я я... какъ обмѣнили всѣхъ...

За руку простились. Покрестила я его вослѣдъ. Что ужъ...

Пошелъ дядя Андрей ночью на мазеровскую дачу. Впустила его Настасья. Въ свою комнату не допустила, а пусть съ покойникомъ ложится. Дала ему накрыться рваную куртку мужнину, кожанку.

Опять на вѣтеръ итти? Замерзъ дядя Андрей въ майскомъ костюмѣ изъ парусины съ креселъ исправничьихъ. Остался. Лежалъ Одарюкъ на полу, въ пустой комнатѣ бывшаго пансіона, имъ же обобраннаго. Ни свѣчки, ни коганца. Легъ дядя Андрей подальше въ уголъ, узелокъ вголова, а кожанкой накрылся. Что онъ думалъ, какъ провелъ ночь, — этого никто не знаетъ. А когда стало бѣлѣть за окнами, поднялся, надѣлъ кожанку и пошелъ въ больницу. Увидала его Настасья, — идетъ въ мужниной кожанкѣ, — нагнала на дорогѣ:

— Снимай, проклятый! Григорья погубилъ... куртку уворовать хочешь?!

Сорвала съ него куртку да еще по лицу курткой. Видали люди, какъ на вѣтру, на пустой дорогѣ, у миндальныхъ садовъ порубленныхъ, хлестала его обезумѣвшая Настасья по головѣ курткой. А онъ только рукою такъ, прикрывался...

Не дошелъ дядя Андрей до больницы. У базара, въ безлюдномъ переулкѣ, присѣлъ къ забору, въ майскомъ своемъ костюмѣ, загвазданномъ. Нашли прохожіе, а онъ только губами двигаетъ. Доставили въ больницу. До полудня не дожилъ — померъ.

Такъ о т о ш л и всѣ трое, одинъ за однимъ, — истаяли.

Ожидающіе своей смерти, голодные, говорили:

— Налопались чужой коровятины... вотъ и сдохли.

КОНЕЦЪ КОНЦОВЪ

Да какой же мѣсяцъ теперь, — декабрь? Начало или конецъ? Спутались всѣ концы, всѣ начала. Все перепуталось, и мой кальвиль на верандѣ — праздникъ Преображенія! — теперь ничего не скажетъ. Было ли Рождество? Не можетъ быть Рождества. Кто можетъ теперь родиться?! И дни никому ненужны.

А дни идутъ и идутъ. Низкое солнце порою весну напомнитъ, но свѣтитъ жидко. Ему не на чемъ разыграться: сѣро и буро — все. Тощее солнце свѣтитъ, больное, мертвое. А къ вечеру — новый мѣсяцъ. А гдѣ же полный? Куда-то прошелъ, за тучами?..

Я видѣлъ смертеныша, выходца изъ другого міра — изъ міра Мертвыхъ.

Я сидѣлъ на бугрѣ, смотрѣлъ черезъ городокъ на кладбище. Всматривался въ жизнь мертвыхъ. Когда солнце идетъ къ закату, кладбищенская часовня пышно пылаетъ золотомъ. Солнце смѣется Мертвымъ. Смотрѣлъ и рѣшалъ загадку — о жизни-смерти. Можетъ случиться ч у д о? Н е б о — откроется? И есть ли гдѣ это Н е б о? И другое рѣшалъ — с в о е. У меня еще крестъ на шеѣ, а на рукѣ — кольцо. Отнесу греку, татарину, кому нужно ходячее золото, — бери и кольцо, и крестъ! Я останусь свидѣтелемъ жизни Мертвыхъ. Полную чашу выпью. Или бросить тебя, причалъ послѣдній, нашъ кроткій домикъ,—съ послѣднею лаской взгляда?.. весны добиться и... начать великое Восхожденіе — на Горы? Муку въ себя принять и раздѣлить ее съ міромъ? А міру нужна ли мука?! У міра свои забавы... Весна...

Золотыми ключами, дождями теплыми, въ грозахъ, не отомкнетъ ли она земныя нѣдра, не воскреситъ ли Мертвыхъ? Чаю Воскресенія Мертвыхъ! Я вѣрю въ ч у д о! Великое Воскресеніе — да будетъ.

Какое непріятное кладбище! Камень грязный. Чужая земля, татарская.

Собаки рыскаютъ у часовни, засматриваютъ за стекла. И сторожъ пьяный. Я помню его лицо, тупое лицо могильщика-идіота. Потянетъ съ меня за яму... Нечего взять съ меня. А съ Ивана Михайлыча потянетъ...

Когда эти смерти кончатся! Не будетъ конца, спутались всѣ концы — концы-начала. Жизнь не знаетъ концовъ, началъ...

Умеръ старикъ вчера, — избили его кухарки! Черпаками по головѣ били въ совѣтской кухнѣ. Надоѣлъ имъ старикъ своей миской, нытьемъ, дрожаньемъ: смертью отъ него пахло. Теперь лежитъ покойно — д о б у д у щ а г о в ѣ к а. *Аминь.* Лежитъ профессоръ, строгій лицомъ, въ бѣлой бородкѣ, съ орлинымъ носомъ, въ чесучевомъ форменномъ сюртукѣ, сбереженномъ для гроба, съ погонами генеральскими, съ серебряной звѣздочкой пушистой — на голубомъ просвѣтѣ. Въ небѣ серебряная звѣзда! Чудесный символъ. Завтра поступитъ въ полную власть — Кузьмы ли, Сидора, — какъ его тамъ зовутъ? Кузьма не знаетъ ни звѣздъ, ни «яти», ни Ломоносова, ни Вологодскаго края; знаетъ одно: надо содрать сюртукъ, а потомъ — вали въ яму.

Чужая земля, татарская...

Да, смертенышъ... Я сидѣлъ на бугрѣ и думалъ. И вдругъ — шорохъ за мной, странный, подстерегающій. За мною стоялъ, смотрѣлъ на меня... смертенышъ! Это былъ мальчикъ лѣтъ десяти-восьми, съ большой головой на палочкѣ-шейкѣ, съ ввалившимися щеками, съ глазами страха. На сѣромъ лицѣ его бѣловатыя губы присохли къ деснамъ, а синеватые зубы

выставились — схватить. Онъ какъ-будто смѣялся ими и оттопыренными ушами летучей мыши.

Я глядѣлъ въ ужасѣ на него — на видѣніе изъ больного міра. А онъ смѣялся зубами и качался на тонкихъ ножкахъ, какъ на шарнирахъ. Онъ проскрипѣлъ мнѣ едва понятное слово:

— Д... вай...

За нимъ шла женщина, пошатывалась, какъ пьяная. У живота ея, на усталыхъ рукахъ лежало что-то, завернутое въ тряпку. Она совсѣмъ упала на бугоркѣ. Они съ утра уже идутъ издалека, — верстъ шесть, — изъ-за «Черновскихъ Камней», въ городъ, къ власти. Всѣ садятся. Двое у ней уже померли, теперь кончается маленькій, въ этой тряпкѣ.

— А этотъ еще... красавчикъ... — говоритъ женщина про смертеныша, говоритъ издалека, сонно. — Господь послалъ... галку вчера подшибъ.

— Я... камушкомъ... га...галка... — сонно, пьяно шепчетъ мнѣ мальчикъ и все смѣется зубами А глаза въ страхѣ.

— Скажу... проклятымъ... убейте лучше... Мужъ-то мой ихнимъ былъ... семью бросилъ. спутался съ яхней какой-то, вотъ эти-то вотъ... какъ ихъ... слова-то... голова моя... съ нитилигентной... на почтѣ служилъ... хорошо кушали... Она партійка... а я, говоритъ... ду-ра...

Она начинаетъ выть, какъ отъ боли:

— Петичка... послѣдышекъ мой... желанный... три годочка... Съ голоду спится... бужу его: — «Проснись, Петичка... за хлѣбушкомъ пойдемъ въ городъ...» — А Петичка мнѣ... «Ахъ, мамочка... патиньки нада... я са-ало ѣлъ... я мя... а... со ѣлъ...» — Гляжу, а у подушечки-то уголочекъ... сжеванъ...

Я убѣжалъ отъ нихъ въ балку. Слѣдилъ оттуда — ушли ли? Они долго сидѣли на бугрѣ.

Да когда же накроетъ камнемъ??! Когда размотается клубокъ?.. Скажутъ горамъ: падите на насъ!

Не падаютъ... Не пришли сроки? Прошли всѣ сроки, а чаша еще не выпита!..

Я кричу страннымъ какимъ-то существамъ... — дѣвчонкамъ?.. —

— Что вы?! зачѣмъ?!

Онѣ ползутъ отъ меня, отъ меня страшнаго... я помѣшалъ имъ въ дѣлѣ... собирать сухія «тарелки», слѣды коровьи!..

Почему же такое пустое море?! Такое тихое и — пустое! Гдѣ пароходы чудесныхъ, богатыхъ странъ?

А все еще ходятъ мимо, все еще проползаютъ черезъ бугоръ. Вонъ, идетъ опять кто-то, снизу, изъ-подъ Кастели... Идетъ ровно, по дѣлу будто. Стучитъ дрючкомъ по плетню... Кому-то я еще нуженъ!..

— Что еще нужно?!.. Теперь не время стучать!.. Ну... что вамъ нужно?! — кричу я какому-то человѣку съ веселыми глазами, съ лицомъ, какъ у королька мякоть, — крѣпкимъ. — «Чего ему нужно, крѣпкому?»

— Чи не взнаете... ге! А Максимъ-то..! Да я жъ спиднизу... ге! Да молочко жъ у менэ покуповалы... ге! Ну, якъ вы... шше не вмерлы?! Ге!.. Усѣхъ положутъ, якъ вотъ... штабелями положуть, а по нимъ танцувать будуть... мовъ мухи на гавну... Ге! Погибаетъ народъ хрещеный...

Теперь я его признаю, хитраго мужика-хохла, — изъ-подъ Кастели. Дрогаль когда-то, теперь на коровѣ держится. Такой хохолъ оборотистый, что пробы поставить негдѣ. Намѣнялъ у Юрчихи, и гдѣ придется, на молоко всякаго добра, вымѣнилъ въ степи на пшеницу загодя, зарылъ въ потайное мѣсто. Ходитъ рванью и громче другихъ кричитъ — погибаемъ, мовъ тараканы на морози!

— Вотъ о н ы... какъ обкрутылы народъ православній... ге! У хати съ коровой сплю, топоръ подъголова да дрючокъ хорошій... замѣсто жинки... ге! А шшо, я васъ вспрошу... слыхали? Шишкиныхъ усѣхъ

зарестовалы! Да якъ же...Хведоръ вотъ заходилъ, сосѣдъ ихній... Лягунъ. Прямо... ужахается! Нашли кого! Оружье они ховали... народъ убивать хрещеный! Ге! Во — подвели-то! Ужахается Хведоръ, прямо... плачетъ. Значитъ такъ... Съ недѣлю тому, пріѣхали на коняхъ... обыскъ! Будто разбоемъ живутъ, съ ружьями на шошу выходятъ, въ маскахъ. Тысь, все пертрусили у нихъ... не нашли. Заразъ въ каменья полѣзли! «Хавосъ» у насъназвается... тамъ, можетъ, какія тыщи годовъ прошло, гора завалилась. Тутъ-то тебэ и есть! двѣ винтовки!! прочищены, смальцемъ смазаны... Мовъ извѣстно и м ъ було! Заразъ нашлы. Самъ главный чертяка не нэйшовъ бы... съ версту «Хавосъ»! Всѣхъ и забрали.

Словно сказку разсказываетъ Максимъ, и весело! Это Борисъ-то, освободившійся, наконецъ, отъ н и х ъ ! Одного только ждавшій — залѣзть въ «Хаосъ» и писать разсказы! Этотъ тихій, кроткій с ч а с т л и в е ц ъ, съ которымъ играла смерть...

— Да якъ же жъ, Боже мій... усѣхъ знаю! Винъ, прямо... мовъ съ иконы сишелъ! тихой вотъ... мовъ телушка. Хведоръ, прямо... ужахается, лица на немъ нэма. Прійшовъ до меня ранэнько, кашель його замучилъ, чихотка злая. Говоритъ, поручусь за нихъ, отпустятъ. Ну, старика отпустили, а этихъ въ Ялты погнали, сыновъ. Кто имъ тутъ путки ставитъ... «Хочь они мнѣ телку отравить стращали... — Хведоръ-то мнѣ... а я имъ вреда не хочу». Рыбаки за Бориса вступались... А э н т и свое ладютъ: разберемъ и на сѣверъ вышлемъ! у Харьківъ! Ге! О н и вы-шлютъ.. ге!

Онъ стоитъ и высматриваетъ мое «хозяйство».

— А курей-то шшо жъ не видать?

— У ш л и.

— На молочко, можетъ, помѣняемъ?..

— У - ш л и ! Послѣднюю отдалъ въ добрыя руки...

— Ну, индюшечку ужъ..?

— Ушла.

Онъ все высматриваетъ. Видитъ — только деревья, камни...

— Ну, здоровэньки бувалы. Це гарно, шшо не помэрлы...

На Сѣверъ вышлютъ! Отъ сколькихъ смертей ушелъ, а тутъ... Не можетъ этого быть.

— — — — — — — — — — —

Черная ночь... которая?... Тихо, не громыхнетъ вѣтромъ. Устали вѣтры. Или весна подходитъ? Но какой же мѣсяцъ? Все перепуталось, какъ во снѣ...

Вѣтеръ гремитъ воротами?.. Не вѣтеръ... — они, ночные! Гдѣ же топоръ?.. Куда я его засунулъ?.. Вымѣнилъ!? Что же теперь... пойти?.. Все стучатъ. Сами войдутъ...

Стучатъ не сильно. Не они это. Кто-то робкій... Анюта? Мамина дочка! Анюта не постучитъ теперь, — ушла Анюта. Кому же еще стучать..?

Пришелъ высокій, худой старикъ. Глаза у него орлиные, носъ горбатый. Смотритъ изъ-подъ бровей, затравленно. Оборванный, черно-сѣдой и грязный. Всталъ на порогѣ и мнется съ пустымъ мѣшкомъ, комкаетъ его въ длинныхъ пальцахъ.

— Ужъ къ вамъ позвольте, по дорогѣ вспомнилъ. Въ городѣ задержался до темени, а итти-то еще двѣнадцать верстъ...

Кто онъ такой?.. Все перепуталось въ памяти.

— Я... отецъ Бориса, Шишкинъ. Борисъ-то все къ вамъ ходилъ, бывало...

Онъ ничего, спокоенъ и дѣловитъ, только, словно что вспоминаетъ и мнетъ мѣшокъ. Чаю у меня нѣтъ, но есть кусокъ ячменнаго хлѣба.

— У самихъ мало... а я, признаться, съ утра только водички выпилъ... ходилъ въ городъ нащотъ вина... три ведра у меня вина...

Онъ выщипываетъ кусочками и жуетъ вдумчиво, и все вспоминаетъ что-то. Я не могу его спрашивать.

— Сейчасъ иду въ городѣ... сказалъ мнѣ кто-то... Кашина сына разстрѣляли въ Ялтѣ... виноделова. И отецъ померъ отъ разрыва сердца. Мальчикъ былъ, студентъ... славный мальчикъ. На войнѣ былъ съ нѣмцами, а то все здѣсь жилъ тихо... рабочіе любили...Хорошо. Въ приказѣ напечатано... на стѣнкѣ. Сталъ читать... Обоихъ м о и х ъ.

— Что..?!

— Обоихъ сыновъ... — сдѣлалъ онъ такъ, рукой... — Какъ разъ сегодня... двѣ недѣли. За разбой. Бориса... за разбой!..

Онъ сложилъ мѣшокъ вчетверо и сталъ разглаживать на колѣнкѣ, лица не видно.

— Мать одна осталась, подъ Кастелью... ночью приду. Къ вамъ и зашелъ. Какъ е й говорить-то?!.. Этотъ вопросъ очень серьезный. Я вотъ все... Какъ разъ двѣ недѣли сегодня... у ж е двѣ недѣли!.. Бориса... за разбой!.. я ей не могу говорить.

Ночь далеко ушла. Я выходилъ подъ небо, глядѣлъ на звѣзды... Придешь — старикъ сидитъ съ мѣшкомъ. А ночь идетъ. Я сижу у печки. Старикъ дремлетъ на кулакахъ. Говорить не о чемъ, мы знаемъ в с е. Вотъ ужъ и заря, щели засинѣли въ ставняхъ. И слышно муэдзина по зарѣ. Онъ все кричитъ о Богѣ, все зоветъ къ молитвѣ... благодарить за новый день.

— Ну, пойду...

— — — — — — — — — — —

Цвѣтетъ миндаль. Голыя деревья — въ розовато-бѣлой дымкѣ. Въ тѣни, подъ туей, распустились подснѣжники — изъ бѣлаго фарфора будто. На луговинкахъ золотые крокусы глядятся, высыпали дружно. Потеплѣе гдѣ, въ кустахъ, — фіалки начинаютъ пахнуть... Весна? Да, идетъ весна.

Черный дроздъ запѣлъ. Вонъ онъ сидитъ на пустырѣ, на старой грушѣ, на маковкѣ, — какъ уголекъ! На свѣтломъ небѣ онъ четко виденъ. Даже какъ носъ его сіяетъ въ заходящемъ солнцѣ, какъ у него играетъ горлышко. Онъ любитъ пѣть одинъ. Къ морю повернется — споетъ и морю, и виноградникамъ, и далямъ... Тихи, грустны вечера весной. Поетъ онъ грустное. Слушаютъ деревья, въ бѣлой дымкѣ, задумчивы. Споетъ къ горамъ — на солнце. И пустырю споетъ, и намъ, и домику, грустное такое, нѣжное... Здѣсь у насъ пустынно, — никто его не потревожитъ.

Солнце за Бабуганъ зашло. Синѣютъ горы. Звѣзды забѣлѣли. Дрозда уже не видно, но онъ поетъ. И тамъ, гдѣ порубили миндали, другой... Встрѣчаютъ свою весну. Но отчего такъ грустно?.. Я слушаю до темной ночи.

Вотъ уже и ночь. Дроздъ замолчалъ. Зарей опять начнетъ... Мы его будемъ слушать — въ послѣдній разъ.

Мартъ-сентябрь 1923 г.
Парижъ — Грассъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris.

